

С.В.МИРОНЕНКО

ГРАНИЦЫ ТАЙНОЙ ИСТОРИИ САМОДЕРЖАВИЯ

С.В.МИРОНЕНКО

ТРАНИЦЫ ТАЙНОЙ ИСТОРИИ САМОДЕРЖАВНА

Политическая
история России
первой половины
XIX столетия

Москва · Мысль · 1990

ББК 63.3(2)47
М64

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ СССР

М $\frac{0503020200-032}{004(01)-90}$ 19-90

ISBN 5-244-00406-9

© С. В. МIRONENKO. 1990

ВВЕДЕНИЕ

Заглавие книги легко может вызвать у читателя привычные ассоциации: ужасы тайной канцелярии, где пытаются неугодных властям подданных, исторические загадки вроде «железной маски» или княжны Таракановой, династические секреты, такие, как происхождение Павла I или более существенный — завещание Петра I. Но не об этом пойдет речь, хотя, например, последствия скрытого от всех отречения от престола цесаревича Константина или обстоятельства смерти Александра I займут в ней свое место. Ничто, однако, не было окружено в России большей тайной, чем выбор путей будущего развития страны. Этой скрытой от современников деятельности и посвящены помещенные в предлагаемой книге очерки.

XIX столетие занимает особое место в истории России. С его началом страна вступила в новый этап развития. Предшествующие века формирования и укрепления основ самодержавного государства сменились временем, когда неумолимый ход исторического процесса («дух времени», как говорили современники) подверг его существование суровым испытаниям и сделал неизбежным близкое крушение всей прежней феодально-крепостнической системы.

Очевидные признаки того, что самодержавие и в прежнем виде, без глубоких изменений, вряд ли сможет далее существовать, страна ощутила уже на исходе первой четверти XIX в. Зарождение декабризма, десятилетняя история тайных обществ и, наконец, восстание 14 декабря 1825 г. были серьезными симптомами явного неблагополучия в политическом и социально-экономическом строе России. Они свидетельствовали и о том, что это неблагополучие уже осознается передовой частью общества, и не только ею. Грандиозные реформаторские замыслы М. М. Сперанского в годы, предшествовавшие Отечественной войне 1812 г., конкретные проекты русской конституции и освобождения крепостных крестьян, созданные по инициативе Александра I Н. Н. Новосильцовым, А. А. Аракчеевым и Д. А. Гурьевым в 1818—1820 гг., доказывали, насколько серьезно было озабочено этими проблемами правительство. Возможно

ли в самодержавном государстве более очевидное и убедительное свидетельство если не кризиса всей системы, то по крайней мере начала этого процесса, чем признание самим самодержцем несоответствия требованиям времени коренных основ социально-политического строя страны — абсолютной монархии и крепостного права? Очевидно, нет. В то время и перед верховной властью и перед обществом впервые во всей реальности встал вопрос о правомерности существования неограниченного самодержавия и крепостного права. И, что особенно важно, встал не как отвлеченная проблема (об этом много рассуждали и раньше), а как насущная потребность русской жизни 1810—1820 гг. Возникло и утвердилось (правда, в достаточно узком кругу) сознание необходимости и неизбежности коренных преобразований.

Однако вслух сказать о кардинальных проблемах, от разрешения которых зависело будущее страны, самодержавие не решалось. Речь Александра I, произнесенная в марте 1818 г. в Варшаве при открытии польского парламента, в которой он говорил о «спасительности» конституционных порядков и намекал на возможность дарования России конституции, так и осталась единственным публичным признанием необходимости реформирования политической системы. Намерение решить самые жгучие проблемы российской действительности — судьбу крепостного права и неограниченного самодержавия — было скрыто за плотной завесой тайны. Первые же попытки обсудить эти вопросы в печати были решительно пресечены властью. В 1818 г. было запрещено печатать что-либо о конституциях даже в тех случаях, когда доказывалось превосходство неограниченной монархии перед конституционной. Министр народного просвещения А. Н. Голицын объяснял это тем, что обо всем касающемся правительства можно писать только по воле самого правительства, «которому лучше известно, что и когда сообщать публике». Атмосфера секретности, которой были окружены подступы к решению жизненно важных для будущего России вопросов, стала еще более непроницаемой, чем та, что сохраняла династические или альковные тайны императорской семьи. Весь Петербург знал и говорил о любовнице Александра I Марье Антоновне Нарышкиной и его внебрачной

дочери от нее (общеизвестность эта наглядно была продемонстрирована упоминанием имени мужа Марьи Антоновны, Д. Л. Нарышкина, как главы ордена рогоносцев в посланном Пушкину «дипломе»), о сердечных влечениях Николая I, не был ни для кого секретом и морганатический брак Александра II с княгиней Юрьевской. Но вот то, что уже в 1820-х годах был разработан проект русской конституции и обсуждались конкретные документы, призванные возвестить российским подданным о ее введении, оставалось для подавляющего большинства современников тайной за семью печатями. Вплоть до середины XIX в. верховная власть оставалась в полной уверенности, что назревшие проблемы удастся разрешить привычным секретно-бюрократическим путем. Вера в чудодейственную силу секретных комитетов и комиссий определялась самой природой российского самодержавия, которому была совершенно чужда опора на общество.

В обстановке строжайшей секретности внутри узкого круга высших бюрократов обсуждались конституционные проекты, возникали и рушились планы освобождения крепостных крестьян, шла ожесточенная борьба между сторонниками и противниками перемен. Однако то, что происходило в недрах верховной власти, почти никогда не вырывалось наружу. Более того, если судить по внешним проявлениям, то вряд ли можно догадаться, что всю первую половину XIX в. в России шла острая политическая борьба между правительством и обществом. Почти полное отсутствие открытых дебатов, сколько-нибудь широкой публичной полемики о путях развития страны рождало иллюзию отсутствия всякой борьбы вообще. Действительно, ведь вплоть до 14 декабря 1825 г. могло казаться, что в России нет никакой серьезной оппозиции правительственной политике. После расправы с декабристами общественное сопротивление было насильно загнано внутрь и в течение всего николаевского царствования проявлялось публично лишь в форме литературной полемики. И только процесс петрашевцев вновь напомнил о незатухающем общественном сопротивлении николаевской реакции. Открытой политической борьбой общество вновь мощно заявило о себе после поражения в Крымской войне в эпоху «великих реформ».

Эволюция неограниченного самодержавия в бур-

жуазную монархию шла параллельно с признанием роли общественных сил в жизни страны. В первой же половине XIX в. в России существовала ни на что не похожая, трудно постигаемая ситуация: сторонники перемен в правительстве и в обществе таились друг от друга. Правительство, намекая на возможность перемен, держало в величайшей тайне все свои шаги в этом направлении. Передовое дворянство, видя в реальной жизни лишь явные признаки продолжения прежней политики, создавало тайные общества, временами стремясь к поддержке реформаторских намерений правительства, но на наступление реакции отвечая усилением революционной борьбы.

Стремление верховной власти скрыть от общества свои замыслы, тайна, в которую облекались любые шаги и действия в этом направлении, серьезно затрудняют для исследователя изучение всех реалий политической борьбы, но в то же время делают этот процесс чрезвычайно увлекательным. Проникновение в те тайники политической истории, где порой одно откровенно сказанное слово, высказанная вслух сокровенная мысль стоят десятков и сотен официальных бумаг, способствует углублению представлений о прошлом, помогает яснее и отчетливее восстановить ход исторического процесса.

В центре предлагаемой читателю книги находятся события 20—50-х годов XIX в. В первой главе речь идет об обстоятельствах возникновения первой русской конституции, выработанной, но не осуществленной правительством. «Государственная уставная грамота Российской империи», над которой в 1818—1820 гг. работали сотрудники канцелярии Н. Н. Новосильцова в Варшаве, действительно была «тайной конституцией». О ней, возможно, не знал даже брат царя Константин Павлович, человек вполне консервативных взглядов, не разделявший конституционные настроения старшего брата (первый польский конституционный сейм в 1818 г. Константин иронически назвал «русской комедией»). Лишь благодаря ряду счастливых случайностей текст конституции дошел до наших дней и хранится теперь в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) вместе с разрозненными остатками бумаг канцелярии Н. Н. Новосильцова, разгромленной во время восстания 1830—1831 гг.¹ Польские повстанцы, обнаружившие проект

конституции, тут же, в 1831 г., ее и опубликовали, сделав известной всей Европе неудавшуюся попытку еще при Александре I превратить Россию в конституционную монархию. Однако пути истории неисповедимы. В советское время эта конституция неожиданно вновь сделалась «тайной» для читателей. Конституционные искания Александра I, его попытки приступить к освобождению крепостных крестьян не укладывались в жесткие догматические схемы, утвердившиеся в исторической науке со второй половины 1930-х годов. Поэтому, скажем, в многотомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», призванной подвести итоги изучению истории нашей Родины в советское время и дать современный взгляд на ее события, об «Уставной грамоте» упоминается лишь мельком в разделе, многозначительно озаглавленном «Тревога и замешательство в правительственных кругах». Здесь нет не только сколько-нибудь внятного объяснения, чем на самом деле была «Уставная грамота», но сам факт ее существования отнесен к области смутных слухов. «Надежды на проведение конституционных реформ внутри России пробудили еще сильнее слухи о том, что царь поручил Н. Н. Новосильцову разработать проект «Уставной грамоты» для преобразования государственного устройства империи,— писали авторы этого труда,— а некоторым другим приближенным—заняться подготовкой положения о способах освобождения крестьян от крепостной зависимости. Вскоре, впрочем, слухи развеялись, а надежды угасли. Подготовленный Новосильцовым текст «Уставной грамоты», по словам самого автора, «не вносил никакого новшества... в государственное устройство». Просмотрев его, царь отложил обсуждение до лучших времен, а потом просто забыл о нем»². Насколько далеки от истины подобные суждения, читатель, надеемся, убедится, ознакомившись с подробным изложением текста конституции, драматическими перипетиями политической борьбы вокруг нее и готовившимися правительством проектами освобождения крестьян.

В следующей главе читатель узнает о запутанных и сложных обстоятельствах династического кризиса, возникшего после смерти Александра I и ставшего непосредственным поводом к восстанию 14 декабря 1825 года. В этом эпизоде, как ни в каком другом, ярко

проявилось влияние на ход русской истории, казалось бы, частных неурядиц жизни царской семьи, члены которой никак не могли договориться о порядке престолонаследия. В самодержавном государстве, лишенном по существу твердых юридических норм, любое замешательство в этом вопросе, как показали события 1823—1825 гг., может обернуться совершенно непредвиденными коллизиями. Удивительно, но факт: если бы Александр I не оставил в тайне все документы об отречении от престола его законного наследника цесаревича Константина Павловича и о передаче права на престол следующему своему брату — Николаю Павловичу, восстания декабристов вообще не было бы. Хорошо известно, что открытое выступление намечалось членами тайного общества на срок не ранее лета 1826 г. А уже осенью 1825 г. в руках правительства стали скапливаться неопровержимые свидетельства о существовании в армии разветвленного заговора (доносы Шервуда, Бошняка, Майборода). Первые аресты членов Южного тайного общества (в том числе и его главы — П. И. Пестеля) были произведены накануне восстания в Петербурге. Если бы не внезапная смерть Александра I в Таганроге, не замешательство, вызванное первой присягой новому императору Константину, не его отказ от короны, не назначение на 14 декабря еще одной присяги — теперь уже Николаю, то восстание просто могло не произойти. Члены тайных обществ были бы арестованы, и как бы обернулось дело дальше, трудно сказать. Как показывают документы, мысль об отречении от престола, зародившись у Александра I еще в ранней юности, вновь возникла у него именно в разгар работ над конституцией. Нет ли тут связи? Не должно ли было отречение Александра I облегчить введение конституции? Не потому ли он не огласил свое решение вопроса о престолонаследии, что, отказавшись под давлением реакционных сил от завершения и реализации «Уставной грамоты», он все же думал к ней вернуться? Окончательных ответов на эти вопросы нет. Но автором сделана попытка показать, насколько сложными и неоднозначными оказались обстоятельства последних лет жизни Александра I.

Центральное место в книге занимает глава «Одиннадцать секретных комитетов». В ней рассказывается,

как на протяжении всего своего царствования Николай I тщетно пытался найти пути решения крестьянского вопроса. Мысль о политической реформе, об ограничении самодержавной власти представительными учреждениями была решительно оставлена (недаром время правления Николая I получило в истории название «апогея самодержавия»), но вот над разрешением социальной проблемы бились постоянно. Еще в 1842 г. на заседании Государственного совета, где обсуждался указ об обязанных крестьянах — одна из мер, которыми император рассчитывал продвинуть вперед дело постепенного освобождения крепостных крестьян, — Николай I произнес известные слова о том, что лучше самим освободить крестьян сверху, чем позволить им попытаться освободить себя снизу. В 1856 г. эти слова были повторены Александром II, вполне осознавшим, что настало время решительных действий и промедление может привести к кровавому крестьянскому бунту. (Не будем сейчас обсуждать вопрос, насколько это было реально.) Политическая ситуация заставила Александра II перейти от слов к делу. Николай же, хорошо понимавший необходимость и неизбежность падения крепостного права, не мог выйти из плена самодержавной секретности, из порочного круга обсуждения крестьянского вопроса только в секретных комитетах. Рассказ о том, как предполагали Николай I и его ближайший помощник П. Д. Киселев приступить к освобождению крестьян и как их намерения были похоронены сановными бюрократами вследствие безгласного, тайного пути, избранного для решения самой жгучей проблемы российской действительности, показывает историческую обреченность авторитарной системы правления, не способной обеспечить прогресс общества, не отрехшись от самой себя.

Но сам процесс отказа от самодержавной традиции решения втайне государственных проблем оказывался необыкновенно трудным даже в условиях, когда верховная власть после сокрушительной крымской катастрофы решила всерьез взяться за крестьянскую реформу. С чего начинал дело создававший все это император? С создания очередного — на этот раз последнего — Секретного комитета. Заключительная глава книги посвящена тому, как окончательный провал деятельности этого комитета привел власть к сознанию неизбежности поставить дело реформы на

принципиально иные рельсы. Создание губернских комитетов, а вслед за ними редакционных комиссий, в которых дворянству была предоставлена возможность гласно обсуждать и вырабатывать основы новых отношений помещиков и крестьян, сдвинуло наконец крестьянский вопрос с мертвой точки. Но это стало в свою очередь началом эволюции самого самодержавия, первым шагом на пути превращения его в конституционную монархию.

ТАЙНАЯ КОНСТИТУЦИЯ

В ноябре 1819 г. в парижской газете «Le Constitutionnel», издававшейся известным французским публицистом и политическим деятелем, приверженцем конституционной монархии Бенжаменом Констаном, появилась заметка, где на основании «письма из Варшавы, пришедшего необычным путем», сообщалось о близящемся введении конституции в России и кратко излагалось ее содержание. Правда, заметка кончалась вопросом, выражавшим некоторое недоверие и сообщению и самой возможности конституционных замыслов у русского правительства: «Все это не будет ли просто игрой демагогической партии?»¹ Никаких других сведений о русской конституции и ее судьбе в западноевропейской прессе не появилось, молчание хранила и русская печать. Тем не менее парижская публикация немедленно обратила на себя внимание европейских правительств. Депешей от 16(28) ноября министерство иностранных дел Пруссии поручило посланнику в Петербурге Шеллеру выяснить все обстоятельства дела и сообщить в Берлин как можно больше подробностей. В декабре депеша такого же содержания была отправлена Меттернихом австрийскому посланнику в России Лебцельтерну².

Заметка в «Le Constitutionnel» приоткрыла одну из самых тщательно охранявшихся тайн петербургского двора. Именно приоткрыла, обнародовав сам факт работы над конституцией для России, но отнюдь не прорвала ту плотную завесу, которой она была окутана.

Однако прежде чем продолжить рассказ о событиях 1819 г., вернемся на несколько лет назад, чтобы лучше представить себе обстоятельства, вызвавшие к жизни саму идею создания конституционного проекта, ограничивавшего всевластие российского самодержца.

Победоносное завершение Отечественной войны 1812 г., освобождение народов Европы от наполеоновского ига, завоевание Россией лидирующего положения на мировой арене — словом, все те блестящие

достижения, которыми была ознаменована для страны середина 1810-х годов, не могли заслонить остроту внутренних противоречий и нерешенных вопросов. Основной коллизией политической ситуации первой половины XIX в. было глубокое противоречие между реальным состоянием самодержавия, его политических институтов и ставшей совершенно очевидной необходимостью серьезных перемен.

Страна была разорена войной, потребовавшей напряжения всех сил и принесшей огромные материальные и людские потери. Серьезный урон, нанесенный крепостному хозяйству, усугубился почти полным расстройством финансов. Россия переживала тяжелый экономический кризис. И хотя, как показали дальнейшие события, крепостной строй был еще достаточно силен и мог справиться с испытаниями без коренной ломки своей основы, объективные потребности в новом пути развития заявляли о себе все с большей и большей остротой.

Все передовые силы страны с надеждой ожидали неминуемых, как им казалось, перемен. И. Д. Якушкин, рассказывая в своих «Записках» о действиях Александра I в освобожденной союзными войсками Франции, которым «мог только радоваться республиканец Лагарп» (в 80—90-е гг. — воспитатель будущего императора), писал: «В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решавшие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо... слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед»³.

Необходимость вплотную заняться насущными проблемами сознавала и сама верховная власть. Одним из факторов, заставлявших ее задумываться о реформах, было крестьянское движение. Конечно, в те годы оно было довольно слабым. Однако дело было не только и даже не столько в масштабах движения. В правительстве хорошо понимали, что под слабостью внешних проявлений кроется широкое и глубокое недовольство крестьянства. Недаром призрак «пугачевщины» так долго и так сильно пугал правящее сословие. Сама мысль о повторении грозных событий крестьянской войны прошедшего века (хотя решительно никаких условий для этого в начале XIX в. не было) страшила сильнее, чем крестьянское движение.

Отечественная война 1812 г. не только всколыхнула национальное самосознание народа, воодушевив и объединив его высокой патриотической целью, но и дала сильный толчок его социальному пробуждению. «Еще война длилась,—вспоминал в 1826 г., находясь в заточении в Петропавловской крепости, декабрист А. А. Бестужев,—когда ратники, возвратясь в дома, первые разнесли ропот в классе народа. «Мы проливали кровь,—говорили они,—а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа»»⁴. Если к этому добавить, что во время заграничных походов солдаты и офицеры русской армии (дворяне и крестьяне) своими глазами увидели иной образ жизни, иной политический строй, иной образ ведения хозяйства, то становится ясно, как сложны были проблемы, с которыми пришлось столкнуться самодержавию. Перед властью возникла вполне реальная опасность, что победители Наполеона и освободители Европы могут не захотеть по-прежнему сносить все тяготы крепостного права.

Не менее остро, чем проблема крепостничества, после окончания Отечественной войны 1812 г. перед правительством встала задача проведения политических реформ. Россия вступила в XIX столетие не только с сохранившимся в неприкосновенности самодержавным строем, но и с такой организацией власти, которая уже безнадежно устарела. Несмотря на отдельные реформы, проведенные в 1810-х годах, она не отвечала потребностям времени и не обеспечивала действенного руководства страной. Смещение функций различных частей государственного аппарата, отсутствие контроля за выполнением правительственных решений, дублирование ответственности правительственных чиновников, очевидный разрыв между издаваемыми законами и их исполнением, произвол и повсеместная коррупция—вот отличительные черты самодержавного государственного строя того времени. И конечно, неизменный спутник любой бюрократической системы—неприкрытый чиновничий грабеж. Характерно, что в признании его одной из глубочайших язв тогдашней России сходились представители самых различных общественных направлений. А. А. Бестужев писал: «В казне, в судах, в комиссариатах, у губернаторов, у генерал-губернаторов—езде, где замешался интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел—тот крал»⁵. И о том же

строки одного из самых консервативных документов эпохи — «Записки о древней и новой России» выдающегося русского историка, друга Александра I Н. М. Карамзина. «Везде грабят,— писал он,— и кто наказан? Ждут доносов, улики, посылают сенаторов для исследования и ничего не выходит! Доносят плуты — честные терпят и молчат, ибо любят покой. Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по коему взяточбратель и взяточдатель равно наказываются. Указывают пальцем на грабителей — и дают им чины, ленты в ожидании, чтобы кто на них подал просьбу. А сии недостойные чиновники в надежде на своих подобных им защитников в Петербурге беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя, какого они условно лишились. В два или три года наживают по несколько сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни»⁶. Таким образом, приведение политического устройства страны в соответствие с «духом времени» и освобождение крестьян, осознанные как неотложные задачи не только «молодой Россией», в офицерских мундирах прошагавшей по дорогам Западной Европы и воочию увидевшей этот «дух», но и самой верховной властью, были вполне назревшими проблемами.

В 1815 г. Александр I, по свидетельству кн. А. Б. Куракина, изволил «публично изъясняться насчет нынешнего устройства внутреннего государственного управления», заявив, что в ближайшее время его «главнейшие занятия будут по сему предмету»⁷. Идея конституционного ограничения самодержавной власти носилась в воздухе послевоенной Европы. В 1815 г. была дарована конституция Царству Польскому, вошедшему в состав России после победы над Наполеоном. В том же году была установлена конституционная монархия во Франции, конституционное устройство получили некоторые германские княжества, была подтверждена шведская конституция. Немалую роль в этом играла настойчивость российского императора.

Как показали дальнейшие события, введение конституции в Царстве Польском имело для Александра I особенное значение. Это было для него не просто конституционное устройство новой и особой части империи, но первый шаг на пути к конституции русской.

В начале ноября 1815 г. в Варшаве состоялся примечательный разговор императора с М. Огинским —

одним из видных деятелей польской шляхты, представившим интересы помещиков западных русских губерний. Незадолго до этого, еще во время Венского конгресса, Огинский добивался, чтобы Александр I принял депутацию дворян Западного края, очевидно рассчитывая во время аудиенции представить императору просьбу о присоединении части территорий к Царству Польскому. Александр I согласился принять депутатов только трех губерний: Виленской, Гродненской и Минской. В Варшаве накануне приема депутатов при представлении Огинского императору и состоялся их разговор. По воспоминаниям Огинского, Александр I сказал ему следующее: «Вся Франция вооружилась, и, несмотря на то, в продолжение одной недели гидра была низвергнута. Я вторично вступил в Париж, потеряв не более пятидесяти человек... Такие чрезвычайные события встречаются веками... Другие были предусмотрены и случились, потому что я так хотел и дал в том слово... Пусть жители этой страны ожидают исполнения моих обещаний с терпением и доверием... Я сделал все, что было возможно... Остальное будет исполнено, но не вдруг. Имейте ко мне доверие. Я заслужил его всем, что мною для вас сделано».

Огинский отвечал, что не сомневается в расположении Александра I к полякам, но пожаловался, что в Вильне запрещено говорить о Царстве Польском и о намерении императора даровать ему конституцию. «Редактор «Литовской газеты»,—говорил Огинский царю,—получил выговор за статью о Варшаве. Никто не смеет упоминать Польшу и поляков, и учреждения нового царства так же мало известны у нас, как если бы мы находились в нескольких тысячах верст от Варшавы». Затем он спросил, примет ли Александр I депутацию литовского дворянства. Император отвечал: «Почему же нет? Только не касайтесь тонкой струны, которая поставила бы меня в неприятное положение... Я не могу допустить, чтобы вы пришли просить меня о присоединении ваших областей к Польше... Не должно подавать повода к мысли, что вы о том просите; пусть лучше думают, что я сам этого желаю... Я знаю, что вы недовольны своим положением... Но никто не должен предполагать, чтобы я когда-нибудь вздумал отделить эти области от России... Напротив, я хочу скрепить связь, соединяющую их с моею империею, улучшением участи моих

польских подданных... Вы недовольны и имеете к тому повод, пока наравне со своими соотечественниками не будете пользоваться благами конституции; вместе с нею присоединение вас к России установит доверие и совершенное согласие между обеими нациями. Мое убеждение в пользе этого дела еще более утвердится, когда войска и гражданские чиновники Царства Польского останутся в будущем такими же, какими нахожу их в настоящее время... Когда это правительство сделается образцовым и все увидят на опыте, что учреждение его не имеет никаких неудобств для империи, тогда легко мне будет довершить остальное... Еще раз скажу вам — верьте мне и не ставьте меня в неприятное положение»⁸.

В этой речи Александра I много недомолвок, умолчаний, намеков, трудноуловимых через 170 лет. Однако основной ее смысл достаточно очевиден. Император недвусмысленно дал понять собеседнику, что намерен установить конституционные порядки не только в Польше, но и в России, решив тем самым проблему западных губерний не присоединением их к Царству Польскому, а уравниванием прав их жителей с правами, полученными поляками по конституции. Воспоминания Огинского дают основания для принципиально важного вывода, что мысль о распространении конституционных норм, вводимых в Царстве Польском, впоследствии на всю Российскую империю была у Александра I еще в 1815 г. Польская конституционная хартия 1815 г., следовательно, была в его предположениях лишь прелюдией, первым актом более обширной программы. Данный факт недооценен в историографии, которая фактически прошла мимо этого программного заявления императора. В его свете становится гораздо более понятной вся последующая деятельность Александра I в этом направлении, а главное, не кажется уже столь неожиданным его заявление в речи при открытии первого польского сейма 1818 г. о намерении распространить действие «законно-свободных учреждений» на все подвластное ему население.

Вместе с тем конституция Царства Польского была для Александра I своеобразным экспериментом. Польша стала как бы полигоном для проверки того, насколько реален задуманный императором симбиоз конституции с самодержавной властью. В этом причина деятельного участия Александра I в создании самой

польской конституции, в придании ей черт, которые могли обеспечить самодержавной власти контроль над представительными учреждениями. Польский эксперимент, столь важный для России, должен был быть поставлен под строгий контроль.

1816 и 1817 годы прошли в подготовительных работах к созыву первого польского сейма. Рескриптом от 5 сентября 1817 г. Александр I поручил наместнику генералу Зайончеку назначить первые сеймиковые и гминные выборы. После того как они прошли и завершили свою деятельность избранием депутатов общепольского сейма, указом 5 февраля 1818 г. было объявлено о созыве первого общепольского сейма, открытие которого назначалось в Варшаве на 15 марта⁹.

С самого начала предполагалось, что заседание сейма будет открыто речью Александра I. О ее содержании император стал размышлять еще в начале года. Ход работы над текстом речи подробно освещен в воспоминаниях гр. Каподистрии, которого Александр I привлек к ее составлению. Отрывок из мемуаров Каподистрии «*Aperçu de ma carrière politique depuis 1798 jusqu'à 1822*», посвященный этому эпизоду, был введен в научный оборот М. И. Богдановичем, который извлек его из архива Министерства иностранных дел¹⁰.

Еще в Москве, вспоминал Каподистрия, Александр I, работая с ним над проблемами устройства Бессарабии, заговорил о предстоящей поездке в Варшаву на открытие сейма. Предупредив, что Каподистрия должен будет сопровождать его, Александр I вручил ему собрание речей, произнесенных в польском сейме королем саксонским, когда тот владел герцогством Варшавским. «Посмотрите и изучите эти речи,—сказал при этом император.—Затем займитесь той, которую я должен держать. Вот моя мысль». Из следующих слов Каподистрии ясно, что одновременно Александр вручил ему наброски своих мыслей о содержании предстоящей речи. «Он разрешил мне,—вспоминал дипломат,—ее обсудить и сделать ему замечания по двум пунктам, которые, как мне казалось, представляли очень серьезные неудобства. Первый касался сравнения, которое его величество хотел провести между Польшей и Россией. Во втором речь касалась обещания присоединить к Царству Польскому губернии, уже принадлежащие к его империи».

Александр остался недоволен высказанными замечаниями и возражениями. Он сказал в ответ Каподистрии: «Об этом у нас еще будет время подумать. Напишите пока проект речи, как вы ее понимаете, а затем мы увидим». Через несколько дней проект речи был готов и представлен императору. Последний оставил его у себя, заметив: «Мы к этому возвратимся в Варшаве», что, как понял Каподистрия, означало неудовлетворенность царя представленной работой. 1 марта 1818 г. Александр I прибыл в Варшаву, но в течение двух недель никаких разговоров о речи не было. Лишь за два дня до открытия сейма царь прочел Каподистрии черновик собственноручно написанной речи, сказав при этом: «Даю вам полную возможность расположить фразы согласно грамматике, расставить точки и запятые, но не допущу никаких других изменений». Каподистрия выполнил поручение, отредактировав данный ему текст, но, будучи совершенно не согласен с существом речи, оставшимся неизменным, вновь представил Александру свой вариант. Прочтя обе бумаги, император, по словам мемуариста, после минутного молчания сказал: «Вы все-таки остаетесь при своем. Это более чем настойчиво. Сожалею о труде, который вы приняли на себя, но я предпочитаю мою редакцию вашей». Каподистрия осмелился вновь защищать свою точку зрения. Однако все его попытки остались безуспешными. «Все это хорошо,—сказал Александр,—но я не изменю своего решения. Однако я посмотрю до завтра, не сделаю ли из этих двух проектов третий. Я прикажу вас позвать». В тот же день император передал Каподистрии то, что он назвал «ультиматумом». Заимствовав из проекта Каподистрии лишь отдельные выражения, Александр сохранил сущность своей речи в неприкосновенности.

Мы не располагаем свидетельствами о консультациях Александра I с другими государственными деятелями. Однако можно не сомневаться, что среди тех, с кем советовался царь, готовясь к открытию сейма, был Н. Н. Новосильцов. Это не могло быть иначе, если учесть ту особенную роль, которую Новосильцов должен был играть в осуществлении задуманного царем польского эксперимента, а затем сыграл в создании проекта русской конституции. Вряд ли мог остаться в стороне от столь важного дела и наследник

престола вел. кн. Константин Павлович, хотя, как мы увидим далее, в последующей «конституционной» деятельности Новосильцова он никакого участия не принимал. Если Новосильцов, судя по дальнейшим событиям, вероятнее всего, поддерживал царя в его намерениях, то все, что известно о Константине Павловиче, позволяет с уверенностью предполагать его негативную реакцию на замыслы Александра¹¹.

Однако император, столь часто робкий и нерешительный, когда дело касалось принципиально важных решений, в этом вопросе сумел настоять на своем и 15 марта 1818 г. произнес речь, которая в полном смысле этого слова изумила современников.

Речь Александра была произнесена по-французски. После того как он закончил, был прочитан ее перевод на польский язык. О значении, которое придавалось этому выступлению императора, о стремлении сделать его предметом самой широкой гласности свидетельствует тот факт, что речь была немедленно, в страшной спешке переведена на русский язык и опубликована в отечественных газетах. Александр произносил много речей, но никогда еще они с такой быстротой не попадали на газетные полосы.

Что же услышала в тот день Россия из уст своего державного повелителя?

«Образование, существовавшее в вашем краю,— говорил Александр, обращаясь к членам сейма, а в сущности ко всей империи,— дозволяло мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений и которых спасительное влияние надеюсь я с помощью Божией распространить на все страны, Провидением попечению моему вверенные.

Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приготавлию и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости». Русское дворянство с изумлением услышало от царя, что правила «законно-свободных учреждений» были предметом его «непрестанных помышлений», что он считает их не более не менее как «спасительными» и, более того, надеется распространить их «спасительное действие» на все подвластные ему народы. Оказывалось, что Александр I «с давних пор приготавлиал»

России конституцию. Конечно, для ближайшего окружения императора эти мысли были отнюдь не новы, но, высказанные вслух не только на всю Россию, но и на весь мир, они приобретали совершенно иное звучание. «Вы призваны,—говорил далее император, обращаясь к полякам,—дать великий пример Европе, устремляющей на вас свои взоры. Докажите своим современникам, что законно-свободные постановления (*les institutions liberales*), коих священные начала смешивают с разрушительным учением, угрожавшим в наше время бедственным падением общественному устройству, не суть мечта опасная, но что, напротив, таковые постановления, когда приводятся в исполнение по правоте сердца и направляются с чистым намерением к достижению полезной и спасительной для человечества цели, то совершенно согласуются с порядком и общим содействием утверждают истинное благосостояние народов. Вам предлежит ныне явить на опыте сию великую и спасительную истину»¹².

Александр представал в этой речи искренним сторонником конституционного устройства. В противовес революционному способу его осуществления, который царем решительно осуждался, предлагалось введение конституции «сверху». Прямо говорилось о том, что предлагаемые нововведения—опыт и от успеха или неуспеха его зависят будущие преобразования. Таким образом, по конституционной проблеме император высказался вполне определенно, не оставив никаких сомнений насчет своих планов. Правда, о последующем распространении конституционных порядков на всю Россию Александр говорил крайне осторожно и в самой общей форме. Но тем не менее слова о возможности и желательности конституции для России были произнесены.

Молниеносно разнесшаяся по России речь Александра I произвела глубокое, хотя и неоднозначное впечатление. Близкие ко двору сановники были удивлены и даже шокированы. Почти сразу же возникла мысль о том, насколько реалистичны были обещания императора. А. И. Михайловский-Данилевский, сопровождавший Александра I на польский сейм, записал в своем дневнике: «Русских, находившихся в Варшаве, всего более занимала речь, произнесенная императором при открытии народного собрания, в которой сказано было, что государь намерен был и в России

ввести политическую свободу. Без сомнения весьма любопытно было слышать подобные слова из уст самодержца, но надобно будет видеть, думал я, приведутся ли предположения сии в действие. Петр Великий не говорил, что русские дикие и что он намерен их просветить, но он их образовал без дальнейших о сем предварений»¹³.

Вместе с недоверием к серьезности намерений императора во многих откликах звучал мотив оскорбленного русского достоинства. Так, А. П. Ермолов писал 30 апреля 1818 г. А. А. Закревскому: «Я думаю, судьба не доведет нас до унижения иметь поляков за образец, и все останется при одних обещаниях всеобъемлющей перемены». Рассуждая о возможных последствиях установления в России конституционного строя, что, по его мнению, неизбежно повело бы к освобождению крестьян и падению прежнего положения дворянства, Ермолов проницательно замечал: «Напрасно думают, что дворянство в России много потеряет от перемен: оно сыщет способ извлечь пользу из своего положения по мере той надобности, которую имеет простой народ, не в состоянии будучи найти в себе самом все способы заменить его по непросвещению своему, а потеряют одни правители, лишась дворянства, яко подпоры, ибо оное, соединя близко свои выгоды с народом, найдет пользу быть с его стороны, и в руках правителя останется одна власть истребления, то есть силою оружия заставлять покорствовать народ своей воле, когда законы за-прещают раболепствовать пред нею!» Удивительно тонкое понимание механизма краха самодержавной власти, невозможности соединить неограниченное самодержавие с народным представительством заключено в этих мыслях. Свои рассуждения Ермолов заключал словами, в которых выражалась надежда на то, что планы Александра I не будут осуществлены. «...Я очень верю,—писал он,—что при моей жизни не последует никакой перемены, то есть государь при жизни своей оной не пожелает»¹⁴.

От речи Александра ожидали самых гибельных последствий. «Речь государя, на сейме говоренная,—писал Закревский П. Д. Киселеву из Петербурга 31 марта 1818 г.,—прекрасная, но последствия для России могут быть ужаснейшие, что ты из смысла оной легко усмотришь. Я не ожидал, чтобы он так скоро свои мысли по

сему предмету объявил»¹⁵. Киселев в ответном письме из Тирасполя 11 апреля отмечал, что речь Александра возбудила во 2-й армии надежды на возможные перемены («и здешние возмечтали много о будущем своем блаженстве»), но предвидел, что «толки будут разные». «Удивление же твое насчет откровенности,—заканчивал Киселев,—я весьма разделяю, но к удивлению нам, кажется, уже не привыкать»¹⁶. Характерно, что достаточно приближенных к Александру I генералов удивляла вовсе не его приверженность к конституции, а то, что он осмелился свои мысли так решительно и, с их точки зрения, поспешно высказать.

В стане помещиков-крепостников заявления Александра I были однозначно истолкованы как близящееся освобождение крестьян. Реакционная часть дворянства точно уловила взаимозависимость и взаимообусловленность процессов социального и политического освобождения. И хотя император, конечно, не говорил в Варшаве ни слова о перспективах крестьянской реформы, но слух именно об этом очень быстро пронесся по России. В составленном в мае 1819 г. «обозрении духа народного» прямо указывалось, что в народе говорили, будто в августе 1818 г. должен был последовать указ об освобождении крепостных крестьян¹⁷.

Утверждения, что, заявив о намерении распространить законно-свободные учреждения Царства Польского на Россию, Александр I имел в виду и немедленное освобождение помещичьих крестьян, высказывались, понятно, и в Москве. Это вызвало во второй столице, по словам М. М. Сперанского, «припадки страха и уныния». «Припадки сии, увеличенные расстоянием, проникли и сюда,—писал он 2 мая 1818 г. А. А. Столыпину.—И хотя теперь все еще здесь спокойно, но за спокойствие сие долго ручаться невозможно. Опасность не в существе дела, ибо нельзя себе представить (хотя и представляют многие), чтоб правительство пустило на отвагу дело столь важное и не приуготовило бы все пути его установлениями постепенными и твердыми, без колебания и торопливости. Но опасность состоит именно в сем страхе, который теперь везде разливается. Можно ли предполагать, чтоб чувство, столь заботливое и беспокойное, сохранилось в тайне в одном кругу помещиков? Как же скоро оно примечено будет в селениях (событие весьма

близкое), тогда родится или, лучше сказать, утвердится (ибо оно уже существует) общее в черном народе мнение, что правительство не только хочет даровать свободу, *но что оно уже ее и даровало и что одни только помещики не допускают или таят ее провозглашение.* Что за сим следует, вообразить ужасно, но всякому понятно... Но каким образом, спросите вы или, лучше сказать, спросят близорукие наши либералисты, каким образом из двух или трех слов варшавской речи могут произойти столь огромные и с самым смыслом сих слов несообразные последствия?.. Если помещики, класс людей без сомнения просвещеннейший, ничего более в сей речи не видят, как свободу крестьян, то как можно требовать, чтоб народ простой мог что-либо другое тут видеть? Во всех государствах мало, а у нас еще менее людей, кои знают различие между свободою политическою и гражданскою. По всей вероятности (интересно, что даже Сперанский счел необходимым в этом случае сделать оговорку.— С.М.), смысл речи относится прямо к первой; вторая же *может быть* или по крайней мере *должна быть* отдаленным и постепенным ее последствием»¹⁸.

Об аналогичном понимании речи Александра I петербургским обществом свидетельствовал и Ф. В. Ростопчин, писавший С. Р. Воронцову: «Из Петербурга пишут конфиденциально, что речь императора в Варшаве, предпочтение, оказанное им полякам, и дерзость тех вскружили головы; молодые люди просят его о конституции. Все это кончится смещением дюжины главных болтунов, ибо умеют кричать, но не восставать и возмущаются только языком. Под конституцией разумеют освобождение крестьян, которое противоречит желаниям дворянства, но не захотят ограничить свою власть и подчинить себя господству правосудия и разума»¹⁹. Как и большинству современников, Ростопчину казалось невозможным, чтобы Александр I решился добровольно ограничить свою власть. Опираясь на высказывания Сперанского и Ростопчина, С. С. Ланда совершенно справедливо указывал, что «в общественном сознании того времени монархическая власть в отличие от дворянства не воспринималась как сила, экономически заинтересованная в сохранении крепостного права». Современникам представлялось, что Александр I «для упрочения своей политической

власти» был готов пойти «на самые радикальные преобразования в социальной области»²⁰.

Противоположное впечатление конституционные декларации императора произвели на прогрессивную часть общества. «Варшавские речи,— писал Н. М. Карамзин И. И. Дмитриеву 29 апреля 1818 г.,— сильно отозвались в молодых сердцах: спят и видят конституцию; судят, рядят; начинают и писать — в «Сыне Отечества», в речи Уварова; иное уже вышло, другое готовится. И смешно, и жалко! Но будет, чему быть»²¹. Декабрист С. Г. Волконский, вспоминая о впечатлении, произведенном на него вестью о варшавской речи Александра I, писал: «...слова его о намерении его распространить и в России вводимый им конституционный порядок управления сильное произвели впечатление в моем сердце как по любви моей к отечеству, так и по желанию моему, чтоб отечество выдвинулось из грязной колеи внутреннего своего быта»²². Как видим, даже в среде декабристов речь императора породила надежды на возможность коренных реформ, исходящих от самой самодержавной власти. Известно, как декабристы впоследствии изживали либеральные иллюзии, одним из мощных толчков к появлению которых послужила как раз варшавская речь царя. Процесс этот подробно освещен в исследовании С. С. Ланды²³.

Мысли о близящемся освобождении крестьян и неминуемых крестьянских бунтах, суждения о слишком поспешном оглашении намерений верховной власти, с одной стороны, неверие в реальность воплощения их в действительность — с другой, страх и надежды — все это явственно звучит в откликах современников на варшавскую речь Александра I. Никто, однако, не сомневался, что само решение сделать такие заявления — результат серьезных размышлений. Яснее всего это выразил П. А. Вяземский, находившийся в то время в Варшаве. Скептически относившийся тогда к правительству, но вместе с тем жадно откликавшийся на каждую возможность содействовать любому шагу верховной власти к преобразованиям, он писал 3 июня 1818 г. А. И. Тургеневу: «Пустословия тут искать нельзя: он говорил от души или с умыслом дурачил свет *. На всякий случай я был тут, арзамасский упол-

* Тезис о демагогическом характере выступления Александра I

номоченный слушатель и толмач его у вас. Можно будет и припомнить ему, если он забудет»²⁴. В последних словах слышится даже явная угроза. Характерно, что Вяземскому, еще не вполне определившему свое место в общественной борьбе тех лет, колебавшемуся между революционным и либеральным лагерями, возможность при известных условиях «напомнить» императору о невыполненных обещаниях не казалась чем-то несбыточным. Во всяком случае давление на власть, разговор с позиции силы представлялись Вяземскому тогда вполне реальными. Благодаря тому что он вступил в государственную службу и оказался в рассматриваемое время чиновником канцелярии Новосильцова в Варшаве, оказалось возможным в общих чертах восстановить ход событий, последовавших за выступлением Александра I при открытии первого польского сейма. Воспоминания Вяземского, его обширная переписка с оставшимися в Петербурге друзьями рисуют следующую картину.

Уже упоминалось, что речь, произнесенная Александром I 15 марта, переводилась на русский язык в необычайной спешке. Поскольку Вяземский служил

получил определенное распространение как в дореволюционной, так и в советской историографии. Однако он был убедительно опровергнут А. В. Предтеченским, который писал о неправомерности квалификации варшавской речи императора как попытки ввести в заблуждение европейскую и русскую общественность. Предтеченский справедливо указывал, что «Александр прекрасно понимал, каких духов «вольномыслия» он вызовет своей речью, так же как знал о неминуемом протесте, который в ответ на нее подымется в крепостнических кругах». Но в том, что произошло в Варшаве, Предтеченский видел только «очередной поворот» в жизни царя и определял его как «минутное отклонение» (см.: *Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в.* М.; Л., 1957. С. 377, 378). С последним утверждением никак нельзя согласиться. Позиция Александра I в крестьянском вопросе, настойчивость, с которой он пытался в 1815—1820 гг. осуществить свои конституционные планы, позволяют говорить не о каких-либо «минутных» настроениях, а о вполне сложившемся и довольно твердо проводившемся в жизнь политическом курсе, который, однако, потерпел крах и сменился продолжительным периодом полной реакции. К сожалению, оценка варшавской речи императора как политической демагогии вновь появляется в исторических исследованиях. Так, Н. В. Минаева в своей монографии «Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в.» (Саратов, 1982. С. 181) вернулась к концепции «лицемерия» Александра I. Подобные мотивы ранее звучали в работе А. И. Парусова (*Парусов А. И. Государственная уставная*

в канцелярии Новосильцова в 1-м отделении, функцией которого, в частности, был перевод государственных документов²⁵, он принимал в этом непосредственное участие. Много лет спустя Вяземский вспоминал: «...Карамзин в письме к Дмитриеву говорит, что должно выдрать бы мне уши за перевод мой речи, произнесенной императором Александром на варшавском сейме; разумеется, обвинение падает на неправильность языка. Здесь есть некоторый повод к оправданию. Не вся речь переведена мною. Новосильцов около полночи прислал в канцелярию французский подлинник для немедленного перевода на русский язык. Многие слова политического значения, выражения чисто конституционные были нововведениями в русском изложении. Надобно было над некоторыми призадумываться. Для скорости мы разобрали речь по клочкам и разделили их между собою, чиновниками канцелярии. Каждый переводил как умел. Но я остался как-то официальным и ответственным переводчиком речи. Государь был переводом доволен... Кстати скажу, что и после был я в канцелярии Новосильцова главным действующим лицом по редакционной русской части»²⁶. За этим последовал перевод речи Александра I при закрытии сейма. 17 апреля 1818 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Мы отдули и вторую речь государя; перевод лучше первого, ибо моего в нем более...»²⁷ Закрытие сейма состоялось 15 апреля, а через день речь царя уже «отдули». Ясно, что перевод ее осуществлялся не менее поспешно, чем первый.

Закрывая сейм, Александр чрезвычайно высоко оценил его деятельность. Он прямо заявил о своей приверженности к гласному и свободному обсуждению нужд государства. «Из предложенных вам проектов законов,—говорил он,—только один не одобрен большинством голосов обеих палат. Внутреннее убеждение и прямотушие руководили сим решением. Мне оно приятно, потому что вижу в нем независимость ваших мнений. Свободно избранные должны и рассуждать свободно. Чрез ваше посредство надеюсь слышать искреннее и полное выражение общественного мнения, и только собрание, подобное вашему, может служить

грамота 1820 года // Уч. зап. Горьковского гос. ун-та. Сер. Ист. Филолог. Вып. 72. Горький, 1964).

правительству залогом, что издаваемые законы согласны с существенными потребностями народа»²⁸.

Первые конституционные опыты оказались, таким образом, вполне успешными и произвели благоприятное впечатление на Александра I. Его не смутило, что сейм в первый же созыв воспользовался своим правом «вето» и отклонил законопроект о браке, внесенный министерством юстиции. Он вполне согласился с таким ограничением своих прав, видя, что сейм «всячески старался кроме законодательного усердия выказать возможно более благожелательное отношение к правительственным законопроектам»²⁹. Заключительные слова царя: «Я дорожу выполнением моих намерений. Они вам известны» — прозвучали как новое подтверждение обещаний, данных за три недели до этого. Конституционное политическое устройство части Российской империи стало фактом.

Сохранение и развитие национальных особенностей в управлении территориями, присоединяемыми к России, составляло важную черту политики Александра I. Напомним, что после присоединения в 1809 г. Финляндии там был сохранен сейм и конституционное устройство. В апреле 1818 г., посетив после Варшавы Бессарабию, Александр I обнародовал новый «Устав образования Бессарабской области», устанавливавший в ней особый образ автономного самоуправления. Высшая законодательная и распорядительная власть передавалась Верховному совету, который состоял из пяти назначавшихся членов и шести депутатов, избранных от дворянства. Решения, принятые Верховным советом, были окончательными (не подлежали утверждению царем и на них нельзя было подать апелляцию) и приводились в исполнение немедленно. Аналогичным образом (частично в результате выборов, а частично по назначению) формировались все сословные учреждения, земская полиция и суды. Таким образом, в Бессарабии, хотя и не в таком масштабе, как в Царстве Польском, получили развитие конституционные начала³⁰.

В мае — июле 1818 г. в канцелярии Новосильцова шла подготовка к работе над конституцией для России. Начали с перевода польской конституции на русский язык. 22 июля 1818 г. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «...так как до сего времени не имел еще канцелярской работы по отъезде государя, то над

конституциею сидел у себя дома. Я ее отвалил. Пришли мне, если можно, печатанные проекты Сперанского; он был большой ковач слов, а я теперь словами промышляю»³¹. Перевод оказался делом непростым, и Вяземский не раз прибегал к помощи Н. М. Карамзина, который в двух письмах, от 20 и 30 мая, являясь в ответ на просьбы Вяземского (к сожалению, его письма не сохранились) давал советы, как лучше перевести то или иное слово, термин, оборот. Особенный интерес представляет именно последнее письмо. «Смело переводите,— писал Карамзин,— *regence, regent* — правление и правитель, а *gouvernement* — правительство, *administratif* — управительный, но *attribution* лучше принадлежность, нежели присвоение, которое значит другое. *Fonciere* не поземельная, а недвижимая. Не сказал бы я ни узакониться, ни укорениться; лучше вступить в подданство, сделаться гражданином и проч. Туземец — хорошо»³². Понятно, что это — ответы на вопросы, заданные Вяземским в процессе какой-то переводческой работы. Переписка последнего с А. И. Тургеневым, опубликованная в «Остафьевском архиве...», показывает, что письма из Варшавы в Петербург и обратно шли не менее 10 дней. Следовательно, Карамзин отвечал на письмо Вяземского, отправленное не позднее 20 мая. Характер же вопросов свидетельствует о том, что к этому моменту Вяземский уже известное время работал над неким переводом и накопил немало сомнений, за разрешением которых он и обратился к Карамзину.

Письма Вяземского, написанные в первые месяцы после речи Александра I человеком, который находился в самом центре событий, в канцелярии Новосильцова, вовсе не содержат каких-либо указаний на то, что там уже была начата работа над конституцией для России. Именно этим объясняются тоска и уныние, охватившие Вяземского осенью 1818 г. В это время речь Александра I представлялась ему сплошным обманом. ««Язык мой — враг мой», — писал он А. И. Тургеневу 9 ноября, завуалированно высказывая свое отношение к императору и его действиям, на всякий случай поместив эти строки между двумя совершенно невинными сюжетами. — У него ничего того ни на уме, ни на сердце нет *, а все это, как говорится, для виду,

* Ю. М. Лотман высказывал справедливое предположение, что

для блезиру. А дураки-то и разинули рот! Впрочем господствование — выученная роль. Что мне за дело до души актера! Была бы игра у него хороша, а законы партера были бы так положительны, чтобы он на сцене не мог никогда забыться: вот и все! А я все актеру, какой бы он добрый человек ни казался, пальца в рот не положу. Поверь, в этом ремесле, от престола до лубочного поля, всегда есть примесь дьявольского: одного чистого человеческого не станет на беспрерывные проказы. О всяком государе можно, то есть всякий государь или актер может сказать с Магометом:

Исчезнет власть моя, коль узнан человек»³³.

Однако в самом конце года в положении Вяземского наметилось кое-что новое, связанное с поездкой Новосильцова для встречи с Александром I в Минск, куда он взял с собой и Вяземского. Видимо, в это время последний уже рассчитывал получить важное поручение. «...Ездили ли вы с Николаем Николаевичем на встречу к государю? — спрашивал Вяземского в письме от 11 декабря 1818 г. Карамзин. — Не сделалось ли какой перемены в вашем положении?»³⁴ Вместе с поездкой изменился и тон писем Вяземского. Они становились деловиты, уныние исчезало. «Мы с Николаем Николаевичем доехали до Минска, — сообщал он А. И. Тургеневу 20 декабря 1818 г. — Он теперь работает с государем; от 9 часов утра до 11 назначено собеседование... Поездка моя мне служит во благо: я вижу, что ошибался насчет Николая Николаевича. Он решительно ко мне хорошо расположен». Тем не менее Вяземский с горечью заканчивал: «Я могу с ним быть ближе, но никогда не будем смежны»³⁵. Заехав после Минска на короткое время в Москву, он писал оттуда Тургеневу: «Весною, кажется, однако же откроется для меня любопытный круг действий или, по крайней мере, наблюдений: на словах тайну эту растолкую. Ты, может быть, что-нибудь услышишь о Литве: тут и будет мак»³⁶. В Петербурге Вяземский повидался с А. И. Тургеневым. Последний занес 26 января 1819 г. в свой дневник: «Вяземский сегодня

за словами «ум» и «сердце» (чуть далее — «душа») скрываются политические понятия. «Сердце» — это стремление Александра дать конституцию по любви к свободе и законности, а «ум» — по политическому расчету (см.: Лотман Ю. М. П. А. Вяземский и движение декабристов // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 98. Труды по русской и славянской филологии. Т. 3. Тарту, 1960. С. 55, 56).

сказывал, что дворяне всей Литвы представили г[осу]дарю об освобождении крестьян своих, т. е. чтобы их депутатам позволено было собраться для приведения сего в действие. Когда-то у нас будут такие представления!»³⁷ Но «круг действий», связанный с крестьянской реформой, для Вяземского не открылся. Когда в феврале 1819 г. он возвратился в Варшаву, началась его работа, прямо связанная с подготовкой проекта русской конституции.

Из писем к Тургеневу видно, что Вяземского тяготило ограничение его деятельности исключительно переводом уже готовых документов. «Меня же употребляет он (Новосильцов. — С.М.) всегда побочно: я все на одних переводах выезжаю... Впрочем, на теперешний перевод имею я большие упования; но если я и тут не разгрызу ореха, то в тот же миг

Ослицей прыг с рябины

и, предавши сначала тебя, потом всех и каждого проклятию, плюну на все — и ко дворам», — писал Вяземский А. И. Тургеневу 1 марта 1819 г.³⁸ Относительно предмета перевода, на который Вяземский возлагал «большие упования» и который должен был дать ему возможность не только переводческой, но и самостоятельной серьезной работы, сомнений нет — это был проект русской конституции. Доказательства этого мы извлекаем из нескольких разных источников. Как ни велика была секретность поручения, данного Новосильцову, о факте подготовки русской конституции удалось узнать прусскому консулу в Варшаве Шмидту. 2(14) мая 1819 г. он писал своему министру иностранных дел гр. Бернсторфу: «Русская конституция здесь уже давно закончена одним французом, состоящим при Новосильцове»³⁹.

Вяземский рассказал об истории этого дела в своей «Исповеди», написанной в 1829 г., т. е. чуть более чем через 10 лет после излагаемых нами событий, когда подробности были еще достаточно свежи в его памяти: «На меня был возложен перевод речи, произнесенной государем... Вслед за этим поручен мне был перевод на русский язык польской хартии и дополнительных к ней уставов образовательных. Спустя несколько времени поручено было Новосильцову государем императором составить проект конституции для России. Под его руководством занялся этим делом... французский

юрист Deschamps; переложение французской редакции на русскую было возложено на меня. Когда дело подходило к концу, Новосильцов объявил мне, что пошлет меня с окончательною работою к государю императору в Петербург и представит меня как одного из участников в редакции, дабы государь мог в случае нужды потребовать от меня объяснений на проект и вместе с тем передать мне высочайшие замечания для сообщения ему, Новосильцову. Намерение послать меня с таким важным поручением огласилось в нашей канцелярии, в ней я имел недоброжелателей; открылись происки, старались охладить Новосильцова к возложенному на него делу, ко мне, к отправлению моему в Петербург. Дело, которое сначала кипело, стало остывать. Немало смеялись над Прадтом, сказавшим, что Наполеон однажды вскричал: «Un homme de moins, et tout m'était soumis». «Cet homme — c'est moi!» * — прибавляет Прадт. Пускай посмеются и над мною, но едва ли не вправе я сказать: не будь я в канцелярии Новосильцова, и Россия имела бы конституцию!»⁴⁰ В «Автобиографическом введении» Вяземский добавляет к своему рассказу ряд важных деталей: «В канцелярии был у нас юрист и публицист француз Deschamps. Ему Новосильцов передавал соображения и мысли свои: француз, набивший руку во Франции в изготовлении и редакции подобных проектов, писал их, так сказать, прямо набело. Переливка этих работ в русские формы наложена была на меня»⁴¹.

Как видим, в воспоминаниях Вяземского нет подробностей, но общая картина достаточно ясна. Идеи проекта, несомненно, принадлежали Новосильцову, их конкретное развитие и воплощение — П. И. Пешару-Дешану, «переливка в русские формы» — П. А. Вяземскому.

Как известно, с именем Новосильцова были связаны самые первые конституционные проекты александровского царствования. При всех своих недостатках он был, несомненно, государственным деятелем большого масштаба, обладал острым умом и сильной волей. Получив разнообразное и глубокое образование (правда, домашнее), Новосильцов имел обширные сведения по истории, праву, дипломатии, политической

* «Если бы не один человек, все бы мне покорилось». «Этот человек — я» (франц.).

экономии. По словам А. Чарторыского, в начале александровского царствования «никто не превосходил его познаниями по части государственного управления, какие только можно было почерпнуть из современной французской и английской литературы»⁴². В конце XVIII в. Новосильцов побывал в Англии, где на практике познакомился с английской парламентской системой. Будучи по матери родственником Строгановых, Новосильцов во время французской революции ездил в Париж выручать своего двоюродного брата, знаменитого «гражданина Очера» — П. А. Строганова. Именно последний и познакомил затем Новосильцова с А. Чарторыским и ввел его в круг «молодых друзей» будущего императора. С момента воцарения Александра и начала деятельности Негласного комитета Новосильцов — один из самых влиятельных его членов, участник всех начинаний «молодых друзей», в 1803—1808 гг. занимал пост товарища министра юстиции, да и в дальнейшем находился на важнейших государственных постах. По поручению Александра I он принимал деятельное участие в составлении польской конституции, а затем был назначен в Варшаву «императорским комиссаром», призванным наблюдать за процессом введения в действие конституционной хартии 1815 г. и осуществления ее на практике.

Петр Иванович Пешар-Дешан, который, по словам Вяземского, набил себе руку во Франции на изготовлении и редакции конституционных проектов, находился при Новосильцове примерно с 1799 г. Прусский консул в Варшаве Шмидт в донесении от 15(27) октября 1819 г. писал, что Дешан «состоял личным секретарем Новосильцова уже лет 20»⁴³. В 1807—1808 гг. Пешар-Дешан был младшим помощником референдаря в первой экспедиции Комиссии составления законов⁴⁴. Получив известие о смерти Дешана, А. И. Тургенев вспоминал в письме к Вяземскому, что он был его «товарищем в Комиссии законов»⁴⁵.

Начавшаяся работа над конституцией для России возродила реформаторские настроения Вяземского. 17 марта 1819 г. он писал А. И. Тургеневу: «Правительство наше как ребенок шалит и говорит: «Никто не увидит». Пора, пора приставить к нему в дядьки представительство народное; пусть дядька будет и глуповат, но все дитя будет немного посмирнее». Рассужде-

ния Вяземского переносятся затем из теории в область практического применения конституционных учреждений: «Беда только, как дядька не забудет, что он из рабов, и станет на все говорить: «Ваша господская воля». Вот этого одного боюсь, а глупости меня не пугают». Очевидно, практическая работа над конституционным проектом все более и более обращала его мысли к проблемам, само возникновение которых невозможно без конституции. Однако постепенно работа над проектом затормаживалась. 30 мая Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Вот мое положение: оно убийственно. О петербургской моей поездке речь запала, и работа не продвигается, следственно и вообразить нельзя, когда кончится и кончится ли она когда-нибудь». «Но если я не буду ее податель, то тотчас кину Варшаву,—заканчивал Вяземский, высказываясь совершенно в духе своих февральских настроений. Вскоре им вновь овладела меланхолия, вызванная неспешным ведением дела и почти полным отстранением от него его самого. «Старик (Новосильцов.—С.М.) выжил из ума,—с явным отчаянием писал Вяземский А. И. Тургеневу 6 июня 1819 г.,—я теперь не требую от него ни доверенности, ни уважения; дело сделано, я его раскусил; он—мощи... Я ожидал от него выгод. Они открылись мне самым блестящим образом в петербургской поездке, теперь приходится мне и от выгод отказаться. Я уже не предвижу возможности совершить эту поездку по близкому сюда приезду государя. И, господи, прости мое прегрешение, а я иначе не толкую эту медленность в работе, столько важной и уже государю обещанной, как уловкою меня лишить выгод, уже мне представленных. Старик на меня дуется...»⁴⁶ Разумеется, уверенность Вяземского, что работа над проектом тормозилась только вследствие личного предубеждения Новосильцова против него, выглядит несколько наивно. Причины, несомненно, были более глубокими, но нас интересует здесь прежде всего фактическое состояние дела.

В июле 1819 г. положение, однако, изменилось. Вяземского вновь привлекли к работе, и тон его писем к А. И. Тургеневу этого времени уже иной. Объяснив в начале письма от 11 июля, что отсутствие русского паспорта и «в скором времени зачатие продолжения прерванной работы» помешали его поездке в Карлс-

бад, Вяземский продолжал: «Конечно, если работа пойдет впрок, то есть вознаграждение за неудачу надежд моих...»⁴⁷ Вяземского, как видим, то отстраняют от работы над конституционным проектом, то вновь призывают к делу. Ясно все же, что он был не слишком хорошо осведомлен о нем. Его не только не отправили с проектом в Петербург, как это было обещано, но он даже, видимо, не знал, что во время пребывания в Варшаве в октябре 1819 г. Александр I усиленно занимался этим вопросом.

Вообще приезд императора в Варшаву стал важной вехой в работе над русской конституцией. В октябре 1819 г. здесь были утверждены ее основы. Как ни велика была секретность этой акции, сохранить ее в полной тайне все же не удалось. Заметим, что и на этот раз самым осведомленным оказался прусский консул Шмидт. Вряд ли можно сомневаться, что получить точную информацию о действиях Александра I и о степени готовности конституционного проекта он мог только неофициальным путем. Ведь даже Вяземский, оценивая пребывание императора в Варшаве, писал А. И. Тургеневу в октябре 1819 г., что оно оказалось «довольно бесплодно»⁴⁸. Впрочем, это говорит лишь о том, как строго соблюдалась тайна, как скрывалось истинное состояние дела. Отстранение от непосредственного участия в нем неуклонно влекло и к отсутствию достоверной информации. Шмидт был прав, утверждая осенью 1819 г., что проект готовится «в величайшей тайне». По его же сообщению, даже великий князь Константин Павлович ничего не знал об этой работе⁴⁹.

О чем же доносил Шмидт в Берлин? «4(16) этого месяца, ночью, в момент отъезда, император еще раз просмотрел проект конституции своей империи,— сообщал он 15(27) октября 1819 г.—После размышления и обсуждения с господином Новосильцовым его величество наконец окончательно принял ту ее основу, которую я имею счастье при сем почтительнейше представить вашему превосходительству и чью подлинность я могу засвидетельствовать, так как сам видел замечания, которые монарх внес собственноручно. На этой основе теперь здесь должно быть разработано великое дело и представлено его величеству самое позднее через два месяца». По словам Шмидта, Александр I ожидал этого с «величайшим нетерпением»⁵⁰.

Из донесения Шмидта видно, что император по крайней мере дважды изучал подготовленный проект конституции («еще раз просмотрел проект конституции»). Однако и последним вариантом он остался не вполне удовлетворен, так как внес в него свои исправления. После этого Новосильцову было приказано в двухмесячный срок составить окончательный текст, разработанный во всех деталях. Шмидту удалось добыть копию документа, утвержденного царем как «основа», и отправить ее в Берлин. Документ этот, приложенный к донесению Шмидта, озаглавлен: «*Precis de la charte constitutionnelle pour l'Empire Russe*» («Краткое изложение основ конституционной хартии Российской империи»). Совершенно очевидно, что это не тот текст проекта, что составлялся Дешаном и переводился Вяземским. По всей вероятности, замечания, сделанные императором при знакомстве с этим первоначальным вариантом проекта, требовали достаточно серьезной доработки. Времени на нее не было, и к приезду Александра I в Варшаву был подготовлен новый краткий документ, содержащий уточненное изложение общих и принципиально важных положений. Он-то и был назван «Кратким изложением основ». Поэтому совершенно прав Г. В. Вернадский, заметивший, что в это время «первоначальная редакция Уставной грамоты вероятно подверглась переработке»⁵¹. К сожалению, нет никаких источников, позволяющих судить, в какой степени был переработан первоначальный проект и вообще каково было прежде его содержание. Не знаем мы и того, что именно исправил Александр ночью накануне отъезда в представленных ему «Основах». Таким образом, хотя нет сомнений в существовании первоначального проекта конституции, текста, по-видимому, пространного, для нас точкой отсчета является «Краткое изложение основ».

Что же утвердил Александр I как основу будущей русской конституции, какие положения должны были получить развитие и воплотиться в окончательный текст конституционной хартии? По объему «Краткое изложение основ» вполне оправдывает свое заглавие — оно занимает всего две с половиной страницы печатного текста. Документ разделен заголовками на семь глав, написан на французском языке и, видимо, никогда не был переведен на русский.

Первое, что бросается в глаза при его чтении, это строгое определение границ власти императора. Согласно второй части «Краткого изложения основ», озаглавленной «Правительство», императору предоставлялась только исполнительная власть. Он объявлялся верховным главой церкви и государства, а функции его определялись так: «Он один располагает всеми военными силами, объявляет войну, заключает договоры, назначает на все должности в империи и т. д.». В главе «Законодательство», что очень важно, нет ни слова о прерогативах императора. Правда, содержащаяся в документе формула: «Верховная власть неделима и принадлежит персоне монарха» — оставляла широкое поле для непредсказуемого расширения прав императора и в будущей конституции, и особенно в применении ее на практике, на что указывают и отдельные формулировки, содержащиеся в других главах «Краткого изложения основ». Так, за императором сохранялось право на помилование («дозволена просьба о помиловании к государю»), и он, таким образом, становился над всей судебной системой (против чего, напомним, решительно выступал Сперанский, в своем проекте 1809 г. предлагавший уничтожить право приносить императору жалобы на решения судов). Кроме того, указывалось, что «созыв, отсрочка, роспуск сеймов и обновление депутатов будут сходны с тем, что предписано по этим предметам в польской конституции». А в ней все перечисленные акции были правом императора. Так же, как и в польской конституции, за царем сохранялось право единолично определять первый бюджет, хотя в дальнейшем его утверждение вручалось сейму. При выборе депутатов в общероссийский и местные парламенты император получал важное право окончательного отбора депутатов из избранных кандидатов.

Законодательная власть передавалась общероссийскому сейму («общий сейм будет обсуждать законы...»). При этом, однако, ничего не говорилось о том, кому будет принадлежать право законодательной инициативы. Вообще эта часть «Краткого изложения основ» наименее развита. Раздел «Законодательство» сведен к иерархии законодательных актов. «Законодательная власть, — говорится в нем, — включает в себя:

- 1) Законы, то есть законные постановления, основанные на незыблемых принципах.

2) Положения, уставы и регламенты о порядке и управлении государством.

3) Указы, декреты, распоряжения и предписания по частным делам и случайным вопросам».

Эти формулировки прямо указывают на знакомство составителя «Краткого изложения основ» с конституционными проектами М. М. Сперанского.

Одной из важнейших черт рассматриваемого документа является четко выраженный в нем буржуазный принцип равенства всех граждан перед законом («закон охраняет равно всех граждан без исключения»).

Коренное переустройство государственной жизни страны выражалось прежде всего в образовании представительного учреждения — общероссийского парламента (по терминологии документа — сейма). Он должен был состоять из двух палат: верхней — Сената, члены которого (сенаторы) назначались царем, и нижней — палаты депутатов, члены которой были выборными.

Кардинальным отличием данного конституционного плана от всех возникавших в первой четверти XIX в. проектов русской конституции является принцип федеративного устройства государства. По «Краткому изложению основ» Россия должна была делиться на 10 наместничеств, они в свою очередь — на губернии, губернии — на уезды, уезды — на округа. В каждом из наместничеств создавался свой «наместнический» сейм. Функции этих последних в документе не определены. Там упомянут лишь один вид их деятельности: «Жалобы на правительственных служащих будут заноситься в тетради, которые местные избирательные сеймы направят сеймам наместничеств для передачи общему сейму и, наконец, императору». Однако ясно, что им отводилась роль местных парламентов, призванных обсуждать все проблемы, связанные с потребностями данного наместничества. Местные сеймы также предполагалось сделать двухпалатными. Верхней палатой «наместнического» сейма должен был стать один из департаментов реорганизованного Сената, нижняя формировалась бы из числа выбранных депутатов. «Для формирования сейма наместничества, — сказано в «Кратком изложении основ», — каждый уезд избирает трех депутатов от дворянства и трех членов от горожан (*bourgeoisie*)». Однако из шести избранных

депутатами становятся лишь четверо: «Имп<ератор> назначает без различия четырех из этих шести кандидатов для заседания в сейме наместничества». Если учесть при этом, что «буржуазия» может «избирать своих депутатов из среды дворянства», становится ясно, какие преимущества получало господствующее сословие империи при выборах в сейм. Еще более сильным было влияние императора на формирование нижней палаты общероссийского парламента. «Чтобы составить общий сейм империи,—говорится в «Кратком изложении основ»,—сейм каждого наместничества изберет четверть своих членов, а император назначит половину этих избранных подданных, из которых и составит палата депутатов общего сейма».

Право быть избранными в сеймы получали все дворяне, внесенные в дворянские книги, а также все землевладельцы-недворяне, купцы первых двух гильдий, «артисты трех свободных искусств» и хозяева мастерских. Об имущественном цензе не упоминалось, не был также затронут вопрос о том, кому не предоставлялись избирательные права. Очевидно, однако, что ни помещичьи, удельные, ни государственные крестьяне к выборам не допускались, как это предусматривала и польская конституция. О минимальном возрасте депутатов сказано только, что он «установлен равным образом», по-видимому, с возрастом сенаторов, который был определен в 25 лет.

В отношении судопроизводства в «Кратком изложении основ» был зафиксирован важнейший буржуазный принцип независимости суда: объявлялось о незыблемости судей. В каждом наместничестве учреждался апелляционный суд, кроме того, в одной из двух столиц предполагалось создать «верховный суд для всей империи».

Коренным образом изменялись структура и функции Сената. Он делился на департаменты по числу наместничеств, и каждый из них становился верхней палатой «наместнического» сейма, располагаясь соответственно в главном городе наместничества. «Департамент Сената, который будет находиться в столице, где будет созываться общий сейм империи,—говорилось далее,—составит его верхнюю палату». Кроме того, группа сенаторов по назначению императора должны были стать «председателями высших судебных мест».

Специальная часть «Краткого изложения основ» была посвящена новой организации управления страной. Высшим административным органом признавался Государственный совет, который состоял из «всех министров, имеющих ведомства, и других членов по выбору императора». Задачей Государственного совета должно было стать обсуждение «всех предметов, до управления империи относящихся». Подобные правительственные кабинеты предусматривалось создать и в наместничествах: «В каждом наместничестве общее собрание во главе с наместником состоит из всех глав администрации, соответствующих каждому министерству, и из других персон, назначаемых императором». Связь общих собраний наместничеств с центральным правительством поручалось осуществлять так называемым государственным секретарям, каждый из которых «следит по своему министерству за ходом различных дел, относящихся к его отрасли».

В заключение говорилось об «органических регламентах», которые, по примеру того как было сделано после издания польской конституции 1815 г., должны были определить «развитие и проведение в жизнь основных статей хартии».

В целом рассмотренный документ представлял собою типичный образец буржуазного законотворчества. В нем нашли отражение самые существенные черты буржуазного государственного устройства: разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, независимость одной от другой, равенство всех граждан перед законом, наконец, народное представительство и др. Однако краткость документа и неразработанность многих важнейших положений не позволяют полностью оценить «Краткое изложение основ». Сохранение фигуры монарха как одной из важнейших составных частей государственного устройства, предоставление ему возможности оказывать непосредственное влияние на отправление буржуазного правопорядка указывают на сохранение в этом документе сильных феодальных пережитков.

В разгар описываемых событий появилась публикация в «Le Constitutionnel», вызвавшая активное стремление прусского и австрийского правительств узнать действительное положение дел с русской конституцией. Сделать это было далеко не просто. Через кого действовали Шеллер и Лебцельтерн,

неизвестно, но ответы того и другого были аналогичны. Русская конституция, писали они в своих донесениях, отправленных соответственно 22 декабря 1819 г. (3 января 1820 г.) и 5(17) февраля 1820 г., не имеет шансов на осуществление⁵². В 20-х числах января 1820 г. Шеллер тоже смог достать список «Краткого изложения основ» и отослать его в Берлин. Он оказался тождествен списку Шмидта⁵³. Это доказывает, что по крайней мере один экземпляр документа был увезен Александром I в Петербург и дипломату удалось найти к нему доступ. После этого никакая информация о русской конституции ни через печать, ни по дипломатическим каналам на Запад более не проникала. Ничего не знала о дальнейшем ходе дела и Россия.

В действительности же продолжали происходить события, не подтверждавшие пессимистический прогноз обоих дипломатов. Возвратившись из Варшавы в Петербург, царь сделал первый шаг на пути практического осуществления одобренных им принципов конституционной реформы. 4 ноября 1819 г. А. Д. Балашев был назначен генерал-губернатором Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской и Рязанской губерний⁵⁴. Создание генерал-губернаторства А. Д. Балашева стоит в прямой связи с конституционными планами Александра I. Ее уловили, впрочем, только наиболее осведомленные современники. В 1829 г. И. И. Дибич, в 1823 г. сменивший П. М. Волконского на одном из важнейших в правительстве постов — начальника Главного штаба — и ставший ближайшим помощником Александра I, рассказывал А. И. Михайловскому-Данилевскому: «Император Александр хотел посредством учреждения генерал-губернаторств ввести конституционное управление, начав с того, чтобы из каждого генерал-губернаторства находилось в Совете по несколько депутатов или представителей, но мера сия или предположение это не удалось». Отказ императора от конституции Дибич объяснял тем, что «выбор первоначальный генерал-губернаторов был неудачен, что в Варшаве представители народные позволили себе слишком много вольности, что в это время возникли революции в Греции, в Италии, в Неаполе и в Пьемонте». «До Ахенского конгресса государь, который был исполнен республиканских правил... был предан конституционным правилам,— продолжал Ди-

бич, проникательно улавливая рубеж поворота Александра I к реакции,— но со времени сего конгресса он начал от оных понемногу удаляться»⁵⁵. Австрийский посланник Лебцельтерн, который по поручению своего правительства с неослабным вниманием следил за ходом подготовки конституционных реформ, в феврале 1820 г. писал о том, что «Уставная грамота» «есть лишь двадцатая модификация плана разделить Россию на 8 больших наместничеств, для чего уже в 1816 г. были назначены генералы»⁵⁶.

В 1818 г. «слух о разделении на 12 наместничеств» всей страны обсуждался в письме А. П. Ермолова к А. А. Закревскому⁵⁷. К этому же году, по обоснованному предположению Г. В. Вернадского, относится, видимо, расписание губерний по 12 генерал-губернаторским округам, сохранившееся в бумагах Комитета 6 декабря 1826 г.⁵⁸ В соответствии с этим расписанием VII округ с главным городом Тулой как раз и составляли те губернии, которые в ноябре 1819 г. были включены в генерал-губернаторство Балашева. Однако в именном указе от 19 января 1820 г., которым официально сообщалось о создании столь необычной административной единицы, цель назначения Балашева была сформулирована крайне туманно: «...отправиться к своему назначению и по прибытии туда, начав осмотром... губерний на правилах, предписанных в инструкции сенаторам, назначаемым для образования губерний, 17 марта 1819 года изданной, действовать далее на основании Учреждения об управлении губерний и других узаконений о должности генерал-губернатора». В конце указа говорилось, что Балашев в скором времени получит «инструкцию, приготовляемую для генерал-губернаторов»⁵⁹. Но такой инструкции Балашев так никогда и не получил.

Знал ли Балашев действительный смысл своего назначения, понимал ли, какую роль оно должно было сыграть и вообще какие изменения в государственное устройство России намеревался внести Александр I? Сохранившиеся материалы позволяют ответить на эти вопросы отрицательно. Однако если Александр и не был откровенен с Балашевым, то все же позволял себе намеки на будущие реформы, началом которых являлось учреждение генерал-губернаторств. В некоторых запомнившихся Балашеву высказываниях царя ясно видны владевшие Александром I в то время мысли.

Из анализа неоконченного наброска «Записки генерал-губернатора Балашева относительно разных предметов», адресованной А. А. Аракчееву и написанной в январе 1820 г., следует, что в ноябре 1819 г. у Балашева было несколько важных и продолжительных бесед с императором. В одной из них Александр говорил Балашеву о предстоящей реформе центрального управления и о том значении, которое он придает в этой связи образованию генерал-губернаторства. Предстоящие реформы Александр прямо называл продолжением тех преобразований, которые были начаты в 1810—1811 гг. и были прерваны войной. Теперь, после «утверждения прочного мира в Европе», говорил император, настало время вернуться к реформам, поэтому и «учреждаются области из нескольких губерний, под начальством генерал-губернатора соединенные». Далее Александр заявил Балашеву, что новые генерал-губернаторы будут иметь «существенную разницу с бывшими при Екатерине». «...Генерал-губернатор,—сказал царь,—есть всегдашний наблюдатель всякого распорядка и исполнения во вверенных ему губерниях или ежеминутный инспектор всех частей управления... Что как предлежать будут генерал-губернатору дела, касающиеся всех министров, то и будут определены при нем чиновники от каждого для обрабатывания оных...»⁶⁰ Последняя фраза сразу напоминает об идее создания наместнических советов, отразившейся в «Кратком изложении основ», о государственных секретарях, призванных осуществлять связь наместника с соответствующим министерством. Характерно также стремление Александра I поставить наместника по значению вровень с министром, т. е. сделать его одним из первых в рядах высшей бюрократии.

После отъезда царя из Варшавы осенью 1819 г. там должна была развернуться интенсивная работа над проектом русской конституции. Отсутствие источников не позволяет восстановить ее в полной мере. Однако известно, что вести эту работу пришлось уже иным людям: главный сотрудник Новосильцова на предыдущем этапе дела П. И. Пешар-Дешан внезапно скончался. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу 17 октября 1819 г: «Смерть за смерть! Вчера мы похоронили старика Deschamps, который четвертого дня умер скоротостижно на улице, ехавши домой с обеда, где пел и балагурил по-обыкновенному. Впрочем, он давно

уже страдал от удушья. Покойник был добрый человек». И многозначительно добавлял: «Я его в особенности любил, и мы насчет многого согласны были; я имел случай увидеть на опыте, что он желал мне добра». В это время он, очевидно, находился в стороне от подготовки конституции и в том же письме с горечью сообщал А. И. Тургеневу, что «вовсе потерял веру» в Новосильцова⁶¹. Тем не менее участие Вяземского в работе над конституционным проектом прервалось не окончательно, о чем свидетельствуют и письма к нему Н. М. Карамзина, и его собственные воспоминания. 3 ноября 1819 г. Карамзин писал: «Мы несколько раз говорили об вас с государем, которого отзывы были очень лестны для вас, любезнейший князь. Видите, что и *первое пришествие* было не бесплодно. Ждите второе с новою надеждою... В ожидании сего времени или вечности, если угодно, будем заниматься кое-чем: вы — *новою всемирною конституциею* (выделено мною. — С.М.) и стихами, я — старою российскою историею и прозою». Пять месяцев спустя, в письме от 17 мая 1820 г., Карамзин сетовал: «Бог знает, как давно не получали ни строки из Варшавы! — и осведомлялся: — Готовитесь ли к сейму и что сочиняете: речи ли, конституции ли?»⁶² Легкая ирония, которой проникнуты эти письма историографа, очевидна: он всегда подтрунивал над горячностью и конституционными стремлениями своего молодого родственника (Вяземскому в то время было всего 28 лет). Однако письма доказывают наличие самого предмета — занятий Вяземского конституцией. Как увидим далее, последний вовсе не был намерен скрывать этот факт.

В начале 1820 г. в Варшаве побывал С. И. Тургенев, младший брат А. И. и Н. И. Тургеневых. Его дневник той поры содержит чрезвычайно важные сведения о секретных конституционных вопросах, разрабатывавшихся в канцелярии Новосильцова. 11 января С. И. Тургенев занес в дневник свои первые впечатления: «Здесь я познакомился с князем Вяземским и г. Новосильцовым. Они приняли меня дружески и радушно. Проект Н[овосильцова] о Польше кажется лучшим, какой возможен в настоящих обстоятельствах. Дело идет об установлении во всех Польских провинциях и в собственно России наместничеств и представительного правления, как здесь. В результате Царство Польское станет провинцией, каковой сейчас не

является. У нас будет великая империя с провинциальными собраниями представителей»⁶³. Четырьмя днями позже Вяземский уже познакомил С. И. Тургенева с отдельными частями конституции. «Вчера мне читал к[нязь] Вяземский некоторые места из проекта Российской конституции,— записал Тургенев 15 января.— Главные ее основания те же, что и в Польской. Представители в наместничествах избираются народом, а из них потом выбираются члены главного сейма, которые дополняются назначенными государем членами. Третью часть представителей на малых сеймах может пр[авительст]во исключить... Отвергаемость министров, свобода мнений (т. е. их объявления) гарантируются. Из сего следует, что три главнейшие подпоры гражданской свободы воплощены в проекте конституции, остальное дополняется органическими законами, которых издание не надо торопить, дабы народ имел время понять новое свое положение». За это время представители народа, продолжал С. И. Тургенев, «познакомились бы с важнейшими предметами законодательства, которые им в первый раз представлено будет разрешать»⁶⁴. Эта запись вводит в курс того, какими путями шла реализация указаний Александра I, высказанных осенью прошедшего года.

Сравнение конспекта готовившейся конституции, содержавшегося в этой дневниковой записи, с готовым проектом (который мы подробно рассмотрим далее) показывает, что в январе 1820 г. основные контуры русской конституции совершенно определились. Роль же самого Вяземского во всей этой деятельности, вероятно, по-прежнему сводилась исключительно к переводам. Его письма к А. И. Тургеневу этого периода не содержат даже намека на сколько-нибудь серьезную и важную работу. Более того, как выясняется из воспоминаний Вяземского, он даже не знал, когда готовый проект был представлен императору. Правда, судя по ним, ему все же представилась возможность летом 1820 г. в Петербурге беседовать о конституции с Александром I. Вот что Вяземский писал об этом в своей «Исповеди»: «Не помню когда, но проект, у нас составленный, был поднесен государю. В приезд мой в Петербург в лето 1819 г. (здесь память изменяет Вяземскому: он приезжал туда летом 1820 г.— С. М.⁶⁵) имея счастье быть у государя императора в кабинете его на Каменном острове. Велено мне было приехать в че-

тыре часа после обеда за письмом к Н. Н. Новосильцову. Государь говорил со мною более получаса. Сначала расспрашивал он меня о Кракове, куда я незадолго пред тем ездил, изъяснял и оправдывал свои виды в рассуждении Польши, национальности, которую хотел сохранить в ней... от политического образования, данного Польше, перешел государь к преобразованию политическому, которое готовит России; сказал, что знает участие мое в редакции проекта русской конституции, что доволен нашим трудом, что привезет с собою доставленные бумаги в Варшаву и сообщит критические свои замечания Новосильцову, что надеется привести непременно это дело к желаемому окончанию, что на эту пору один недостаток в деньгах, потребных для подобного государственного оборота, замедляет приведение в действие мысль, для него священную; что он знает, сколько преобразование сие встретит затруднений, препятствий, противоречия в людях, коих предубеждения, легкомыслие приписывают сим политическим правилам многие бедственные события современные, когда при беспристрастнейшем исследовании люди сии легко бы могли убедиться, что сии беспорядки проистекают от причин совершенно посторонних»⁶⁶.

Важные подробности беседы с императором Вяземский припомнил много позднее, когда в 1878 г. писал в «Автобиографическом введении» к полному собранию своих сочинений: «В один из приездов моих в Петербург из Варшавы император удостоил меня особенною послеобеденною аудиенциею в Каменно-островском дворце. С полчаса, если не больше, изволил говорить он о трудах наших по канцелярии Новосильцова, о воззрениях своих на Польшу и на другие политические события и соображения.

Тут косвенно были, или, по крайней мере, так казалось мне... маленькие, но понятные намеки на противоположные мысли Карамзина, например, государем было сказано: «*Quelques uns pensent que les desordres dont nous sommes parfois temoins, sont inherents aux idees liberales; tandis qu'ils ne sont que des abus de ces idees et de ces principes*».* Государь говорил

* Некоторые думают, что беспорядки, свидетелями которых мы подчас бываем, присущи либеральным идеям, в то время как они не что иное, как злоупотребление этими идеями и принципами (франц.).

также о предположениях своих в отношении к будущему государственному устройству России. Говорил он все время по-французски... Перевод слов *constitution* и *liberal* словами *государственное уложение* и *законно-свободный* принадлежит самому государю»⁶⁷.

Вяземский приехал в Петербург из Варшавы в 20-х числах мая 1820 г.⁶⁸ и пробыл здесь (съездив в середине июня на некоторое время в Москву) до середины июля⁶⁹. Следовательно, к маю 1820 г. проект русской конституции, подготовленный в духе «Краткого изложения основ», был не только готов, но уже отослан в Петербург императору *. Во время пребывания Александра I осенью 1820 г. в Варшаве проект, видимо, был окончательно доработан.

Конституция была составлена в двух экземплярах на французском и русском языках. Оба они были обнаружены во время польского восстания 1830—1831 гг. среди бумаг Новосильцова. Летом 1831 г. проект конституции был издан отдельной брошюрой польским революционным правительством⁷⁰. Затем эти экземпляры попали в Государственный архив и сейчас находятся среди документов Центрального государственного архива древних актов⁷¹. Тексты их идентичны и, таким образом, представляют, по всей видимости, окончательный текст редакции 1820 г.

Конституция озаглавлена «*La charte constitutionnelle de l'empire de Russie*», и название «Конституционная хартия Российской империи» являлось бы наиболее точным переводом на русский язык. Однако в русском варианте заглавие звучит иначе: «Государственная уставная грамота Российской империи». Лишь опасением Александра I слишком явно декларировать точным названием предусмотренное проектом коренное переустройство основ русской государственной жизни можно объяснить то обстоятельство, что по требованию царя, засвидетельствованному П. А. Вяземским, название было изменено. Характерно и то, что в самом тексте «Уставной грамоты» слово «конституция» ни разу не использовано, хотя она на самом деле не что иное, как документ, претворение в жизнь положений которого превратило бы Россию в конституционную

* Заметим, что в феврале 1820 г. в Петербурге было еще только «Краткое изложение основ», так как именно его, а не полный проект сумел раздобыть и отправить в Берлин прусский посланник Шеллер-

монархию. Это с очевидностью вытекает из анализа основных положений «Уставной грамоты». Прежде всего надо указать, что в ней провозглашалось создание в России принципиально нового для нее, буржуазного по своей сути органа — двухпалатного парламента. «Да будет российский народ, — с необычайным пафосом говорится в ст. 91 конституции, — отныне навсегда иметь народное представительство. Оно должно состоять в государственном сейме (государственной думе), составленном из государя и двух палат. Первую, под именем высшей палаты, образует Сенат, а вторую, под именем посольской палаты, земские послы и депутаты окружных городских обществ»⁷².

В соответствии с принципом, получившим одобрение Александра I еще в «Кратком изложении основ», кроме общероссийского парламента учреждались так называемые наместнические сеймы, призванные действовать в каждом наместничестве, на которые предполагалось разделить страну. Статьи 13, 31, 32 и 101 содержат чрезвычайно осторожную формулировку задачи, возлагаемой на сейм: в них говорится только о «содействии» общероссийского и местных сеймов императору в осуществлении им законодательной власти (ст. 13 — «...но законодательной власти государя содействует государственный сейм»; ст. 31 — «...общие законы постановляются государем при содействии общего государственного сейма»; ст. 32 — «...особенные или местные законы постановляются государем при содействии сеймов наместнических» и ст. 101 — «...законодательная власть заключается в особе государя при содействии двух палат государственного сейма»). Этим готовая конституция резко отличалась от «Краткого изложения основ», где, как мы видели, об участии императора в законодательстве ничего не было сказано, а только отмечалось, что законы будут обсуждаться в сейме.

Подобная трактовка роли народного представительства в «Уставной грамоте» дала основание некоторым исследователям вообще отрицать, что ее осуществление привело бы к конституционному переустройству страны. «Государственный сейм... — писал А. В. Предтеченский, завершая изложение прерогатив императора, предусмотренных «Уставной грамотой», — только *содействует* ему в этом деле. Грамота, таким образом, ни в коей мере не превращала

Россию в конституционную монархию»⁷³. Однако подобное утверждение — явное заблуждение, основа которого — слишком большое доверие только что приведенным формулировкам. На самом же деле употребление авторами конституции при определении прав сейма термина «содействие» было призвано замаскировать истинный смысл политической реформы. К подобным приемам они, как мы покажем далее, вынуждены были прибегать не один раз. В действительности сейм должен был не столько «содействовать» императору, сколько резко ограничивать его право на единоличное издание законов. В ст. 115 недвусмысленно сказано, что «общий государственный сейм по сообщении от имени государя чрез Государственный совет рассматривает *все* (выделено мною.— С. М.) проекты законов гражданских, уголовных и по части управительной, коих действие распространяется на всю империю». В отношении же местных сеймов в ст. 103 говорится, что из общих законов они рассматривают только те, которые будут предложены им императором: «Сеймы наместнических областей рассматривают проекты общих законов во всех случаях, в которых государь заблагорассудит повелеть им оные сообщить чрез Государственный совет». Из этого следует, что ни один закон не мог быть издан помимо общегосударственного сейма и без его утверждения. Последнее явствует из процедуры обсуждения проектов законов, предусмотренной «Уставной грамотой».

Право законодательной инициативы, как видно из ст. 115, «Уставная грамота» сохраняла исключительно за императором. Сейму, согласно ст. 130, предоставлялась «полная свобода насчет оных излагать свое мнение», поскольку, хотя проекты и вносятся «по высочайшей воле», они «не почитаются еще ни одобренными ею, ни утвержденными». По желанию императора обсуждение закона могло начаться в любой из палат, за исключением законов о финансах, которые первоначально должны быть обсуждены нижней палатой (ст. 129). Ст. 132 закрепляла право сейма либо отвергнуть обсуждаемый проект закона (что имеет для нашего рассуждения принципиально важное значение), либо его одобрить: «Проекты во всех сеймах принимаются или отвергаются большинством голосов».

Таким образом, совершенно очевидно, что сейм обладал правом «вето» и тем самым существенно

ограничивал законодательную власть императора. Все вышесказанное наглядно подтверждается порядком издания законов, закрепленным в ст. 31—33 «Уставной грамоты». Самостоятельно, без сейма, император мог издавать только «уставы, учреждения, указы, рескрипты и постановления», а отнюдь не законы. «Под словами уставы и учреждения,— сказано в ст. 28,— должно разуместь все распоряжения, требуемые обстоятельствами, или для защиты государства и охранения целости его границ, или для устройства разных предметов по части внутреннего управления, или, наконец, по делам, до порядка службы и до усовершенствования общего и частного благосостояния касающихся». Ст. 29 определяла указы, повеления, рескрипты и постановления как документы, содержащие частные распоряжения по различным отраслям государственного управления. Вот, оказывается, в чем могло состоять «содействие» сейма императору в отправлении возлагаемых на него обязанностей. Правда, император, согласно ст. 135, получал аналогичное право отклонить любой закон, утвержденный сеймом. «Ежели государь,— говорится в ней,— утверждает его (т. е. проект.— С. М.), то он обращается в закон и обнародывается по утвержденному порядку. Если же государь не соизволит его утвердить, то проект уничтожается».

Таким образом, гораздо основательнее суждения тех исследователей, которые, не отрицая конституционного характера «Уставной грамоты», привлекают внимание к ее ограниченности. «...Законодательная власть хотя и переставала быть компетенцией одного монарха,— справедливо заключила свои рассуждения Н. В. Минаева,— но и не становилась принадлежностью органа представительного правления. Она делилась между императором и сеймом или между императором и местными сеймами»⁷⁴. Действительно, «Уставная грамота» — яркий образец попытки соединить самодержавие с конституционной системой. В соответствии с ней сейм оказывался лишенным важнейшего атрибута законодательной власти — права предлагать новые законы. Право законодательной инициативы признавалось только за императором. Сейм призван был лишь изменять и совершенствовать предложенные ему законы, но отнюдь не составлять самостоятельно новые. Хотя, впрочем, он, как и император, имел право вовсе отклонить проект закона.

Рассмотрим теперь, каким образом, согласно «Уставной грамоте», должно было на практике осуществляться народное представительство и каковы были его права и полномочия. Этому посвящена специальная (IV) глава конституции, озаглавленная «О народном представительстве». Сразу надо заметить, что она в сущности является простым повторением соответствующих разделов польской конституции 1815 г. Разница заключается только в том, что в России наряду с общегосударственным парламентом учреждались еще парламенты наместничеств (число их в «Уставной грамоте» не оговаривалось; в «Кратком изложении основ», напомним, речь шла о 10 наместничествах, в сохранившемся проекте распределения губерний по наместничествам — о 12). По ст. 100 «Уставной грамоты» сеймы наместнических областей созывались каждые три года, общий сейм государства — каждые пять лет. Следовательно, они не являлись постоянно действующими учреждениями. Ст. 126 устанавливала продолжительность их работы: «Заседание сеймов продолжается тридцать дней».

Принципы организации местных сеймов и сейма общегосударственного в целом совпадали. Местные сеймы также должны были состоять из двух палат: верхней — Сената и нижней — земской посольской палаты. Верхняя палата образовывалась из одного из департаментов Сената, для чего этот департамент переводился в главный город соответствующего наместничества. Его члены по-прежнему назначались царем, а не избирались. Принципиально иным образом предполагалось сформировать нижнюю палату наместнического сейма. В ст. 148 сказано: «Палата наместнического сейма составляется по назначению государя из двух третей послов и депутатов, избранных уездными дворянскими собраниями и гражданскими обществами...» В члены «посольской палаты» мог быть избран любой человек, достигший 30 лет, пользующийся правами гражданина и платящий «поземельные и всякие другие подати не менее той суммы, которая во всякой наместнической области будет для сего определена, смотря по местным обстоятельствам и народонаселению» (ст. 155).

«Уставная грамота» предусматривала выборы депутатов по двум куриям: от дворянских собраний и «градских обществ». Право участвовать в выборах депутатов от дворянства, или, иными словами, избира-

тельные права, получали дворяне, достигшие 25 лет, записанные в дворянскую книгу своего уезда, владевшие недвижимым имуществом и пользовавшиеся правами граждан (ст. 161). Ст. 166 определяла круг лиц, имевших право избирать депутатов от «градских обществ». Избирательные права получали: 1) все жители города, имевшие недвижимую собственность, 2) «все состояния, известные под именем именитых граждан, как-то: ученые, имеющие академические или университетские аттестаты, художники трех главных художеств — архитектуры, скульптуры и живописи, банкиры, капиталисты и кораблехозяева», 3) «купцы первых двух гильдий» и 4) «цеховые мастера». Вне зависимости от имущественного ценза исключались из участия в выборах евреи (ст. 167). В специальной статье (171) уточнялось, что «в собрании градского общества имеет голос токмо тот, кто записан в градскую обывательскую книгу, пользуется гражданскими правами и имеет не менее 25-ти лет от роду». Все выборы были прямыми. Исключение составляли только крупные города с населением более 8 тыс. человек, где вначале выбирались гласные, которые затем уже выбирали депутатов в посольскую палату.

Раз в три года, при каждом новом сейме, должна была заменяться только половина депутатов, другая же половина сохраняла свое депутатское звание в течение 6 лет (ст. 149). Аналогичное право устанавливалось относительно общегосударственного сейма (ст. 153).

Формирование посольской палаты общероссийского сейма, согласно «Уставной грамоте», также происходило бы комбинированным способом. Вначале палата депутатов наместнического сейма должна была выбирать из своей среды «земских послов и депутатов, имеющих составить вторую палату общего государственного сейма». «Число избранных,— сказано в ст. 112,— должно соответствовать четвертой части состоящих налицо послов и депутатов». Однако выбранные таким образом лица становились лишь кандидатами в депутаты нижней палаты общероссийского парламента. Окончательный отбор ее членов оставался за царем. По ст. 114 «палата земских послов» составлялась «по назначению государя из половинного числа послов и депутатов, в каждой наместнической области посольскою палатою из среды своей избранных».

Право императора вмешиваться в формирование нижней палаты наместнических и общегосударственно-

го сеймов, зафиксированное «Уставной грамотой», представляло собой очередной шаг назад по сравнению не только с «Кратким изложением основ», но и с польской конституцией, которая предусматривала прямые и ничем не ограничиваемые выборы депутатов. Обстоятельства возникновения этой поправки — чрезвычайно характерная иллюстрация к уже отмеченному стремлению составителей конституции и прежде всего самого Александра I в максимальной степени сочетать самодержавные принципы с требованиями буржуазного устройства. В своих воспоминаниях «Россия и русские» декабрист Н. И. Тургенев так обрисовал историю появления этого пункта: «В главе о выборах членов народного собрания было сказано, что депутаты назначаются избирателями. Что могло быть проще и естественнее этого? Тем не менее император остановился на этом параграфе и сделал замечание, что избиратели могут назначать таким образом кого им заблагорассудится: «Панина, например». А как раз Панин, бывший министр иностранных дел, впал в немилость у его величества. Статья была тотчас же изменена, и избирателям решили предоставить лишь право представлять трех кандидатов, из числа которых правительство избирало бы депутата... Что может быть курьезнее такого способа фабриковать конституции!»⁷⁵

Как только император сталкивался с чем-то, что ущемляло привычную бесконтрольность, ограничивало его возможности действовать по-своему, его теоретические представления тут же отступали на второй план. Вообще эта поправка оживляет в памяти почти аналогичный случай, происшедший в начале XIX в., когда по указу 8 сентября 1802 г. Сенат получил право «представлять» императору о законах, мешавших нормальному течению государственной жизни (своеобразное преломление буржуазного принципа *droit de remontrance*). Первая же попытка Сената воспользоваться этим правом и высказать гласно протест против обязательного 12-летнего срока службы для дворян-унтер-офицеров потерпела полный провал, и больше уже подобные «представления» никогда не возобновлялись. «Я им дам знать себя!» — гневно заметил тогда Александр, приведенный в бешенство действиями сенаторов⁷⁶.

Для чего же создавалось народное представительство, какие проблемы призваны были обсуждать и решать депутаты русского парламента?

О роли сеймов в законодательстве уже было сказано. Однако обсуждением и утверждением законов функции парламента вовсе не исчерпывались. В статьях 115 и 116 «Уставной грамоты» определялись формы участия членов парламента в решении иных вопросов государственной жизни. Прежде всего речь шла о финансовых проблемах. Одним из главных прав и обязанностей сейма становилось обсуждение и утверждение государственного бюджета. «Он рассуждает,— сказано в ст. 115,— по предложениям, вносимым по высочайшему же повелению, о прибавлении и уменьшении налогов, податей, сборов и всякого рода общественных повинностей, о удобнейших и справедливейших раскладках, о уравниении налогов и податей по всему государству по мере силы и возможности каждой наместнической области, о составлении главного расписания доходов и расходов (бюджет) на основании представленных ему на рассмотрение частных расписаний доходов и расходов, составленных в каждой области наместничества». О возможности обсуждения в сейме других проблем в статье сказано весьма туманно. Указывается только, что о них он «рассуждает» также «по воле государя».

Ст. 116 предусматривала (опять-таки в случае повеления императора) обсуждение в сейме отдельных вопросов, содержащихся в общем государственном отчете, который составлялся ежегодно Государственным советом. Существенное место в работе парламента должно было занять рассмотрение «наказов земским послам и депутатам, от их избирателей данных и заключающих в себе их замечания, представления и прошения касательно всего того, что относится до их пользы». Предполагалось, что результаты обсуждения наказов будут сообщаться сеймом в Государственный совет, а оттуда — императору «на высочайшее разрешение и для принятия тех мер, к коим бы таковые представления могли подать повод».

Таким образом, кроме участия в составлении бюджета страны, что конечно же существенно ограничило бы возможности верховной власти бесконтрольно распоряжаться финансами, вся остальная деятельность парламента сводилась исключительно к праву высказать свое мнение в ответ на запросы царя, что фактически придавало его деятельности в этих вопросах не законодательный, а уже законосовещательный характер. Существенной

уступкой прежним самодержавным порядкам является, кроме того, отказ парламенту в праве обсуждать и утверждать готовые отчеты Государственного совета. Один из основных буржуазных принципов — принцип ответственности исполнительной власти перед народным представительством — был стыдливо заменен в «Уставной грамоте» правом императора представлять на обсуждение парламента отдельные части общегосударственного отчета. Даже в польской конституции этот вопрос был решен более последовательно. Статьи 106 и 107 конституционной хартии 1815 г. предусматривали обязательное обсуждение «отчета о положении края» в сейме. Напомним, что ранее принцип ответственности исполнительной власти проводился Сперанским в его проекте «Введения к уложению государственных законов».

Функции, возлагавшиеся «Уставной грамотой» на местные сеймы (статьи 103 и 104), совершенно аналогичны только что рассмотренным функциям сейма общегосударственного.

Охарактеризовав устройство законодательной власти, предусмотренное проектом конституции 1820 г., остановимся теперь на том, как предполагалось организовать исполнительную и судебную части. Надо заметить, что буржуазный принцип разделения властей формально выдержан в «Уставной грамоте» достаточно последовательно. Это видно даже из ее структуры: вторая глава посвящена исполнительной власти, четвертая — законодательной, пятая — судебной (первая глава содержит «предварительные рассуждения», третья — «ручательство державной власти», шестая — «общие постановления»).

Главой исполнительной власти государства, по проекту конституции, провозглашался император. «Государь есть верховная глава общего управления империи, — записано в ст. 15 «Уставной грамоты». — Он печется о внутренней и внешней безопасности государства. Он бдит о своих правах и владениях». В этой части «Уставная грамота» определяла права монарха в соответствии с общепринятыми тогда нормами буржуазного права, характерными для конституционных монархий: особа его священна и неприкосновенна, ему принадлежит право объявления войны и заключения мира, он глава армии и флота, он назначает послов и посланников, а также чиновников «на все места гражданские, управительные и судебные», он глава

церкви, ему принадлежит право помилования. По ст. 24 «государь располагает доходами государства», но делает это «сообразно с утвержденными им частными расписаниями доходов и расходов (бюджетами) наместничеств и с общим расписанием доходов и расходов всего государства». Своей единоличной властью император вправе был установить только первый после оглашения «Уставной грамоты» бюджет страны (ст. 25). Таким образом, не прав А. В. Предтеченский, включая в перечень ничем не ограниченных прав императора и «распоряжение бюджетом». На самом деле без утверждения сейма бюджет страны не мог получить законную силу. Ошибался А. В. Предтеченский и тогда, когда писал, что императору, согласно «Уставной грамоте», принадлежало исключительное «право издания законов»⁷⁷. Императору, как уже говорилось, авторы конституционного проекта представляли право самостоятельного издания только «уставов, учреждений, указов, рескриптов и постановлений», что, конечно, имело немаловажное значение, но он был лишен единоличного права издания коренных государственных законов.

Органами центральной исполнительной власти в «Уставной грамоте» названы Государственный совет и министерства. Государственный совет должен был состоять из двух частей: Правительственного совета, или Комитета министров, и Общего собрания совета.

Правительственный совет предполагалось составить из министров и «других особ, призванных в него по воле государя». Функции этого органа в «Уставной грамоте» фактически не определены, и, видимо, подразумевалось, что они не будут резко отличаться от функций существующего уже Комитета министров. Единственное новшество в его статусе связано с введением наместничеств. Правительственный совет получал право аннулировать распоряжения наместников, «когда они противны законам, учреждениям, указам, повелениям и рескриптам, на имя их писанным или им данным» (ст. 39), и «удалять по управительной части всякого рода чиновников» (ст. 40).

Общее собрание Государственного совета, напротив того, представляло собой принципиально новый орган, в значительной своей части напоминавший тот Государственный совет, устройство которого предлагал Сперанский в своем «Введении к уложению

государственных законов». Его общее собрание должно было рассматривать и разрабатывать проекты законов, «представлять» императору о злоупотреблениях администрации, рассматривать отчеты министерств, решать вопросы о виновности или невинности «чиновников управления, по назначению его императорского величества определенных». Иными словами, он как бы действительно становился центром исполнительной, законодательной и судебной власти.

Решение всех конкретных вопросов управления страной по-прежнему сосредоточивалось в министерствах. Именно на них, согласно ст. 45, возлагалось «исполнение законов». Ст. 46 говорила об ответственности министров и предусматривала предание их Верховному государственному суду «за всякое нарушение уставной грамоты, законов, равно как указов и повелений, от государя императора последовавших». Таким образом, речь шла только о судебной ответственности лиц, наделенных исполнительной властью, а вовсе не об их ответственности перед народным представительством.

Особенно много внимания уделено в «Уставной грамоте» преобразованию местной администрации, вернее, даже не столько ее в целом, сколько нового ее звена — наместничеств. По подсчетам А. В. Предтеченского, «из 191 статьи по крайней мере 70 отведены разработке положений о местном управлении»⁷⁸. Свидетельством того, какое огромное значение придавалось переустройству страны на принципах буржуазного федерализма, является начало «Уставной грамоты». Первая же глава проекта конституции вместо изложения общих принципов, положенных в ее основу, как это было принято во всех подобных документах, посвящена новой организации местного управления. Судя по этому, создание наместничеств должно было предварять все шаги, направленные на практическое осуществление предлагаемого конституционного проекта. Недаром эта глава получила название «Предварительные распоряжения». В ней изложены меры, которые должны были предшествовать перестройке страны на конституционный лад или, точнее, быть первым шагом на этом пути.

Ст. 1 «Уставной грамоты» гласит: «Российское государство со всеми владениями, присоединенными к нему под каким бы наименованием то ни было,

разделяется сообразно с расписанием, у сего приложенным, на большие области, называемые наместничества». Само расписание губерний по наместничествам при проекте конституции отсутствует, но вряд ли можно сомневаться, что именно оно — тот документ, что сохранился в делах Комитета 6 декабря 1826 г., куда мог попасть среди прочих бумаг, обнаруженных после смерти Александра I в его кабинетах в Каменноостровском, Царскосельском и Зимнем дворцах, и о котором мы уже упоминали, излагая обстоятельства назначения А. Д. Балашева. В соответствии с ним Россия делилась на 12 округов, или наместничеств:

- I округ: губернии Курляндская, Лифляндская, Эстляндская и Псковская. Местопребывание генерал-губернатора — в Пскове.
- II округ: губернии Витебская, Смоленская, Могилевская и Калужская. Главный город — Витебск.
- III округ: губернии Черниговская, Киевская, Полтавская, Харьковская и Курская. Главный город — Киев.
- IV округ: Бессарабская область, губернии Херсонская, Екатеринославская и Таврическая. Главный город — Одесса.
- V округ: губернии Архангельская, Олонецкая и Вологодская. Главный город — Архангельск.
- VI округ: губернии Новгородская, Тверская, Ярославская, Владимирская и Костромская. Главный город — Тверь.
- VII округ: губернии Тульская, Орловская, Воронежская, Тамбовская и Рязанская. Главный город — Тула.
- VIII округ: губернии Вятская, Пермская и Оренбургская. Главный город — Оренбург.
- IX округ: губернии Нижегородская, Казанская, Симбирская, Саратовская и Пензенская. Главный город — Казань.
- X округ: губернии Астраханская, область Кавказская, Грузия, Имеретия и Мингрелия. Главный город — Тифлис.
- XI округ: губернии Тобольская, Томская, Иркутская с Камчаткою. Главный город — Томск.
- XII округ: губернии Виленская, Гродненская, Минская, Волынская и Подольская, Белостокская область. Главный город — Вильно⁷⁹.

Последующие семь статей первой главы «Уставной грамоты» посвящены изложению структуры наместничеств. Губернии, входящие в наместничества, сохраняли прежнее деление на уезды, а уезды делились, и это было новшеством, на округа (заметим, что деление уезда на более мелкие административные единицы предлагалось еще в 1809 г. М. М. Сперанским). Все города страны делились на: 1) губернские, 2) уездные и 3) все прочие, за исключением тех, которые «по выгодному положению своему и по торговым сношениям» были отнесены к первым двум разрядам (из этой системы исключались лишь Москва и Петербург). Города третьей степени как раз и предполагалось сделать центрами округов, состоящих «из определенного числа волостей, сел и деревень по мере народонаселения и расстояния от места, для присутствия окружному начальству определенного» (ст. 5). Кроме того, указывалось, что «каждый город первой и второй степени имеет свой округ» (ст. 7). Этим «предварительные распоряжения» и ограничивались. В сущности эта глава является еще одним доказательством того, что генерал-губернаторство Балашева тесно связано с «Уставной грамотой» и все, что происходило в нем в дальнейшем, не может быть понято вне ее истории.

Принципы, на которых предполагалось устроить деятельность наместничеств, не сосредоточены в каком-либо специальном разделе «Уставной грамоты». Они разбросаны по нескольким главам в соответствии с тем, о законодательной, исполнительной или судебной функциях идет речь.

В целом организация власти в наместничествах совпадала с организацией ее в масштабах всей страны. Наместнические учреждения представляли собой те же общегосударственные органы, но в миниатюре. Здесь также создавались органы народного представительства — наместнические сеймы, о которых уже шла речь, а исполнительная власть передавалась наместнику и совету наместничества.

«Наместник купно с Советом на основании предписанного порядка,— говорится в ст. 48,— печется о благосостоянии вверенных ему губерний и блюдет за точным исполнением законов и повелений высшего начальства по всем частям управления». Совет наместничества, как и Государственный совет, разделялся на две части — правительный совет и общее собрание.

Правительственный совет, по мысли авторов проекта конституции, должен был стать как бы комитетом министров наместничества. Члены его «в качестве начальников отделений по совету наместничеств и в виде отряженных чиновников от каждого министерства или главного управления (напомним о государственных секретарях из «Краткого изложения основ». — С. М.) заведывают по губерниям, составляющим область наместничества, на основании особенных учреждений всеми делами, до вверенной им части касающимися» (ст. 51). Общее собрание совета, согласно ст. 59, «рассуждает вообще о всех предметах, до управления наместничества касающихся». Вопросы для обсуждения должны были вноситься в общее собрание императором, Комитетом министров или наместником. Основными задачами общего собрания провозглашалось наблюдение за состоянием финансов, а также развитие «земледелия, промышленности и торговли и тому подобное». Кроме того, в общем собрании Совета должны были обсуждаться и разрабатываться проекты законов, решаться вопросы о привлечении чиновников к судебной ответственности, рассматриваться и обсуждаться годовые отчеты по всем отраслям, составляться общие отчеты наместничества (ст. 60). Важная особенность общего собрания состояла в том, что часть его членов не назначалась императором, а выбиралась в губерниях, входящих в состав наместничества (ст. 58). Правда, порядок этих выборов и количественное соотношение коронных (назначенных) членов и членов, избранных голосованием, в «Уставной грамоте» не были определены.

Как видно из текста «Уставной грамоты», в федеративном устройстве ее авторы видели единственную возможность внести относительный порядок в управление огромной страной. Создание правительственных кабинетов наместничеств, обсуждение всех конкретных нужд края в сейме должны были гарантировать верное и быстрое осуществление на местах правительственной политики, упорядочение ведения дел.

Специальный завершающий раздел «Уставной грамоты» посвящен изложению принципов организации судебной власти. По сравнению с другими частями конституционного проекта он невелик по объему и значительно менее подробно разработан. В этом нельзя

не усмотреть известной поспешности при завершении работы над проектом (впрочем, возможно, это также результат внезапной смерти Дешана в 1819 г., так как, судя по письмам П. А. Вяземского, полноценной замены ему в канцелярии Новосильцова не нашлось). Как бы то ни было, но судебное устройство описано в «Уставной грамоте» несравненно более схематично, чем устройство исполнительной или законодательной власти. Однако основной принцип буржуазного судопроизводства — независимость суда от остальных частей управления — провозглашен здесь со всей определенностью. «Суды и лица, носящие звание судей, — сказано в ст. 175, — в отправлении обязанности, на них возложенной, действуют по законам и независимо ни от какой власти». «Уставная грамота» вводила три категории судебных органов: 1) Верховный государственный суд и верховные суды наместничеств, 2) апелляционные суды и 3) суды первой инстанции. Если некоторые подробности организации и компетенции Верховного суда были все же развиты в проекте конституции, то о судах последних двух категорий говорилось только, что они «будут устроены особенными постановлениями» (ст. 188). Совершенно непроясненной осталась в проекте ст. 177 «Уставной грамоты», которая устанавливала два рода судей: назначаемых императором и выборных.

Обращает на себя особое внимание ст. 143, согласно которой Сенат кроме законодательных имел и судебные функции. Таким образом, объявив независимость суда, «Уставная грамота» на деле допускала серьезные нарушения этого принципа, фактически соединяя законодательную и судебную власти в лице сенатора. Правда, справедливости ради следует отметить, что на местах это соединение категорически отвергалось. «Закон постановляет за неизменное и непоколебимое правило, чтобы управительная и судебная части были разделены, — сказано в ст. 63, открывающей раздел «О губернском начальстве» главы II «Уставной грамоты», — и действия оных, яко несовместные, ни в каком случае не сливались». Здесь же далее говорилось об отмене прежней системы губернского судопроизводства и о том, что особые уставы должны будут определить его новый порядок.

Специальная (III) глава «Уставной грамоты» посвящена провозглашению гражданских свобод, даруемых

гражданам Российской империи. Объявлялись свобода слова, свобода вероисповеданий (правда, оговаривалось, что православная религия остается господствующей, а политическое и гражданское равноправие предусмотрено только для христиан), равенство всех перед законом, неприкосновенность личности («никто не может быть взят под стражу, обвинен и лишен свободы, как только в случаях, законом определенных, и с соблюдением законом предписанных на сей конец правил»), свобода печати. Особое значение имеет в этом ряду содержащееся в ст. 97 обоснование права частной собственности. «Всякая собственность,— сказано в ней,—на поверхности ли земли находящаяся или в недрах оной сокровенная, какого бы рода не была, в чем бы не состояла и кому бы не принадлежала, признается священной и неприкосновенною. Никакая власть и ни под каким предлогом посягнуть на нее не может. Посягающий на чуждую собственность осуждается и наказывается как нарушитель общественного спокойствия». Юридическое закрепление норм буржуазного права, безусловно, имело чрезвычайно важное значение в ломке феодального строя, которая неизбежно началась бы в случае реализации «Уставной грамоты».

Однако, признавая несомненно буржуазный характер «Уставной грамоты», конечно, не следует преувеличивать ее последовательность и радикальность. И здесь следует прежде всего подчеркнуть явно патримониальный характер этого документа. В проекте русской конституции основополагающий принцип всех европейских конституций того времени — суверенитет народа, т. е. признание его источником государственной власти,—заменен суверенитетом императорской власти. В ст. 12 сказано прямо и недвусмысленно: «Государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных». В этом «Уставная грамота» 1820 г. принципиально отличается даже от польской конституции 1815 г., где нет ни слова о суверенитете монарха. Не народ, а император в этой хартии был признан носителем законодательной, судебной и исполнительной власти. И это принципиально важное положение, которое определило по существу главный феодальный пережиток «Уставной грамоты» — проникновение императорской самодержавной власти

во все сферы государственной жизни, сохранение его определяющего влияния на все жизненно важные процессы. В сущности ни один вопрос в стране не мог быть решен минуя монарха. Парламент мог отвергнуть предложенный императором закон, но в то же время он был не в силах принять его по воле монарха. За императором кроме всей полноты исполнительной власти (все правительственные органы имели право совещательного голоса, и лишь мнение императора было решающим, например, в ст. 38 сказано: «Члены правительственного совета имеют голоса совещательные. Один государь решает» и т. п.) сохранялось право вершить практически все дела в государстве. Право монарха на помилование или на вмешательство в выборы депутатов в парламент на практике означало нарушение торжественно провозглашенного в проекте конституции принципа разделения власти. Несомненно, ограничивая самодержавный произвол, вводя его в определенные законные рамки, проект конституции 1820 г. все же сохранял доминирующее положение самодержца во всех областях государственной жизни.

Эти положения «Уставной грамоты» вызывали справедливую критику даже в дореволюционной историографии. Так, В. И. Семевский считал, что наделение самодержавия столь широкими полномочиями привело к тому, что «Уставная грамота» была одним из самых консервативных конституционных проектов своего времени. «Если бы проект Новосильцова был осуществлен,— писал он,—то такая конституция еще менее оградила бы Россию от правительственного произвола, чем была ограждена Польша конституционной хартией 1815 г.»⁸⁰.

Существенной уступкой прежним порядкам являлось сохранение всех дворянских привилегий: ни одна из них не уничтожалась проектом 1820 г. Показательно и то, что в «Уставной грамоте» не было ни словом упомянуто о крепостном праве. Авторы ее как будто не замечали не менее важной, чем политические институты, наболевшей проблемы русской действительности.

Однако даже при всех столь очевидных недостатках «Уставная грамота», будь она введена в действие, означала бы новый этап в истории России. А в 1820 г. были, казалось, все основания предполагать, что эти

может произойти в самое ближайшее время. Доказательством этого служит сохранившийся в бумагах Новосильцова документ на французском языке, озаглавленный «Essai d'introduction pour la Charte» («Опыт введения в Грамоту»). Он должен был в сущности явиться манифестом, возвещающим о «даровании» императором «любезным и верным подданным» конституции⁸¹. Введение написано на той же бумаге, что и русский текст «Уставной грамоты», и, несомненно, составлялось одновременно с ним (этому не противоречит тот факт, что документы эти находятся в разных фондах: как мы уже писали, бумаги Новосильцова сильно пострадали и были разрознены во время восстания 1830—1831 гг.).

Текст введения показывает, что, опасаясь возможных волнений при объявлении столь важных преобразований, власти решили прибегнуть к приему, рекомендованному Александру I еще в 1810 г. М. М. Сперанским. Введение начиналось торжественным заверением, что оглашенный документ, т. е. «Уставная грамота», «не вносит никакого новшества и никакого изменения в государственное устройство. Она основана на... государственных учреждениях, она их объединяет, развивает положенные в их основу принципы, приводит их в действие и тем самым открывает возможность ввести порядок и гармонию в различные отрасли управления»⁸². Таким образом, текст должен был создать впечатление, будто речь идет не о коренных преобразованиях, а о развитии и усовершенствовании уже существующих институтов. В нем не только не заострено внимание на введении в стране народного представительства, но сказано об этом как бы вскользь. В центр поставлена внешняя административная сторона дела, подробно говорится о преобразовании Сената, Государственного совета, создании наместничеств и т. п. Правда, там, где речь пошла о функциях парламента, составителям документа пришлось прямо сказать, что «народное представительство имеет целью приобщить наших любезных и верных подданных к пользованию политическими правами, привлечь их к законодательной деятельности и побудить их разделить с нами бремя управления государством». Однако весь этот важнейший вопрос был умело скрыт среди разных более частных сюжетов. В заключение указывалось на

развитие в дальнейшем «Уставной грамоты» «путем издания Органических регламентов и специальных уставов»⁸³.

Одновременно с манифестом, который должен был объявить о введении в России народного представительства, Новосильцов, несомненно по прямому распоряжению царя, подготовил манифест об уничтожении польской конституции 1815 г. и о превращении Польши в одно из наместничеств Российской империи. Делалось это, как сказано в проекте, «принимая во внимание, что уставная грамота нашей империи основана на принципах, санкционированных нами в конституции, данной нами нашему Царству Польскому 15[27] ноября 1815 года, что те же гарантии и преимущества широко дарованы там всем нашим подданным... что существование двух конституций в одной империи бесполезно и даже вредно для единства действий, необходимого всякому доброму правлению». Согласно манифесту, в Польше сохранялось только прежнее законодательство и самостоятельная армия⁸⁴.

Факт подготовки этих двух документов убедительно доказывает, что в 1820 г. Россия была действительно близка к реальному введению пусть крайне ограниченной, но все же конституции.

Однако ничего подобного не произошло. Ни манифесты, ни сама «Уставная грамота» так никогда и не были обнародованы императором. Это, правда, не означает, что работа над проектом русской конституции была резко прекращена в 1820 г. Еще некоторое время она продолжалась, хотя далеко не столь интенсивно, как в рассмотренное нами время. Совершенно очевидно, что часть относящихся к этому периоду источников до нас не дошла, исчезнув во время восстания 1830—1831 гг. Но есть все же один документ, который свидетельствует о том, как протекала дальнейшая работа,— это «Общий свод предметов, входящих во II и III книги проекта Органического регламента» на французском языке, подшитый в дело сразу же за упоминавшимися русским и французским текстами «Уставной грамоты»⁸⁵.

Напомним, что идея создания некоего «Органического регламента», в котором после издания «Уставной грамоты» были бы развиты и уточнены ее основные положения, а также определены конкретные пути ее осуществления, высказывалась уже в 1819 г. в «Крат-

ком изложении основ конституционной хартии». О призванных дополнить конституцию «органических законах», с изданием которых не надо торопиться, говорил в январе 1820 г. С. И. Тургеневу П. А. Вяземский. Намерение развивать в дальнейшем конституцию «путем издания Органических регламентов и специальных уставов» было высказано в «Опыте введения в Грамоту». Развитие конституции целым комплексом подзаконных актов, названных «Органическим регламентом», соответствовало уже имевшемуся опыту введения в жизнь польской конституции.

Однако появление «Общего свода», возникшего, несомненно, на более позднем этапе, чем «Уставная грамота», доказывает, что впоследствии от мысли о немедленном отдельном издании русской конституции и лишь последующем дополнении ее «Органическим регламентом» полностью отказались. «Общий свод» представляет собой подробный проспект II и III книг «Органического регламента». Проспекта I книги в нем нет. Совершенно очевидно, что ее должна была составить «Уставная грамота», уже готовая и хорошо известная тому, для кого предназначался «Общий свод». Судя по его тексту, подзаконные акты «Об управлении» и «О судебном порядке» составляли теперь II и III книги «Органического регламента». В «Общем своде» нашлось место лишь для заключительного абзаца русской конституции, перенесенного в конец «Органического регламента» и отредактированного в соответствии с новым видом готовящегося документа. Из него исчез термин «Уставная грамота», а слова «основные установления» и «настоящая грамота» были заменены словами «настоящий Органический регламент», еще раз показывающими, что конституция являлась уже просто первой книгой более обширного документа. Еще одна важная деталь — если текст «Уставной грамоты» кончался прежде словами: «Дано в...», то в «Общем своде» место было обозначено вполне определенно: «Дано в нашем Зимнем дворце в Санкт-Петербурге и подписано собственноручно...» Не указывает ли это на то, что работа из Варшавы переместилась уже в Петербург? Пока конституция готовилась в Варшаве, император мог ее подписать там же, теперь речь шла только о столице.

Когда же был составлен «Общий свод» и когда, таким образом, была оставлена мысль о самостоятельном

введении конституции? Сам документ не датирован⁸⁶. Однако трудно предполагать, что он мог возникнуть ранее 1821 г. Идея сделать конституцию частью еще далеко не готового «Органического регламента» была явным свидетельством намерения отложить ее введение на достаточно длительный срок.

К 1821 г. относится активная работа над «Проектом учреждения наместничеств». Вернувшийся из Сибири М. М. Сперанский был сразу привлечен к его обсуждению и доработке. Он написал «Примечания» на проект, а также самостоятельное «Введение к наместническому (областному) учреждению»⁸⁷. Нельзя не заметить связь этих проектов с предполагавшимся содержанием II книги «Органического регламента» («Об управлении»), где первая же глава именовалась: «Об обязанностях и компетенции наместников». Главное же состояло в том, что в последующие годы ни один из этих проектов не был закончен, а следовательно, не продвинулась вперед и работа над «Органическим регламентом».

Ситуация, в которой оказался А. Д. Балашев в специально созданном генерал-губернаторстве, служит фактической иллюстрацией того, как в течение двух последующих лет верховная власть переходила от отсрочек к полному отказу издать и саму конституцию и «Органический регламент». В течение трех лет, получив в управление принципиально новую административную единицу, Балашев вынужден был практически бездействовать: все прежнее законодательство никак не определяло функции генерал-губернатора. И наконец, только в марте 1823 г. на его имя последовал высочайший рескрипт, который, однако, вовсе не содержал никаких инструкций, а лишь предписывал приступить к «преобразованию» губернского управления. Балашев ждал расширения своих полномочий, четкого определения своих прав и обязанностей, ждал, что получит аппарат, который позволил бы ему эффективно управлять огромным краем. Ничего этого в рескрипте не было. Он лишь позволял заняться переустройством управления одной губернии — Рязанской, да и то в очень ограниченных масштабах⁸⁸. Ясно, что рескрипт 2 марта 1823 г. соответствовал сложившемуся уже решительному и недвусмысленному отказу самодержавия от издания конституции. Вместо принципиальной реформы местной администрации Балашев

получил вялое указание экспериментировать в рамках губернии. В конце 1822—начале 1823 г. выбор был сделан уже окончательно. Самодержавие, отказавшись от коренных преобразований в политической сфере, вернулось к прежней бесперспективной практике частных изменений и подновлений существующей системы.

Что же произошло? Почему Россия уже в начале XIX в. не стала конституционной монархией, хотя надеяться на это, как мы видели, были серьезные основания? Оставим на время эти вопросы без ответа и покажем, что подобный же путь прошла в это время идея освобождения крепостных крестьян.

Вглядываясь в действия Александра I, мы замечаем, что начиная с 1816 г. он настойчиво пытался добиться дворянской инициативы в решении этого кардинального вопроса русской жизни. Толчком, возбуждившим активность императора, была, без сомнения, инициатива эстляндского дворянства, заявившего в самом начале 1816 г. о своей готовности освободить крепостных крестьян.

Прибалтийские губернии (Лифляндская, Курляндская и Эстляндская) коренным образом отличались от всей остальной России. Здесь не существовало крепостного права в его крайних проявлениях. Уровень развития товарно-денежных отношений был значительно выше, чем в Европейской России. Главное же — помещики уже осознали экономическую невыгодность сохранения в неприкосновенности крепостного права. В предшествовавшее десятилетие самодержавие в Прибалтике шло по пути постепенного предоставления крестьянам определенных прав. Рядом законодательных актов за эстляндскими крестьянами было закреплено право на движимую собственность и передачу по наследству хозяйства, а по закону 1804 г. были четко определены повинности крестьян в зависимости от количества и качества земли. Теперь формально было уничтожено и само крепостное право. 23 мая 1816 г. Александр I утвердил новое учреждение об эстляндских крестьянах. В соответствии с ним крестьяне получали личную свободу, но лишались права на землю, переходившую в полную собственность помещиков. Из-за запрещения свободного передвижения и выбора рода занятий крестьяне превращались фактически в бесправных арендаторов или батраков. Положение их оставалось крайне тяжелым. Однако при

всех очевидных издержках уничтожение крепостного права в Эстляндии, а затем и в Лифляндии и Курляндии открыло собой принципиально новый этап в истории крестьянского вопроса в России. Уложение 1816 г. было первым за несколько столетий русской истории актом, которым самодержавие не углубляло, не расширяло крепостное право, а, напротив, уничтожало его действие хотя бы на части территории огромной Российской империи. В 1816 г. самодержавие публично, не на словах, а на деле продемонстрировало свою готовность при определенных условиях пойти на конкретные меры для освобождения крепостных крестьян.

Однако никаких практических результатов в собственно русских губерниях добиться не удалось. Неудачей закончилась и предпринятая в 1817 г. попытка склонить дворянство двух украинских губерний (Полтавской и Черниговской) к выступлению с просьбой хотя бы обсудить проблему крепостного права⁸⁹.

Все это нисколько не охладило стремления Александра I добиться практических результатов в решении крестьянского вопроса. В 1817—1818 гг. началась работа над общим планом ликвидации крепостного права в России. О серьезности и фундаментальности намерений Александра I убедительно свидетельствует тот факт, что одним из исполнителей своего замысла он избрал не кого иного, как Алексея Андреевича Аракчеева. Аракчеев в роли автора проекта освобождения крестьян — явление неординарное. Это не вяжется с давно и прочно устоявшимися представлениями о роли и месте этого человека в отечественной истории. Ситуация, когда реализация прогрессивного замысла вверяется деятелю, имя которого для современников и потомства является символом реакции, поистине парадоксальна. Но именно она ясно и недвусмысленно доказывает, что стремление приступить на практике к ликвидации крепостного права было не «заигрыванием с либерализмом», не желанием Александра I понравиться Европе или прослыть там просвещенным монархом, а вполне определенной и целенаправленной государственной политикой: хорошо известно, что именно Аракчееву император доверял разрабатывать и осуществлять свои самые сокровенные замыслы.

В это время Александр I полностью находился в плену иллюзий, что освободить крестьян можно без

всякого насилия над помещиками — стоит только предложить им выгодные условия (опыт Прибалтики только укреплял его в этой мысли). Самодержавные власти так и не смогли до конца понять истинные причины, которые заставляли прибалтийское дворянство добиваться освобождения крепостных крестьян и в то же время толкали их российских собратьев на пассивное, но непоколебимое сопротивление любым эмансипационным шагам правительства, причины, обусловленные разным уровнем социально-экономического и культурного развития собственно русских губерний и Прибалтики. Вот почему в рекомендациях, данных Аракчееву перед началом работы, Александр I настойчиво проводил мысль о недопустимости какого бы то ни было насилия со стороны государства по отношению к помещикам. Это было его единственным условием, все остальное полностью отдавалось на волю автора.

Как и конституция, проект освобождения крестьян готовился в величайшей тайне потому, что верховная власть опасалась как мощного противодействия дворянства, так и крестьянских волнений. Как долго шла над ним работа — неизвестно, но любопытно, что в феврале 1818 г., незадолго до отъезда Александра I на открытие первого конституционного сейма в Варшаву, проект лежал на столе императора. Оказывается, попытка выработать общие принципы крестьянской реформы непосредственно предшествовала началу работы над конституцией. И в этом нельзя не увидеть прямого доказательства, что правительство хорошо понимало невозможность решения политических проблем в отрыве от социальных.

Как же думал решить крестьянский вопрос Аракчеев? Для освобождения крестьян от крепостной зависимости он предлагал начать широкую продажу помещичьих имений в казну «по добровольному на то помещиков согласию» и на некоторых «особенных правилах». Продавать государству крестьян и дворовых, как казалось Аракчееву, помещиков должно было заставить естественное стремление избавиться от долгов и вести хозяйство на рациональной основе — либо обрабатывая наемными рабочими оставшуюся у них часть земли, либо сдавая ее в аренду крестьянам⁹⁰.

Насколько же реален был этот проект? Приходится признать, что однозначного ответа, видимо, просто не

существует. Проект был реален, потому что экономический кризис, поразивший страну после Отечественной войны 1812 г., привел к резкому упадку помещичьего хозяйства. Росла задолженность, все большее число помещиков вынуждено было закладывать свои имения, проживая и проматывая проценты по закладным и вновь закладывая имения. Ежегодно за неуплату государственных и частных долгов объявлялись к продаже с публичных торгов десятки тысяч крепостных крестьян. Кстати, с большой долей вероятности можно предположить, что, предлагая выделять на покупку крепостных 5 млн руб. в год, Аракчеев как раз и исходил из количества крепостных, ежегодно объявляемых к продаже за долги. Так что вряд ли в первые годы могли бы возникнуть затруднения в этом деле. Но в дальнейшем поток неминуемо должен был иссякнуть, а никаких мер, которые заставили бы помещиков продавать крестьян, проект не предусматривал. Какие меры приняло бы правительство в этом случае — неизвестно. Но главное даже не в этом. Ведь и в том фантастическом случае, когда все помещики добровольно решились бы расстаться с крепостными, процесс освобождения растянулся бы не менее чем на две сотни лет. Это неопровержимо доказывает элементарный расчет. Если оценить в среднем по России стоимость одной души в 100 руб. ассигнациями (что на самом деле не такая уж большая цена), то на 5 млн руб. в год можно было бы выкупить не более 50 тыс. крепостных. Двигаясь такими темпами, правительство не освободило бы всех крепостных и к 2018 г. Совершенно очевидно, что решение крестьянского вопроса в России не могло ждать так долго. Наверняка это было ясно и Аракчееву. На что же он рассчитывал, выдвигая свои предложения? На желанные для Александра I постепенность и добровольность реформы крепостной деревни и скорее всего на то, что, раз начавшись, реформа обнаружит выгодные для помещиков стороны. А тогда первоначальные черепашие темпы могли бы смениться иными. Да и само время внесло бы изменения.

Но все наши предположения остаются только догадками. Ведь одобренный царем проект (неизвестный автор записки об участии Аракчеева в решении крестьянского вопроса писал, что предположение «удо-

стоило, сколько известно, высочайшего одобрения государя»⁹¹) так и остался тайной Александра I и Аракчеева. Нам совершенно неизвестны конкретные обстоятельства его отклонения. Ясно только одно: не было сделано никаких попыток не то что приступить к его реализации, но даже представить на рассмотрение какого-либо официального органа.

И все же работа над проектом освобождения крестьян не прекращалась. Только завеса тайны, окружавшая конкретные шаги правительства по пути к разрешению крестьянского вопроса, становилась все более плотной. В 1818—1819 гг. под руководством министра финансов гр. А. Д. Гурьева начал разрабатываться новый проект крестьянской реформы. Для выработки его основ был создан специальный Секретный комитет — первый в чреде подобных комитетов, появлявшихся один за другим во второй четверти XIX в.

Окончательный проект так и не был создан, но сохранившиеся материалы показывают, что авторы стремились предложить такие меры, которые привели бы к разрушению общины и созданию в России капиталистического сельского хозяйства фермерского типа. В конце 1819 г. первый набросок плана реформы был готов⁹². Оставалось только получить одобрение императора, и можно было приступить к продолжению работы. Но одобрения не последовало, и проект Гурьева так никогда и не был завершен. Больше мы не знаем ни о каких иных проектах решения крестьянского вопроса, выработанных правительством. Скорее всего их и не было.

Почему же Александр I, так активно и решительно взявшийся за подготовку реформ, вдруг отказался и от конституции и от планов освобождения крепостных крестьян? Ответ один — осуществлению намеченных реформ помешало мощное и вполне определенное сопротивление подавляющей части дворянства. К преобразованиям стремился очень узкий общественный слой. По справедливому замечанию В. И. Ленина, протестовало «ничтожное меньшинство дворян»⁹³. Число членов тайных противоправительственных обществ декабристов, боровшихся за освобождение крестьян и за устранение или ограничение самодержавия, за всю их десятилетнюю историю ограничивалось несколькими сотнями. Даже спустя несколько десятилетий, накануне освободившей крестьян от крепостного ига рефор-

мы 1861 г., большинство помещиков было против освобождения. Среди правящей элиты переменам сочувствовала и к ним стремилась лишь ничтожная по численности группа высших бюрократов, правда возглавляемая царем. Единственное, что могло в этих условиях обеспечить проведение реформ,—насилие правительства над своей собственной социальной опорой. Но именно этого больше всего страшился Александр I. Он так никогда на это и не решился.

Отказавшись от реформ, самодержавие перешло к реакции, которая началась не с разгромом восстания декабристов в 1825 г., как считают многие, а несколькими годами ранее. Именно Александр I начал реакционный курс, а Николай I лишь продолжил начатое старшим братом. Вместо освобождения крестьян в начале 1820-х годов последовал ряд указов, резко ухудшивших положение крестьян, и в их числе указ 1822 г., давший помещикам право беспрепятственно ссылать своих крепостных в Сибирь⁹⁴. Вместо конституции — фактическая передача всей полноты государственной власти в руки всесильного временщика, любимца царя А. А. Аракчеева. Вместо развития наук и просвещения — изгнание наиболее прогрессивных и талантливых профессоров из университетов, насаждение обскурантизма и религиозного мракобесия. Наконец, Россия стала играть роль жандарма всей Европы.

Отказ от реформ многое значил и для самого Александра I. В начале 1820-х годов произошел крах всего того, что он исповедовал с юности, в чем видел свое высокое предназначение, пришло осознание невозможности реализовать самые сокровенные замыслы. Рушились иллюзии, а мир вокруг становился все более тревожным и колеблющимся. Уроки лицемерия и изворотливости, полученные при дворах Екатерины II и Павла I, когда зачастую приходилось идти на все, чтобы сохранить отношения с обеими враждующими сторонами, помогли Александру I найти достаточно циничный выход из положения. 24 августа 1821 г. М. М. Сперанский, к тому времени возвратившийся в Петербург после многолетней опалы и вновь ставший одним из доверенных лиц императора, записал в своем дневнике поразительные по откровенности слова Александра I: «Разговор о недостатке способных и деловых людей не только у нас, но и везде. Отсюда заключение: не торопиться преобразованиями, но для тех, кои их желают, иметь вид, что ими занимаются»⁹⁵.

Трудно было признаться самому себе, что реформ вовсе не будет. Еще труднее было сказать об этом человеку, с которым в былые годы так откровенно и открыто обсуждались эти замыслы, который создал грандиозные планы преобразования России. В беседе со Сперанским отразилась вся сложность и безнадежность позиции Александра I: и горечь признания в своем бессилии преобразовать страну, лишь слегка прикрытая ссылкой на отсутствие «способных и деловых людей», и попытка убедить (себя? собеседника?), что это не окончательное отступление, а лишь нежелание «торопиться», и, наконец, откровенно выраженное намерение скрыть от передовой части общества свое поражение, «делая вид», что верховная власть по-прежнему готовит реформы. Кстати, именно это намерение, как мы видели, Александр I осуществлял вплоть до 1823 г. в отношении генерал-губернаторства А. Д. Балашева.

Выход был найден, но лично для императора он означал крушение всех надежд. Именно здесь начало того тяжелого душевного кризиса, который овладел им в последние годы жизни. Погружение в мистицизм, почти полное отстранение от дел, безраздельное господство Аракчеева и в конце концов ранняя (императору еще не было и 48 лет) смерть — такой ценой Александр I заплатил за им же самим подготовленное торжество реакции. Россия же потеряла реальный шанс реформировать отжившие устои и стать вровень с ведущими мировыми державами.

Неосуществленные реформы, замыслы верховной власти, под знаком которых прошла вся первая четверть XIX в., — классический пример того, как решающие для судьбы страны проблемы превращаются в самодержавном государстве в непроницаемую для общества тайну, которая в конечном итоге и губит эти замыслы.

Полвека должно было пройти, чтобы, отодвинув эти события в далекую историческую перспективу, о них стало возможно сколько-нибудь свободно говорить в русской печати. Как хорошо знакома нам эта традиция даже не по столь отдаленным временам!

ВОССТАНИЯ МОГЛО НЕ БЫТЬ

Можно ли представить себе русскую историю без восстания декабристов, без каре мятежных полков, выстроившихся на Сенатской площади вокруг памятника Петру I, без выстрела П. Г. Каховского и смертельной раны М. А. Милорадовича, без картечи, знаменовавшей кровавое подавление военного бунта в сердце страны, а главное, без того широкого воздействия, которое оказало первое революционное выступление против самодержавия на все последующее развитие России? Трудно, не правда ли?

Восстание декабристов стало символом революционного порыва, первой героической главой освободительного движения. Его значение в нашей истории так велико, что оно порой как бы заслоняет собой многие важные события первой четверти XIX в.

Но, как ни странно это может показаться на первый взгляд, восстание 14 декабря принадлежит к числу тех исторических событий, которые, не будь каких-то случайных обстоятельств, вовсе могли не произойти. Если мы тщательно проанализируем все факты, которые привели к тому, что восстание свершилось, то уверенность в его неизбежности будет сильно поколеблена. События 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади были результатом исключительного стечения обстоятельств. Случайность и закономерность так тесно переплелись в них, что разделить их практически невозможно.

В чем суть дела? Сразу нужно предупредить возможное недоумение читателей: автор вовсе не ставит под сомнение закономерность возникновения в России революционного движения. Тайные общества были рождены объективными противоречиями российской действительности, и их члены преследовали высокие и благородные цели — освободить страну от пут крепостничества и неограниченного самодержавного произвола. Речь идет о другом — о самой попытке 14 декабря 1825 г. захватить государственную власть путем военного переворота.

Об открытом выступлении — «революции посредством войск» — для осуществления заветных целей в

тайных обществах помышляли давно. Но к концу 1825 г. их члены не считали себя готовыми к этому. На следующий год намечался съезд Северного и Южного обществ, который должен был обсудить разногласия, возникшие между двумя революционными центрами, а возможно, и условия совместного выступления. Неготовность участников движения к решительным действиям с полной очевидностью продемонстрировали ноябрьские события 1825 г. Напомним, что внезапная смерть императора 19 ноября в Таганроге была для всех, в том числе и для декабристов, совершенно неожиданной. Она создала сложную ситуацию. У Александра I не было детей, и на престол, согласно принятому в конце XVIII в. закону об императорской фамилии, должен был вступить старший из братьев скончавшегося императора цесаревич Константин Павлович. Вся Россия первоначально и присягнула ему. Однако внезапно выяснилось, что Константин царствовать не желает и что еще в 1823 г. были оформлены, но не оглашены документы, передающие русский престол следующему брату — Николаю. На 14 декабря 1825 г. в столице была назначена новая присяга.

Несмотря на постоянное обсуждение декабристами целесообразности открытого выступления именно в момент смены одного императора другим, первая присяга, принесенная Константину, прошла без всяких осложнений. И если бы не возникла ситуация с требованием еще одной присяги другому наследнику престола, то представившийся случай, вероятнее всего, остался бы неиспользованным. Одного теоретического замысла для реального революционного выступления недостаточно. Нужны были особые условия. И такие условия возникли в краткий период междоцарствия — во время, прошедшее от присяги Константину до присяги Николаю (от 27 ноября до 13 декабря 1825 г.). Члены тайных обществ прекрасно понимали уникальность создавшихся обстоятельств, сознавая, что не воспользоваться ими было бы равносильно отказу от собственных убеждений и целей. «Случай удобен, — писал 12 декабря 1825 г. И. И. Пущин товарищам в Москву, — ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов»¹.

Но как вообще могла возникнуть эта странная ситуация? Что привело к династическому кри-

зису*, который чуть было не закончился низложением династии Романовых? Почему документы о передаче права на престол от Константина к Николаю не были своевременно оглашены и не приобрели, таким образом, силу закона? Для ответа на эти вопросы нужно от конца 1825 г. отступить на несколько лет назад.

В октябре 1823 г. петербургское общество было весьма заинтриговано слухами о том, что в Государственный совет, Сенат и Синод присланы запечатанные императорской печатью конверты, содержание которых сохраняется в тайне. На конверте, доставленном в Государственный совет, имелась собственноручная надпись Александра I: «Хранить в Государственном совете до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть прежде всякого другого действия в чрезвычайном собрании». По свидетельству М. А. Корфа, «публика, даже высшие сановники ничего не знали: терялись в соображениях, догадках, но не могли остановиться ни на чем верном. Долго думали и говорили о загадочных конвертах; наконец весть о них, покружась в городе, была постигнута общею участию: ею перестали заниматься»².

То, что было в этих трех конвертах, а также еще в одном, отосланном в московский Успенский собор для хранения там вместе с другими историческими государственными актами, стало известно только в ноябре—декабре 1825 г. В Москве в подлинниках, а в Петербурге—в копиях хранились те самые документы, которые оформляли отречение от престола цесаревича Константина и передачу трона Николаю.

Предыстория создания этих документов уходит своими корнями в прошлое, и в ней до сих пор остается много неясного и загадочного. Здесь тесно переплелись две истории—отречение Константина от права на престол и ситуация, которую порождали не раз высказывавшиеся Александром I мысли о своем собственном отречении. Хотя эти две истории неразрывно связаны между собой, но остаются разными и по смыслу, и по вызвавшим их причинам.

* Династический кризис 1825 г. был явлением исключительным, в истории небывалым. Обычно кризис возникал в монархиях в случаях, когда за трон боролись несколько претендентов. В России же все было наоборот—от трона отказывались, и, как оказалось, для государственной власти это было не менее опасно, чем борьба за него.

Мысли о непомерной тяжести бремени государственной власти, желание избежать уготованной ему самим рождением участи быть российским императором появились у Александра еще в юношеские годы. Он опасался высказывать их слишком широко, однако не мог удержаться, чтобы не писать о них самым близким людям: своему наставнику швейцарцу Лагарпу и гр. В. П. Кочубею, тогда посланнику в Константинополе. Письма, о которых пойдет речь, передавались через доверенных лиц, и в них Александр мог быть вполне откровенным. 10 мая 1796 г. он писал Кочубею: «Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что не рожден для того сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим способом... Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого неприглядного поприща (я не могу еще положительно назначить время сего отречения) поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая свое счастье в обществе друзей и в изучении природы». О том же намерении «отказаться впоследствии от носимого звания» за несколько месяцев до этого он писал и Лагарпу. Александра угнетала мысль о том беспорядке в государственных делах, который царил в последние годы екатерининского царствования. Ему казалось, что он не будет в состоянии управлять огромной страной. «В наших делах,— писал он Кочубею,— господствует невероятный беспорядок: грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов... При таком ходе вещей,— задавался вопросом император,— возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления?» И тут же отвечал сам себе: «Это выше сил не только человека, одаренного, подобно мне, обыкновенными способностями, но даже и гения». Выход представлялся ему только в отречении от ждавшего его престола³.

Можно ли сомневаться в искренности этих слов Александра? Конечно, постоянная необходимость лавировать между державной бабкой и ненавидевшим ее отцом (будущим императором Павлом I), стремление сохранить хорошие отношения и с царским двором в Петербурге, и с гатчинским изгнанником не могли не

наложить глубокого отпечатка на формировавшийся характер будущего императора. Лицемерие как одну из определяющих черт характера Александра довольно единодушно отмечали хорошо знавшие его современники. Рассказывали даже такой анекдот. Из кабинета Александра, в то время уже императора, выходит, утирая слезы, один генерал (чуть ли не П. В. Голенищев-Кутузов, будущий петербургский генерал-губернатор и член Следственной комиссии по делу декабристов). Ожидающие приема бросаются к нему с расспросами и слышат в ответ: «Плакали оба, но кто кого обманул, не знаю». Анекдот выразительно говорит о том, как воспринимали Александра окружающие. Зная умение императора скрывать свои истинные мысли и чувства, следует ли верить в серьезность его тогдашних намерений отречься от прав на российский престол? Думается, что не доверять этому нет оснований. Искренность Александра вскоре была проверена на деле: в том же 1796 г. он отказался принять престол, минуя своего отца!⁴ Известно, что Екатерина II мечтала видеть своим преемником не сына, а внука, и будто бы в таком смысле было составлено ее завещание. Александр не только не скрыл намерения державной бабки от отца и отнюдь не пытался помешать воцарению Павла на престол, но сам содействовал этому. Стремись он царствовать, поведение его было бы иным.

Мысли о будущем отречении не оставляли Александра и после воцарения Павла I. Однако они приобрели уже иное направление. Первый год царствования отца убедил Александра, что его долг сперва осуществить на практике усвоенные им передовые идеи (в их числе и конституционное переустройство страны) и лишь затем сложить с себя бремя царской власти. «Если когда-либо придет и мой черед царствовать,— писал он Лагарпу 27 сентября 1797 г.,—то вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев». Далее Александр высказал мысль, на которую обратим особое внимание читателей. Она очень важна для понимания скрытых пружин событий, разыгравшихся четверть века спустя. «Это заставило меня передумать о многом,— писал

Александр, прямо связывая возможное будущее отречение с дарованием России конституции,—и мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена, и нация избрала бы своих представителей». Несколькими строками ниже он написал о том же еще определеннее: «Но когда же придет и мой черед (царствовать.— С. М.), тогда нужно будет стараться, само собою разумеется постепенно, образовать народное представительство, которое, должным образом руководимое, составило бы свободную конституцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я, если Провидение благословит нашу работу, удалился бы в какой-нибудь уголок и жил бы там счастливый и довольный, видя процветание своего отечества и наслаждаясь им»⁵. Письмо написано человеком, полным сил и бодро глядящим в будущее. Александр явно увлечен идеей преобразовать Россию и видит себя революционером на троне. Ему нет и 20 лет, а жизнь так много еще обещает впереди...

Теперь перенесемся на много лет вперед, в годы наивысшего триумфа Александра I—победителя Наполеона, освободителя Европы, неограниченного властителя огромной империи. Несмотря на блистательные успехи и мировую славу, именно в эти годы Александр возвратился к мысли об отречении от престола. Мы, правда, не располагаем подобными прежним прямыми свидетельствами об этом самого императора. Есть лишь несколько мемуарных свидетельств о таких настроениях Александра I.

Одно из самых важных—воспоминания цесаревича Константина Павловича. Как известно, он мемуаров не писал, однако часто делился своими устными воспоминаниями с окружающими. Несколько таких рассказов было записано в 1829 г. А. И. Михайловским-Данилевским со слов П. Д. Киселева, крупного государственного деятеля николаевского царствования, бывшего в свое время генерал-адъютантом Александра I. Все, что рассказал Киселев, настолько существенно, что нельзя не привести дневниковую запись Михайловского-Данилевского целиком. 10 июля 1829 г. он записал: «Во время вечерней прогулки я встретился с ген. Киселевым, мы разговаривали с ним о дворе, вот

нечто от него слышанное. В 1819 году государь Александр Павлович возвращался из Варшавы. Его провожал до Москвы старший цесаревич, который сам следующее обстоятельство рассказал Киселеву, что и я помещаю здесь в виде разговора.

Александр. Я должен сказать тебе, брат, что я хочу абдикировать*, я устал и не в силах сносить тягость правительства. Я тебя предупреждаю для того, чтобы ты подумал, что тебе надобно будет делать в сем случае.

Константин. Тогда я буду просить у вас место второго камердинера вашего, я буду вам служить и, ежели нужно, вам чистить сапоги. Когда бы я теперь это сделал, то почли бы подлостью, но тогда вы не будете на престоле—я докажу преданность мою к вам, как благодетелю моему.—При сих словах государь поцеловал меня так крепко,—присовокупил цесаревич,—как еще никогда в сорок пять лет** нашей жизни меня не целовал.

Александр. Когда придет время абдикировать, то я тебе дам знать, и ты мысли свои напиши к матушке.

Следовательно, догадка моя об отречении императора от престола, которую я поместил в журнале моем 1817 года, была справедлива. Государю хотелось перед отречением издать новые гражданские и уголовные законы и еще несколько коренных постановлений, чем и намеревался заключить свое царствование»⁶.

В этот же день А. И. Михайловский-Данилевский записал еще несколько рассказов Константина Павловича, слышанных Киселевым. Все они относятся ко времени коронационных торжеств в Москве летом 1826 г. Поэтому без большого опасения ошибиться можно предположить, что и рассказ о разговоре с братом относится к тому же времени. И это вполне объяснимо: когда же, как не во время коронации, вспоминать обстоятельства, поясняющие, почему коронуется не он, Константин, а Николай. В записи Михайловского-Данилевского особое внимание привлекают последние слова о том, что до отречения Александр хотел издать «новые гражданские и уголовные законы и еще несколько коренных постановлений». Над новыми

* Отказаться от престола (от франц. *abdiquer*).

** В действительности в 1819 г. Александру I было 42 года, а Константину—40 лет.

ми уголовными и гражданскими кодексами в конце 1810-х — начале 1820-х годов действительно шла интенсивная работа, ничем, впрочем, не завершившаяся. Подготовленные проекты новых законов были обсуждены в Государственном совете, а затем навсегда отложены. Что же скрывается под довольно туманными словами «еще несколько коренных постановлений»? Человеку осведомленному об этом нетрудно догадаться. Именно осенью 1819 г. (об этом речь шла в предыдущей главе) в Варшаве, откуда возвращался император, развернулась активная работа над проектом российской конституции. Александр I несколько раз обсуждал ее принципы с Н. Н. Новосильцовым, а уезжая, утвердил ее основные положения. Напомним, что в 1819 г. несколько чиновников под руководством гр. А. Д. Гурьева по распоряжению Александра I работали над проектом освобождения крепостных крестьян. Конституция и отмена крепостного права представлялись императору тогда делом вполне реальным. В это-то самое время и состоялся столь примечательный его разговор с наследником-цесаревичем. Как тут не вспомнить письмо Александра I Лагарпу в 1797 г. и намерение отречься, когда удастся даровать народам России конституционное устройство? Трудно отказаться от мысли, что успешная работа над конституционным проектом и прямо высказанное императором намерение отречься от престола — тесно связанные вещи.

Схема 1797 г. в рассмотренной ситуации улавливается достаточно отчетливо. Появился, впрочем, и один новый аргумент в пользу отречения — накопившаяся усталость от бремени правления. О том, что такой огромной державой можно управлять, только пока чувствуешь в себе достаточно физических сил, Александр I, по свидетельству А. И. Михайловского-Данилевского, впервые заговорил еще в 1817 г. Надо сказать, что последний в течение многих лет как флигель-адъютант императора постоянно сопровождал его и в заграничных походах, и в многочисленных поездках по России и по Европе. Однажды во время поездки по России, как рассказывал Михайловский-Данилевский, за обедом зашел разговор об обязанностях различных людей, в том числе и монархов. Император сказал среди прочего, что правитель «должен оставаться на своем месте, пока ему позволяют это его физические силы». Словом, до тех пор, пошутил Александр,

«пока он может сесть на лошадь». «При сих словах,— продолжал Михайловский-Данилевский,— на устах государя явилась улыбка выразительная, и он продолжал: — «Что касается меня, я сейчас чувствую себя хорошо, но через десять или пятнадцать лет, когда мне будет пятьдесят, тогда...»» Эти слова, как писал Михайловский-Данилевский, заставили его задуматься, не питает ли Александр I «в душе мысль об отречении от престола»⁷.

Рассказ Константина Павловича, дошедший до нас далеко не прямо, находит свое подтверждение в письменных свидетельствах других членов царской семьи. Николай I и его жена Александра Федоровна вспоминали о другом разговоре, который состоялся у них с Александром I летом 1819 г., т. е. за несколько месяцев до объяснения императора с Константином. В это время в Красном Селе шли большие маневры. В них участвовала гвардейская бригада, которой командовал вел. кн. Николай Павлович. На маневрах был Александр I, и за обедом у Николая, когда никого, кроме великокняжеской четы, за столом не было, он сказал им, что намерен отречься от престола, а так как брат Константин также отказывается царствовать, то наследником престола будет Николай. Вот что вспоминала об этом разговоре Александра Федоровна. По ее рассказу, Александр сказал тогда: «...брат Константин, который никогда не заботился о престоле, теперь более, чем когда-либо, решил формально от него отказаться и передать свои права брату своему Николаю и его потомкам. Что же касается меня, то я решил отказаться от своих обязанностей и удалиться от мира... Европа более чем когда-либо нуждается в государях молодых и обладающих вполне энергией и силой,— продолжал он,— а я уже не тот, что был, и считаю своим долгом вовремя удалиться»⁸.

Более подробно о состоявшемся летом 1819 г. разговоре вспоминал в своих мемуарах Николай I, писавший их для своих детей в несколько приемов в 1830—1840-х годах. По его словам, Александр говорил тогда, «что он чувствует, что силы его ослабевают, что в нашем веке государям кроме других качеств нужны физическая сила и здоровье для перенесения больших и постоянных трудов; что скоро он лишится потребных сил, чтоб по совести исполнять свой долг, как он его понимает; и что потому он решился, ибо сие счита-

ет долгом, отречься от правления с той минуты, когда почувствует сему время. Что он неоднократно о том говорил брату Константину Павловичу, который, быв одних с ним почти лет, в тех же семейных обстоятельствах, притом имея природное отвращение к сему месту, решительно не хочет ему наследовать на престоле, тем более, что они оба видят в нас знак благодати божией — дарованного нам сына. Что поэтому мы должны знать наперед, что мы призываемся на сие достоинство.

Мы были поражены как громом. В слезах, в рыдании от сей ужасной неожиданной вести мы молчали!» На все возражения Николая, что у него нет никаких способностей, чтобы управлять столь огромной страной, Александр отвечал отказом и приводил брату в пример самого себя. Он получил дела в «совершенном запустении», но многое сумел исправить и улучшить, и потому Николай «найдет все в порядке, который тому останется только удерживать»⁹.

Итак, после всех приведенных свидетельств можно не сомневаться, что летом — осенью 1819 г. между членами императорской семьи обсуждался вопрос не только о передаче права на престол от Константина к Николаю, но и о возможном отречении от престола Александра I. Говорил ли император братьям, что намерен отречься тогда, когда будет готова конституция? Из воспоминаний Константина, Николая и Александры Федоровны следует как будто, что нет. Однако напомним о том, что Константин Павлович рассказывал Киселеву о своем разговоре со старшим братом во время коронационных торжеств в Москве. Стал бы он говорить ему о конституционных планах Александра в связи с отречением, даже если бы он был о них осведомлен, в минуты торжества самодержавного принципа, особенно через несколько месяцев после восстания декабристов? Очень сомнительно. Вряд ли мог поднимать вопрос о конституции в своих воспоминаниях и Николай I. За всю свою жизнь он ни разу не обмолвился о конституции, которую готовил для России Александр I, хотя отлично знал о ее существовании (во время польского восстания 1830—1831 гг., как мы уже говорили, она была обнаружена в канцелярии Новосильцова и опубликована польским революционным правительством). Еще менее вероятно, чтобы об этом могла писать в сложный период междуцарствия

Александра Федоровна. Как видим, у всех троих членов царской семьи были веские основания не распространяться о подготовке Александром I конституции, особенно когда это можно было бы поставить в связь с его отречением от престола.

Как же развивались события дальше? В 1820 г. Константин Павлович официально расторг свой брак с великой княгиней Анной Федоровной, которая еще в 1801 г. покинула Россию и больше в нее не возвращалась. Через несколько месяцев было объявлено, что он вступил в новый брак с польской графиней Иоанной Грудзинской. Не принадлежа ни к одной из царствующих династий, новая жена цесаревича Константина по существовавшему законодательству не получала никаких привилегий, кроме титула княгини Лович. Вступив в новый брак, Константин Павлович вовсе не утратил своих прав на русский престол, как нередко пишут иные исследователи. Этому права лишались только его дети, если бы им суждено было появиться на свет.

На протяжении двух лет (1820-го и 1821-го) вопрос о престолонаследии больше не поднимался. И только в начале 1822 г. к нему вернулись вновь. Живший зимой 1821/22 г. в Петербурге цесаревич Константин Павлович решил воспользоваться удобным временем, чтобы добиться окончательного решения вопроса. После нескольких обсуждений, в которых принимала участие вдовствующая императрица Мария Федоровна (мать Александра, Константина, Николая и Михаила), в один из январских дней 1822 г. Александр уступил настойчивым просьбам брата. Решено было, что Константин письменно обратится к императору с просьбой о передаче престола другому наследнику. 14 января 1823 г. Константин прислал брату письмо, в котором писал: «Не чувствуя в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа, чтоб быть когда бы то ни было возведено на то достоинство, к которому по рождению моему могу иметь право, осмеливаюсь просить вашего императорского величества передать сие право тому, кому оно принадлежит после меня, и тем самым утвердить навсегда непоколебимость положения нашего государства».

Спустя две недели Александр ответил Константину собственноручным письмом, в котором объявлял, что он и мать согласны на его отречение от прав на престол. «Нам обоим остается,—говорилось в письме,—уважив причины, вами изъясненные.

дать полную свободу вам следовать непоколебимому решению вашему, прося всемогущего Бога, дабы Он благословил последствия столь чистейших намерений»¹⁰. Однако имя нового наследника вместо Константина в письме не было названо. Это так же странно, как и то, что после обмена столь важными для судьбы престолонаследия письмами Александр еще целых полтора года не предпринимал никаких шагов, чтобы придать отречению Константина законные формы. На это стоит обратить особое внимание. Все переговоры о наследнике российского престола были окружены такой тайной, что даже Николай ничего не знал о них наверняка (во всяком случае так он писал в своих воспоминаниях). Только изредка Александр I напоминал ему разными намеками, что царствовать предстоит именно ему, да Мария Федоровна иногда расспрашивала, не знает ли он о существовании письменного отречения Константина¹¹.

Только в августе 1823 г. был наконец составлен манифест, в котором наследником российского престола объявлялся вел. кн. Николай Павлович. Манифест был составлен московским архиепископом Филаретом, собственноручно исправлен Александром I и прислан обратно Филарету для хранения в Успенском соборе в запечатанном конверте вместе с двумя упомянутыми письмами. Ни о какой возможности отречения самого Александра в нем не было речи. Манифест составлялся на случай внезапной кончины Александра (которой он сам реально не имел причин ожидать), чтобы не оставить Россию без наследника престола. Однако, оставаясь неоглашенным, манифест не имел никакой законной силы. Это подтвердилось событиями ноября 1825 г.

Итак, дело на всякий случай было сделано, но продолжало сохраняться в абсолютной тайне. Кроме Александра I, Константина и Марии Федоровны о существовании манифеста о передаче права на престол от Константина к Николаю в стране знали только трое: А. А. Аракчеев, А. Н. Голицын (его рукой были переписаны копии документов, посланные в Государственный совет, Сенат и Синод) и Филарет *. Эта тайна

* В литературе упоминается, что в число этих лиц входили Н. М. Карамзин и его жена (см., напр.: *Эйдельман Н. Я.* Последний летописец. М., 1983. С. 118).

и создала ту ситуацию, в которой стало возможным открытое вооруженное выступление против самодержавной власти. Опубликуй Александр I оставшиеся для всех секретом документы, появись царский манифест еще в 1823 г., не возникла бы потом сама возможность двух присяг. Именно стремление таить от общества все самые важные государственные дела, боязнь гласного обсуждения любого мало-мальски серьезного вопроса привели самодержавие на край пропасти.

Почему же Александр I не огласил законным порядком подготовленные документы? Мог ли он не понимать, что, оставляя их в тайне, ставил под угрозу основополагающий принцип любой монархии — законность перехода власти от одного самодержца к другому? В это нельзя поверить. Тогда в чем же дело?

В поисках ответа на этот вопрос вернемся еще раз к тексту манифеста 16 августа 1823 г. В нем излагались мотивы, по которым император не мог ранее назначить себе преемника, не теряя еще надежды на рождение «наследника престола по прямой линии». Далее говорилось об отказе Константина от прав на престол и наследником объявлялся Николай. «Вследствие того, — гласил манифест, — на точном основании акта о наследовании престола наследником нашим быть второму брату нашему великому князю Николаю Павловичу».

Казалось бы, на этом следовало закончить. Однако за объявлением наследником Николая следовало довольно длинное продолжение. Перед нами такой странный текст, что его стоит привести целиком. «После сего мы остаемся в спокойном уповании, — сказано в манифесте, — что в день, когда царь царствующих по общему для земнородных закону воззовет нас от сего временного царствия в вечность, государственные условия, которым настоящая непреложная воля наша и сие законное постановление наше в надлежащее время по распоряжению нашему должно быть известно, немедленно принесут верноподданническую преданность свою назначенному нами наследственному императору единого нераздельного престола Всероссийския империи, Царства Польского и княжества Финляндского»¹². С какой целью это написано? Ведь утверждение, что новый наследник престола будет назван «в надлежащее время» по распоряжению Александра I,

сразу делало невозможным издание самого такого манифеста. Получалось, что до него должен быть опубликован еще один акт, в котором говорилось бы о том же самом. Сделав такую приписку к его основному тексту, Александр I исключал возможность оглашения манифеста. Такие шаги делают только сознательно. Не располагая никакими фактическими данными, рискуем все же высказать одну гипотезу, объясняющую мотивы действий Александра I.

На окончательном решении вопроса о наследнике престола постоянно настаивал Константин. Своим отказом царствовать и требованием законного оформления нового наследника он вынуждал императора действовать. Да и сам Александр понимал, как опасна неясность в таком важном вопросе. Об этом недвусмысленно заявлено в манифесте 16 августа 1823 г.: «Мы чувствуем себя обязанными... не только во дни наши охранять и возвышать благоденствие... отечества и народа, но также предуготовить и обеспечить их спокойствие и благосостояние после нас чрез ясное и точное указание преемника нашего». С другой стороны, Александр I не мог не понимать, что более удобный момент для изменения политической системы, чем объявление о новом наследнике престола, трудно найти. Хотя, как показано в предыдущей главе, к 1822 г. всякие реальные надежды на возможность конституционного переустройства России у императора окончательно исчезли, но навсегда расстаться с тем, к чему он стремился почти всю свою жизнь, Александр I был не в силах. Именно в то самое время, когда рушились один за другим разрабатывавшиеся планы, приходило понимание недостижимости задуманного, обернувшееся для императора тяжелым душевным кризисом и уходом в мистицизм, ему приходилось решать вопрос о престолонаследии. Обнародование манифеста, где наследником Александра I без всяких условий назывался Николай, означало бы окончательное признание самому себе, что с мечтами о конституции покончено навсегда. Это одновременно делало очень сомнительной и возможность собственного отречения. Смириться со всем этим психологически было невыносимо. Поэтому, уступая нажиму Константина, Александр подготовил все необходимое для законного оформления передачи престола, но так и не смог решиться придать этому официальную силу, оставляя для себя

иллюзию возможности иного выбора. В действительности его не было. Нерешительность политики не только привела к отказу от коренных реформ, но в конце концов создала условия для вооруженного восстания.

19 ноября 1825 г. вдали от столицы, в Таганроге, Александр I умер. 25 ноября около четырех часов пополудни четыре лица в Петербурге получили известие, что император умирает. Это были: статс-секретарь вдовствующей императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламов, председатель Государственного совета кн. П. В. Лопухин, петербургский генерал-губернатор гр. М. А. Милорадович и дежурный генерал Главного штаба А. Н. Потапов.

Немедленно состоялось совещание, в котором приняли участие Милорадович, Потапов, командующий гвардией Воинов и начальник штаба гвардейского корпуса генерал Нейдгарт. Последний писал через три дня в Таганрог начальнику Главного штаба генерал-адъютанту И. И. Дибичу: «25 числа вечером мы получили от вас первое несчастное извещение; оправившись от первого удара, Воинов, Милорадович в присутствии моем и Потапова решили держать это известие пока в тайне, о чем оба генерала посоветовались еще с Лопухиным»¹³. Вечером того же дня Милорадович передал известие вел. кн. Николаю Павловичу, который впоследствии вспоминал: «25-го ноября, вечером, часов в шесть, я играл с детьми, у которых были гости, как вдруг пришли мне сказать, что военный генерал-губернатор граф Милорадович ко мне приехал; я сейчас пошел к нему и застал его в приемной... живо ходящим по комнате с платком в руке и в слезах; взглянув на него, я ужаснулся и спросил: «Что это, Михаил Андреевич? Что случилось?» Он мне отвечал: «Ужасное известие». Я ввел его в кабинет, и тут он, зарыдав, отдал мне письмо от князя Волконского и Дибича, говоря: «Император умирает, остается лишь слабая надежда». У меня ноги подкосились; я сел и прочел письма, где говорят, что хотя не потеряна всякая надежда, но что государь очень плох»¹⁴.

То, что произошло в последующие часы, было непосредственным результатом тайных действий Александра I и привело к междоусобице.

Вечером, после описанного разговора, Николай поехал в Зимний дворец, где застал Марию Федоровну в «ужасных терзаниях». Именно здесь он впервые, по

его словам, достоверно узнал, что Константин, законный наследник престола, окончательно отказался от короны еще несколько лет назад и что существуют официальные акты, передающие корону ему, Николаю.

В официальной записке о дальнейших событиях, составленной позже по приказанию Николая для цесаревича Константина, говорилось: «Его императорское высочество, граф Милорадович и генерал Воинов приступили к совещанию, какие бы нужно принять меры, если бы, чего Боже сохрани, получено было известие о кончине возлюбленного монарха. Тогда его императорское высочество предложил свое мнение, дабы в одно время при объявлении о сей неизречимой потере провозгласить и восшедшего на престол императора, и что он первый присягнет старшему своему брату, как законному наследнику престола»¹⁵.

Однако на самом деле все было не совсем так, и этот официальный документ призван был не столько прояснить истинное положение дел, сколько скрыть его. Ф. П. Опочинин, бывший адъютант Константина, человек вполне осведомленный, рассказал декабристу С. П. Трубецкому, как протекала эта беседа генералов с вел. кн. Николаем Павловичем. Когда последний заявил Милорадовичу и Воинову о своем праве на престол и намерении его занять, рассказывал в своих воспоминаниях Трубецкой, «граф Милорадович отвечал наотрез, что великий князь Николай Павлович не может и не должен никак надеяться наследовать брату своему Александру в случае его смерти; что законы империи не позволяют располагать престолом по завещанию, что притом завещание Александра известно только некоторым лицам, а неизвестно в народе; что отречение Константина тоже не явное и осталось необнародованным; что император Александр, если хотел, чтобы Николай наследовал после него престол, должен был обнародовать при жизни волю свою и согласие на нее Константина; что ни народ, ни войско не поймут отречения и припишут все измене, тем более что ни государя самого, ни наследника по первородству в столице нет, но оба были в отсутствии; что, наконец, гвардия решительно откажется принести Николаю присягу в таких обстоятельствах и неминуемое затем последствие будет возмущение. Совещание продолжалось до двух часов ночи. Великий

князь доказывал свои права, но граф Милорадович признать их не хотел и отказал в своем содействии»¹⁶. С этого момента одним из главных действующих лиц междоусобицы стал М. А. Милорадович.

В томительном ожидании прошло более суток, пока наконец утром 27 ноября фельдъегерь привез известие о кончине Александра I. В этот момент Николай, его мать и жена находились в большой церкви Зимнего дворца. Николай писал потом: «Там дверь в переднюю была стеклянная, и мы условились, что, буде приедет курьер из Таганрога, камердинер сквозь дверь даст мне знать. Только что после обедни начался молебен, знак мне был дан камердинером Гриммом. Я тихо вышел и в бывшей библиотеке, комнате короля прусского, нашел гр<афа> Милорадовича. По лицу его я уже догадался, что роковая весть пришла. Он мне сказал: «Все кончено, мужайтесь, дайте пример», — и повел меня под руку. Так мы дошли до перехода, что был за кавалергардской комнатой; тут я упал на стул, все силы меня оставили»¹⁷.

Дальше все шло так, как того хотел Милорадович. Известив Марию Федоровну о случившемся, Николай присягнул новому императору Константину, за ним — Милорадович и присутствовавшие генералы. Затем Николай немедленно привел к присяге внутренние и главные дворцовые караулы, а начальника штаба гвардейского корпуса генерал-майора Нейдгарта послал в Александро-Невскую лавру, где собран был для молебна во здравие Александра гвардейский генералитет во главе с Воиновым.

Вскоре повсеместно полки стали присягать Константину. Удивленные современники заметили явную несообразность в порядке присяги: вместо гражданских властей первыми присягнули войска. Графиня Нессельроде писала в письме: «Великий князь проявил большую торопливость; он на все стороны приказывал присягать без всякого порядка: это к тому привело, что войска выполнили это раньше правительственных властей»¹⁸.

Когда Николай рассказал о присяге императрице-матери, она в ужасе воскликнула: «Что сделали вы, Николай? Разве вы не знаете, что есть акт, который объявляет вас наследником?»

Петербургский гарант завещания покойного императора кн. А. Н. Голицын оказался во время присяги

в лавре. Услышав о смерти Александра, он бросился во дворец. «В исступлении, вне себя от горя, но и от восторга во дворце, что все присягнули Константину Павловичу, он начал мне выговаривать, зачем я брату присягнул и других сим завлек, и повторил мне, что слышал от матушки, и требовал, чтобы я повиновался мне неизвестной воле покойного государя. Я отверг сие неуместное требование положительно, и мы расстались с князем, я — очень недовольный его вмешательством, он — столь же моей неуступчивостию»¹⁹, — вспоминал Николай.

После того как вопреки закону и традиции войска присягнули первыми, надо было организовать присягу правительственных учреждений, и прежде всего Государственного совета. Поскольку один из экземпляров завещания хранился именно там, то вопрос о престолонаследии должен был встать и в нем с особой остротой.

После двух часов пополудни собрался Государственный совет. Голицын сообщил о завещании Александра, хранившемся здесь. Часть членов совета не склонна была знакомиться с завещанием мертвого императора, которое могло привести их к столкновению с живым. Министр юстиции кн. Лобанов-Ростовский и адмирал Шишков предложили пакет не распечатывать, а идти присягать Константину. Но большинство решило иначе, и пакет был принесен. Не было, однако, еще Милорадовича, ожидали его. Но когда Милорадович пришел, то он вовсе не выразил желания слушать чтение бумаг. «Я имею честь донести Государственному совету, — сказал он, — что его императорское высочество великий князь Николай Павлович изволил учинить присягу на подданство старшему брату своему императору Константину Павловичу. Я, военный генерал-губернатор, и войска уже присягнули его величеству, а потому советую господам членам Государственного совета прежде всего тоже присягнуть, а потом уж делать что угодно!»

Однако большинство совета настояло на том, чтобы выслушать манифест Александра и письмо Константина. Бумаги были прочитаны, и положение членов Государственного совета стало весьма двусмысленным. Выполняя волю покойного императора, они противопоставили бы себя генералитету, гвардии, наконец, законному наследнику, который мог и отказаться

от своего прежнего решения. Члены Государственного совета решили все же пригласить Николая в совет. Пошедший за ним Милорадович, вернувшись, сообщил, что великий князь, не будучи членом Государственного совета, не считает себя вправе явиться в такой. Тогда совет просил Милорадовича исходатайствовать у великого князя разрешение явиться к нему в полном составе.

Бледный, взволнованный Николай, по свидетельству государственного секретаря А. Н. Оленина, заявил членам: «Господа, я вас прошу, я вас убеждаю для спокойствия государства, немедленно, по примеру моему и войска, принять присягу на верное подданство государю императору Константину Павловичу. Я никакого другого предложения не приму и ничего другого и слушать не стану»²⁰. В записке Оленина есть существенный момент: Николай ясно и четко объявил членам совета, что о содержании манифеста и об отречении цесаревича ему известно. Это служит определенным подтверждением достоверности воспоминаний С. П. Трубецкого.

Тогда же решили не вскрывать пакет с завещанием, хранившимся в Сенате, и не знакомить с ним сенаторов. Государственный совет присягнул. Вскоре присягнул и Сенат.

Через четыре года в личной беседе Николай сказал Константину: «В тех обстоятельствах, в которые я был поставлен, мне невозможно было поступать иначе»²¹.

Таким образом, в первый же день после известия о смерти императора произошло резкое столкновение двух сил: тех, кто пытался сохранить законность хотя бы в юридических нормах абсолютной монархии, и претендента на престол, выдвинутого его предшественником с полным нарушением законности. Николай заявил о своих правах на престол, но Милорадович, в руках которого как петербургского военного генерал-губернатора была в тот момент решающая воинская сила, резко этому воспротивился и фактически принудил Николая отступить и первым присягнуть Константину, объявив его императором. Тут же присягнули и войска, подчиненные Милорадовичу. Подчеркнем, что присяга Государственного совета протекала в условиях этих уже свершившихся фактов. Тем не менее она прошла с серьезными затруднениями. Мы видели, что часть членов совета настояла на том,

чтобы прежде присяги были оглашены документы, оставленные Александром, а после того они пожелали лично убедиться, что Николай, игнорируя волю покойного императора, присягнул старшему брату. Но затем присяга была совершена, и, таким образом, с этого момента официально началось царствование Константина (хотя впоследствии было столь же официально признано, что царствование Николая началось с момента смерти Александра).

Однако сам Константин присяги не признал. Он был тверд в своем решении никогда не царствовать. Так самодержавие само создало династический кризис, спровоцировав столкновение различных группировок в борьбе за власть. Константин не желал пользоваться своими правами, а противники Николая (его непопулярность была огромна и общеизвестна) делали все возможное, чтобы помешать ему стать императором. Это с каждым днем усугубляло и обостряло ситуацию. А огласил Александр состоявшееся отречение Константина от права на престол и объявил он своевременно Николая законным наследником, ничего этого не было бы. Не было бы разногласий о том, кто должен царствовать, не было бы первой присяги Константину, не было бы междоусобицы, династического кризиса — словом, не было бы той сложной и удивительной ситуации, которая способствовала восстанию декабристов.

Что определило подобный исход событий? Случайность или закономерность? И то и другое. В действиях Александра I, оставившего в глубокой тайне решение жизненно важного вопроса, наглядно проявилась закономерность, присущая вообще любому авторитарному строю, — стремление сохранить в тайне обсуждение и подготовку принципиально важных решений. Но нельзя отрицать и присутствие здесь значительного элемента случайности. Не заболел Александр во время поездки на юг, не настигли его внезапная смерть, большинство заговорщиков, без сомнения, были бы вскоре арестованы. Напомним читателям широко известные факты, собранные и проанализированные в работах как советских, так и дореволюционных историков²².

Еще летом 1825 г. Александр I получил от унтер-офицера 3-го Украинского уланского полка И. В. Шервуда первое известие о существовании противоправи-

тельственного заговора на юге. 17 июля доносчик доставили в Петербург, и в тот же день он был принят Александром. Хотя его рассказ не показался императору убедительным (Шервуд знал только о самом факте заговора и не мог сообщить ничего конкретного из членов тайного общества он к этому времени знал одного Ф. Ф. Вадковского), он тем не менее повелевал действовать дальше с целью получить неопровержимые доказательства существования тайного общества.

1 сентября 1825 г. Александр I выехал из Петербурга в длительное путешествие по югу России. Новое донесение Шервуда было получено им уже в Таганроге. В нем по-прежнему не было никаких конкретных сведений о тайном обществе, но зато Шервуд сообщал о разговоре с Ф. Ф. Вадковским, в котором последний охотно обсуждал с провокатором вопрос о цареубийстве. Шервуд просил прислать к нему на помощь в Харьков доверенного чиновника. 11 октября Александр I передал донесение сопровождавшему его в путешествии начальнику Главного штаба И. И. Дибичу. Последний, прочтя его, уверял императора, что все это «выдумка» и «кончится вздором». Александр отвечал: «Ты ошибаешься, Шервуд говорит правду, я лучше вас знаю людей». Однако просьба доносчика тогда не была удовлетворена. Лишь месяц спустя Александр I распорядился, чтобы Дибич отправил к Шервуду в Харьков полковника лейб-гвардии казачьего полка С. С. Николаева якобы для «покупки лошадей», а на самом деле с приказом захватить бумаги Вадковского и его сообщников. В отправленном с Николаевым письме содержалась просьба Дибича, чтобы Шервуд «указал способы» схватить выявленных «заговорщиков».

К такому шагу Александра I, несомненно, подтолкнул еще один полученный им к этому времени донос, подтвердивший сведения о существовании в армии обширного заговора. Агенту начальника южных военных поселений генерала И. О. Витта А. К. Бошняку удалось проникнуть в тайное общество. В августе 1825 г. Витт отправил донесение об этом Александру I, а 1 октября был принят императором в Таганроге. Судя по всему, Александру была представлена картина широкого заговора, охватившего чуть ли не всю армию. Как писал впоследствии И. И. Дибич Николаю I, Витт говорил о том, что тайное общество «значительно

увеличилось», что «18-я пехотная дивизия в особенности заражена сим духом и что в оной играет главную роль командир Вятского пехотного полка Пестель». В числе «деятельнейших» членов Витт назвал М. Ф. Орлова, В. Л. Давыдова, Н. А. Крюкова, В. Н. Лихарева, Н. М. Муравьева, Н. А. Бестужева, К. Ф. Рылеева.

После смерти Александра I в его кабинете была обнаружена написанная его рукой записочка, не имевшая ни адресата, ни даты. «Есть слухи, что пагубный дух *вольномыслия или либерализма*,—говорилось в ней,—разлит или по крайней мере сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по различным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии.

Ермолов, Раевский, Киселев, Мих. Орлов, гр. Гурьев, Дмит. Столыпин и многие другие из генералов, полковников, полковых командиров; сверх сего большая часть разных штаб и обер-офицеров». Выяснить, кому предназначалась эта записка и зачем она была написана, стали, как только она была обнаружена. 18 марта 1826 г., в разгар следствия по делу декабристов, записка была послана Константину Павловичу в Варшаву. Возвращая ее, тот писал 26 марта И. И. Дибичу: «Хотя покойный государь император изволил часто говаривать со мною о подобных обстоятельствах, но об сей записке я не знал, а полагаю, что она следовала или к графу Алексею Андреевичу Аракчееву, или к князю Александру Николаевичу Голицыну»²³.

И до сих пор эта записка Александра I остается столь же загадочной, какой была в 1826 г. для Николая I и его окружения. Из переписки с Константином видно, что о ней ничего не знал И. И. Дибич, постоянно находившийся при Александре I во время поездки на юг. Ясно только, что это результат размышлений императора после первых полученных доносов. Вероятнее всего, записка была написана после разговора с Виттом, состоявшегося в Таганроге 19 октября 1825 г. Б. Е. Сыроечковский, опубликовавший в 1925 г. записку А. К. Бошняка «О сношениях моих с некоторыми заговорщиками», представленную в Следственный комитет по делу декабристов, писал, в частности, что через Бошняка Витт пытался выяснить, нет ли

связей между заговорщиками и видными деятелями того времени — генералами П. Д. Киселевым, Н. Н. Раевским (старшим), сенатором Д. П. Трощинским. Впрочем, у Александра I мог быть и иной источник информации, оставшийся неизвестным. Напомним хотя бы о юрьевском архимандрите Фотии, фигуре вполне одиозной, который постоянно внушал императору мысль о чуть ли не всемирном революционном заговоре против монархий.

Обращает на себя внимание осторожность, с которой сформулирована в записке основная мысль Александра I. Он вовсе не утверждал, что тайный заговор существует, а писал лишь о слухах («говорят»). Верили ли они тому, о чем «говорят», из текста записки не ясно. Однако воспоминания тех, кто находился с ним в Таганроге, свидетельствуют как будто, что Александр I слишком доверял доносам и считал, что заговор, если он и существует, опасности для престола не представляет и может быть с легкостью разрушен своевременными арестами. В 1829 г. А. И. Михайловский-Данилевский записал весьма примечательный рассказ И. И. Дибича об отношении Александра I к тайным обществам. «После обеда, — читаем мы в его дневнике 3 5 октября 1829 г., — зашла речь о бывшем в Р^{оссии} недавно заговоре 14 декабря. Фельдмаршал, находившийся тогда при государе, сказал: «Император Александр знал, что был заговор; также ему было известно, что прекратили члены одного свои заседания в 1821 году. Он молчал, и когда возник вновь заговор, то он намерен был в походе 1825 года велеть схватить преступников, но кончина ему в том воспрепятствовала. Государь почитал это пустяками, а себя слишком твердым на своем престоле». «Из сих слов самой доверенной особы, каковою был граф Дибич, надобно заключить, — подчеркивал Михайловский-Данилевский, — что слухи, будто бы мысли о заговоре имели влияние на кончину государя, несправедливы»²⁵. Воспоминания Дибича не оставляют сомнений, что Александр I, осведомленный о возобновлении деятельности тайных обществ, казалось бы навсегда похороненных после 1822 г., готов был действовать вполне решительно.

После смерти императора 1 декабря в Таганроге был получен еще один донос — близкого к Пестелева члена Южного общества капитана Вятского пехотного полка А. И. Майбороды. Это донесение окончательно

Император Александр I

Граф А. А. Аракчеев

Граф П. А. Строганов

Н. Н. Новосильцов

Князь А. Чарторьский

Граф В. П. Кочубей

Н. И. Тургенев

А. Д. Балашев

Князь П. А. Вяземский

Граф Д. А. Гурьев

М. Н. Воробьев. Зимний дворец. 1817

В. Барт. Вид Адмиралтейства и Адмиралтейской площади.
1820-е гг.

Б. Патерсен. Сенатская площадь. 1806

П. И. Пестель

Н. М. Муравьев

Б. Патерсен. Вид на Дворцовую набережную и Зимний дворец.
1806

Петропавловский собор Петропавловской крепости

[illegible]

26. Творческие таланты могут
долгое время оставаться в
спячке, не проявляясь ^{до определенного}
момента в творческой биографии. Это
не есть недостаток и не является
неблагоприятным фактором. Иногда
они проявляются в зрелом возрасте
уже после долгого перерыва.

24. Persepolis Kutuzov's 80000
detest the word but, as he has
never been there, he has
never seen it. He has only
seen the word in the book and
he has never seen the word.

28. Maenul norvegicus new
Maenul norvegicus new
 Maenul norvegicus new
 n° 1 norvegicus new
 n° 2 norvegicus new
 n° 3 norvegicus new
 n° 4 norvegicus new

[illegible]

Русская Правда

24 Nov

Саловодная Государственная Грамота
и Великого Народу Русскому
судящая

Завѣтъ для Утвержденія
Государственнаго Устройства Россіи
и Соединенія

Взятый казань как для Наруга
так и для

такъ и для
Временнаго Епархиальнаго правленія.

Император Александр I (Минин)

К. П. Беггров. Арка Главного штаба, 1822

Император Александр I на смертном одре

Старец Федор Кузьмич

В. Тимм. Восстание 14 декабря 1825 года 1853

Профили пяти казненных декабристов

развеело все сомнения относительно существования и целей тайного общества. В нем были перечислены 46 декабристов, в том числе почти все руководители Южного общества и многие члены Северного. Во всех трех доносах главой заговора на юге единодушно назывался командир Вятского полка, бывший адъютант главнокомандующего 2-й армией П. Х. Витгенштейна полковник П. И. Пестель. Колебаться было больше нельзя, нужно было действовать. 5 декабря из Таганрога выехал генерал-адъютант А. И. Чернышев (затем один из самых грубых и ревностных следователей по делу декабристов) с приказом И. И. Дибича арестовать П. И. Пестеля. Аресты начались...

Однако, прежде чем поставить точку, вернемся к событиям, разыгравшимся в Таганроге в ноябре 1825 г. и связанным с болезнью и смертью Александра I.

Внезапная смерть не достигшего еще и 50 лет императора, здоровье которого не внушало никаких опасений, смерть, происшедшая вдалеке от столицы, в маленьком Таганроге, породила среди современников и особенно потомков много недоумений, слухов, легенд. Почти сразу же после кончины императора стали поговаривать, что он вовсе не умер, а удалился в неведомый монастырь. Главная же легенда возникла позднее, на рубеже 1850—1860-х годов, и связана с именем сибирского старца Федора Кузьмича²⁶. Старец появился в Сибири в 1837 г. Свое прошлое он тщательно скрывал, отделиваясь от вопросов туманными намеками. Сам ли Федор Кузьмич был источником слуха о том, что он не кто иной, как Александр I, или же эта версия принадлежит томскому купцу Хромову, на заимке которого под Томском долгие годы жил старец, установить, видимо, уже не удастся. Важно другое: раз возникнув, легенда получила довольно широкое распространение. Вел. кн. Николаю Михайловичу, внуку Николая I, известному историку, удалось установить, что Хромов после смерти Федора Кузьмича (20 января 1864 г.) дважды приезжал в Петербург: в 1866 г. и в начале царствования Александра III, добиваясь высочайшей аудиенции. К одному из своих прошений на имя Александра III он приложил фотографию старца. Настойчивость Хромова не оставляет сомнений в его твердой уверенности, что у него жил именно удалившийся от мира Александр I. Могила Федора Кузьмича в Томске и его келья на заимке

Хромова стали объектом поклонения. В начале XX в легенда эта появилась на страницах печати, что и побуждало вел. кн. Николая Михайловича заняться ею. Тщательно изучив все обстоятельства и рассмотрев различные версии, он пришел к твердому убеждению, что легенда о Федоре Кузьмиче не имеет под собой никаких реальных оснований. В частности, сравнение единственной сохранившейся собственноручной записки старца с автографами Александра I однозначно показало полное различие почерков.

Однако и до сих пор вопрос о том, действительно ли Александр умер в Таганроге, не было ли это хорошо разыгранным спектаклем (высказывалось, например, предположение, что за скончавшегося императора был выдан один из его слуг, внезапно умерший в Таганроге), в таком необычном виде осуществившим давнюю мечту императора об отречении, возникает время от времени на страницах книг и журналов²⁷.

Легенда о добровольном отречении самодержца от власти и его смиренном уходе на дальнюю сибирскую заимку необыкновенно привлекательна. Однако она решительно не подтверждается фактами. Помимо того анализа, который провел вел. кн. Николай Михайлович, обратим внимание на еще одно важнейшее обстоятельство, исключающее возможность этой версии. Если предположить, что, не решаясь на публичное отречение, Александр I задумал бы столь необычный способ отказа от власти, то очевидно, что главной его заботой перед этим должно было бы стать упорядочение вопроса о престолонаследии. Но ничего подобного предпринято не было. Более того, никто из лиц, окружавших императора в последние его дни в Таганроге, даже не подозревал о запечатанных пакетах, хранивших тайну перехода престола от Константина к Николаю. Обратимся вновь к воспоминаниям И. И. Дибича, записанным в 1829 г. А. И. Михайловским-Данилевским. Он рассказывал: «О назначении Николая Павловича наследником престола при жизни Александра никто не знал, кроме двух особ — митрополита Филарета и князя Голицына... Императрица Елизавета Алексеевна, бывшая в последнее время единственным другом Александра, не знала даже об отречении цесаревича. Вот тому доказательство. Когда в Таганроге болезнь Александра не подавала уже никакой надежды к его выздоровлению, князь Волконский советовал мне

спросить у императрицы: к кому в случае кончины государя должно будет относиться мне как начальнику Главного штаба его величества». Дибич просил о том же самого Волконского. «Мы вошли с ним вдвоем в комнату государя, лежавшего в забытьи,—продолжал Дибич.—Волконский, подойдя к Елизавете Алексеевне, сказал ей, что я как начальник штаба прошу ее, к кому в случае несчастья мне должно будет относиться... Разумеется, сказала государыня, что в несчастном случае надобно будет относиться к Константину Павловичу. Сии слова явно доказывают неведение императрицы о том, кто был назначен наследником престола»²⁸.

Рассмотрим, наконец, и то несомненное соображение, что, задумав тайно исчезнуть, Александр не мог не прибегнуть к помощи ближайших людей из своего окружения—того же И. И. Дибича или П. М. Волконского. И значит, он должен был им сообщить о смене наследника. Но 19 ноября 1825 г. никто в Таганроге не знал, что Константин отрекся. Поэтому первого курьера с известием о смерти императора Дибич отправил именно к Константину в Варшаву с надписью на конверте: «Его императорскому величеству», что означало признание цесаревича императором.

Находясь в Таганроге, Александр I не только не готовился к отречению, но и не расставался с мечтами о будущей конституции, о реформах, которые преобразят страну. Во время последней встречи с Виттом он излагал ему планы разбить империю на наместничества, перенести столицу в Киев и т. п.

Все это вместе взятое решительно убеждает в том, что Александр вовсе не отрекся тайно от престола. Он умер, так и не осуществив задуманные реформы и даже не сделав законными отречение Константина и передачу права на престол Николаю.

Какой же вывод можно сделать из этой удивительной истории? В любом случае, продолжилось бы царствование Александра I или на престол обычным путем вступил бы законный наследник, судьба тайных обществ декабристов была решена. И если бы восстания 14 декабря 1825 г. не произошло, то это круто повернуло бы всю последующую историю России.

ОДИННАДЦАТЬ СЕКРЕТНЫХ КОМИТЕТОВ

Именно столько секретных комитетов было создано в течение первой половины XIX в. для решения одного вопроса: что и как нужно сделать, чтобы освободить помещичьих крестьян от крепостной зависимости. Практические результаты деятельности комитетов были совершенно ничтожны. До тех пор пока обстоятельства не вынудили самодержавие встать на иной путь поисков решения крестьянского вопроса, дело ни в йоту не смогло сдвинуться с мертвой точки.

За полвека, предшествовавшие падению крепостного права, самодержавие снова и снова пыталось с разных сторон подойти к крестьянской реформе, но каждый раз делало это одним и тем же единственно доступным его тогдашнему пониманию способом — создавая очередной секретный комитет. Он мог и называться *секретным*, как это было, скажем, с Комитетом 6 декабря 1826 г., получившим свое название по дате создания, что, однако, не лишало его действительность секретности. Образованный вскоре после расправы над декабристами, самым своим появлением он без сомнения, был обязан именно восстанию на Сенатской площади. Николай I ощущал необходимость разобраться в причинах происшедшего и был готов пойти на реформы, осуществление которых гарантировало бы страну от подобных взрывов. В комитете обсуждались многие актуальные проблемы российской действительности (в том числе и вопрос о крепостном праве), но русское общество конца 1820-х — начала 1830-х годов ничего не знало о том, что происходило на его заседаниях. Официально комитет не был назван *секретным*, но все его проекты, планы, намерения тогда, да и долгое время после оставались тайной. Тогда же не назывался *секретным* Комитет 1847 г., где рассматривалось предложение статс-секретаря М. А. Корфа о разрешении крепостным крестьянам выкупаться на волю при продаже помещичьих имений за долги с публичных торгов. Николай I назвал его «келейным». Но дело не в названии, а в том, что

ничего достоверного о деятельности этого комитета обществу не было известно. Тайна и еще раз тайна — таков был принцип всей работы. Поэтому большинство комитетов или официально именовались *секретными*, или даже получали какое-нибудь камуфлирующее название, чтобы совсем уж наверняка не привлечь чье-нибудь внимание. Степень таинственности, таким образом, явно повышалась. Так, Секретный комитет 1839—1842 гг., рассматривавший и обсуждавший общий план постепенной ликвидации крепостных отношений, был назван Комитетом о повинностях в казенных имениях западных губерний. Конечно, полностью скрыть сам факт занятий верховной власти крестьянским вопросом было невозможно. Но что-то слышать — одно, а иметь возможность участвовать в обсуждении жизненно важных для страны вопросов — совсем другое. И именно этой возможности общество было лишено на протяжении всей первой половины XIX в.

Причины, заставлявшие верховную власть держать все обсуждение ключевых для России проблем под покровом тайны, достаточно ясны. Главной из них был, конечно, страх. Страх и перед дворянством, и перед крестьянством. Неосторожным прикосновением к крепостному праву самодержавие боялось возбудить недовольство помещиков, которые в массе своей, как было хорошо известно, и слышать не хотели ни о каком освобождении. Кроме того, власть не могла не сознавать, что крепостное право — пороховой погреб России, что достаточно малейшей искры, малейшего намека, подтверждающего широко распространенное в крестьянстве убеждение о желании царя освободить крепостных, которое не осуществляется только из-за сопротивления помещиков, чтобы вызвать массовые волнения. В тайне верховной власти виделась лучшая гарантия успеха. И в этом в который уже раз необыкновенно ярко и наглядно проявилась ограниченность самодержавного строя. Лишь преодолев недоверие к обществу, передав ему часть своих прерогатив, сделав первый, пусть самый незначительный шаг к изменению своей собственной сути, самодержавие в конце 1850-х годов сумело вплотную подойти к реформе, а затем и осуществить ее. Неудача всех одиннадцати секретных комитетов — убедительное доказательство сказанного.

К обсуждению ситуации и поискам путей решения крестьянского вопроса была привлечена самая верхушка правящей бюрократии николаевской России. Непосредственное участие в работе секретных комитетов принимали Николай I и наследник престола великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II), членами были крупнейшие государственные деятели того времени, председатели и члены Государственного совета, министры. Среди них такие незаурядные политики и администраторы, как М. М. Сперанский, Н. Н. Новосильцов, В. П. Кочубей, П. Д. Киселев, Е. Ф. Канкрин. Из видных бюрократов николаевской эпохи в стороне от участия в секретных комитетах остался, пожалуй, только один — адмирал Н. С. Мордвинов. Но все-таки ни все вместе ни порознь они не сумели приблизиться к разрешению очевидно назревшей проблемы. Более того, подавляющее большинство николаевских сановников приложило максимум усилий, чтобы не допустить принятия каких-либо реальных мер, означавших хотя бы первый шаг к освобождению крепостных.

Что представляли собой эти одиннадцать секретных комитетов? Чем они занимались? На путь их создания самодержавие встало еще на рубеже 1810—1820-х годов. Первый секретный комитет, как уже говорилось, был создан под руководством министра финансов Д. А. Гурьева в 1818 г. для выработки общего плана освобождения крепостных крестьян. О его деятельности известно чрезвычайно мало, но сам факт его существования не вызывает сомнений. Правда, до конкретных дел работа комитета не дошла.

В следующее царствование секретные комитеты по крестьянскому делу возникали и исчезали один за другим. Одни из них были заняты рассмотрением частных вопросов освобождения крестьян, другие пытались охватить проблему целиком¹. Причем характерно, что вначале правительство в ряде комитетов пыталось разобраться в общих принципах, которые можно было бы принять при решении крестьянского вопроса, и лишь после очевидной неудачи предпринятых усилий обратилось к выработке частных мер, не затрагивающих напрямую основы крепостничества, но направленных на отсечение его отдельных частей и уничтожение наиболее гнусных проявлений. Комитет 6 декабря 1826 г. выработал специальный проект «дополнитель-

ного закона о состояниях», где речь шла и о крепостных крестьянах. Согласно этому проекту, крестьяне не становились свободными, предусматривалось лишь некоторое ограничение крепостного права (запрещалась продажа крестьян без земли и на своз), помещикам разрешалось освобождать крестьян и без земли (в отличие от указа 1803 г.). Специальное положение о дворовых ставило своей целью сократить их количество. Для этого предлагалось стеснить права помещиков по отношению к дворовым различными запретами. Однако ни одно из этих более чем скромных намерений не было осуществлено. В 1829 г. специальный комитет, созданный для скорейшей реализации одной из мер, обсуждавшихся в Комитете 6 декабря 1826 г., рассматривал вопрос о запрещении продажи крестьян без земли, но и его рекомендации не получили никакого практического воплощения.

Новый этап в попытках найти способ решения крестьянского вопроса связан с Секретным комитетом 1835 г. В нем ведущую роль играл П. Д. Киселев, в течение всего николаевского царствования бывший главным советником императора в крестьянских делах. Идея Киселева, принятая Комитетом 1835 г., состояла в проведении двуединой реформы — сперва в отношении крестьян государственных, а затем и помещичьих. Для выработки основ реформы государственной деревни было создано V отделение собственной его императорского величества канцелярии, а затем и новое министерство государственных имуществ. В 1837—1841 гг. реформа в основном была проведена. Главная ее задача — приблизить положение государственных крестьян к состоянию «свободных сельских обывателей» — оказалась выполненной. Было изменено управление государственными деревнями, население которых составляло более 40% всех крестьян России. Значительно увеличились земельные наделы государственных крестьян, а подушный оброк стал постепенно превращаться в поземельно-промысловую подать. В сознании современников твердо укрепились представление о принципиальной противоположности положения государственных и помещичьих крестьян, поэтому среди тех, кто искренне стремился к реформе крепостных отношений, такое распространение получили идеи Уравнения крепостных крестьян с государственными.

Сравнительная легкость, с которой правительство удалось преобразовать государственную деревню объяснялась тем, что здесь не затрагивались интересы помещиков-крепостников.

По-иному пошло дело, когда верховная власть приступила к разработке основ второй части двуетадийной реформы и в Секретном комитете 1839—1842 гг. (пять по счету) началось обсуждение предложенных П. Д. Киселевым принципов реформы помещичьей деревни. Результат его деятельности, выразившийся в издании указа 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах, оказался плачевным по сравнению с первоначальным замыслом (за все время в обязанные крестьяне было переведено 27 173 крестьянина²), и, конечно, поиски были продолжены. Правда, теперь вплоть до конца царствования Николая I в секретных комитетах рассматривались главным образом частные вопросы.

В секретных комитетах 1840 и 1844 гг. вновь обсуждалась проблема дворовых, и вновь это обсуждение практически окончилось ничем. Члены Секретного комитета 1840 г. предлагали ограничить число дворовых, приняв за максимум то их количество, которое было зафиксировано в ходе последней ревизии. Если же помещик захотел бы перевести во двор нового крестьянина, то он должен был сделать это по принципу «брат на брата», освободив то семейство, из которого он забирался, от всех податей и оставив в неприкосновенности его земельный надел. Кроме того, из отпущенных на волю или на оброк дворовых предлагалось образовать в городах специальный цех (ремесленное объединение) слуг. Предложения Комитета 1840 г. были утверждены Николаем I, однако вскоре И. В. Васильчиков, бывший его председателем, объявил высочайшее повеление «оставить сие дело впредь до удобного времени».

В 1844 г. к вопросу о дворовых вернулись в новом Секретном комитете. Круг обсуждавшихся в нем вопросов был примерно тем же, что и в предыдущем, но результаты его деятельности также не назовешь удачными. По закону 12 июня 1844 г. помещики получали право освобождать дворовых на особых условиях, которые должны были утверждаться местными властями. В тех же имениях, которые были заложены, помещики могли освобождать дворовых без всяких предварительных условий. Конечно, практические резуль-

таты этих мер оказались ничтожными: не имея никаких побудительных причин, помещики вовсе не спешили расставаться со столь привычной дворней.

В 1846 г. был создан очередной Секретный комитет для обсуждения записки министра внутренних дел Л. А. Перовского «Об уничтожении крепостного состояния в России». Несмотря на громкое название документа, предлагаемые Перовским меры были достаточно скромны: определение повинностей крестьян инвентарями, признание за ними прав на движимую и недвижимую собственность, запрещение продажи крепостных без земли и обращения их в дворовые. Лишь в отдаленной перспективе автор видел возможность разрешить крестьянам свободный переход от помещика. После недолгого обсуждения в Секретном комитете из всех предложений Перовского было принято лишь одно — признано нужным оградить законом право крепостных на движимую собственность. Но и эта ничтожная мера не была реализована, хотя Николай I собственноручно начертил на журнале итогового заседания: «Исполнить».

Следующий Секретный комитет 1847 г. оказался более продуктивным. Он одобрил предложение о разрешении крестьянам выкупаться с публичных торгов, и 8 ноября 1847 г. был издан соответствующий указ. Однако несколько месяцев спустя был создан новый Секретный комитет, итогом деятельности которого явился указ 19 июля 1849 г., прямо противоположный по значению принятому чуть ранее. Дело в том, что, утверждая первый указ, верховная власть как-то упустила из виду, что позволение крестьянам выкупаться с публичных торгов делает их освобождение обязательным и не зависящим от воли помещиков. Указ 1849 г., исправляя положение, поставил возможность выкупа в прямую зависимость от согласия помещиков и тем самым, формально не отменяя прежнего указа, фактически сводил его на нет. На этом история «николаевских» секретных комитетов обрывается. В последующее «мрачное семилетие», как принято называть время от революции 1848—1849 гг. до кончины Николая I, ни о каких мерах, облегчавших положение крепостных, речи быть не могло.

Последний Секретный комитет по крестьянскому делу был создан в 1857 г. уже новым императором. Ход его заседаний окончательно убедил верховную

власть, что, отдавая решение вопроса о крепостном праве в руки кучки высших бюрократов, его не решить. Пришлось искать новые пути, привлекая к обсуждению условий освобождения крепостных крестьян наиболее прогрессивную часть дворянства.

Все перечисленные секретные комитеты каждый по своему представляют немалый интерес и дают богатую пищу для наблюдений, но рассказать о каждом из них в одной работе трудно. Анализ их деятельности занял бы слишком много места. Однако в числе этих комитетов есть два, в которых, как в капле воды, отразилось все, что было свойственно их многочисленным собратьям. Это Секретный комитет 1839—1842 гг. и Секретный комитет 1857 г. О них речь пойдет далее.

О НЕОБХОДИМОСТИ И ПОЛЬЗЕ АРХИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ

Тайна, которой правительство окружало все свои действия, связанные с попытками если не отменить крепостное право, то хотя бы продвинуться к постепенному решению крестьянского вопроса, до сих пор серьезно осложняет задачу всякого, кто берется писать о времени, предшествовавшем падению крепостничества в России. Казалось бы, положение современного исследователя сильно облегчено доступностью для него некогда самых сокровенных архивов верховной власти, как, впрочем, и некоторых сохранившихся частных архивов крупных государственных деятелей того времени. Но и при этом очень трудно бывает разобраться в хитросплетениях политической истории полуторавековой давности, собрать и сложить запутанную мозаику разбросанных по многим архивам свидетельств тайных усилий правительства. Обычно эта черновая работа остается неизвестной читателю. Так и должно быть. Но в данном случае только история поиска материалов, рисующих деятельность Секретного комитета 1839—1842 гг., может продемонстрировать ту обстановку скрытности и секретности, которая была создана вокруг одной из важнейших проблем русской жизни предреформенной эпохи. Кроме того, «кухня» исторического исследования, поиски документов прошлого сами по себе интересны.

Начнем с официального делопроизводства Секретного комитета 1839—1842 гг., которое после окончания его деятельности оказалось в архиве V отделения собственной его императорского величества канцелярии. Это закономерно, ведь главой этого отделения был П. Д. Киселев, автор обсуждавшегося в комитете проекта преобразования крепостной деревни, а делопроизводителем в нем с января 1841 г. стал В. И. Карнеев — чиновник того же отделения и правая рука Киселева во всех его начинаниях³.

Из опубликованной в 1887 г. «Систематической описи делам бывшего V-го отделения...» видно, что в 1856 г. в его архиве хранилось три тома таких материалов, два из которых в мае 1856 г. были отправлены в министерство внутренних дел⁴. Это было связано с начавшейся там в конце апреля 1856 г. работой по подготовке

отмены крепостного права. Составление исторической записки о ходе крестьянского дела в России было поручено товарищу министра внутренних дел А. И. Левшину, который для этого нуждался в материалах секретных комитетов николаевского царствования⁵. В течение всего периода подготовки реформы эти документы переходили из одного учреждения в другое, пока наконец не осели в Редакционных комиссиях, среди бумаг которых из посланных туда двух томов сейчас хранится только один, судьба другого тома неизвестна. Не сохранился до настоящего времени и третий том, оставленный в 1856 г. в архиве V отделения. Единственный дошедший до нас том 6 содержит делопроизводство Секретного комитета 1839—1842 гг.⁶ (материалы с ноября 1839 до октября 1842 г.). К тому приложена опись, подписанная В. И. Карнеевым и составленная, несомненно (хотя на ней нет даты), сразу же после окончания работ Секретного комитета, перед сдачей делопроизводства в архив. Полное соответствие содержания тома имеющейся описи позволяет утверждать, что делопроизводство комитета сохранилось до настоящего времени в том виде, в каком оно сформировалось к концу его работы. Однако это вовсе не означает, что оно дошло до нас полностью и точно отражает все перипетии сложной борьбы, развернувшейся на заседаниях. В процессе непосредственной работы многие официальные документы (записки, мнения, журналы заседаний, письма и проч.) были изъяты из делопроизводства. Между тем без розыска хотя бы части их вряд ли можно претендовать на восстановление более или менее исчерпывающей картины деятельности Секретного комитета. Достаточно сказать, что материалы за весь первый год, от ноября 1839 до ноября 1840 г., занимают всего 16 листов из общего объема сохранившегося тома*. Более того, эти листы содержат документы только первого заседания комитета. Таким образом, бумаги официального делопроизводства по существу вообще не освещают деятельность комитета в первый год его существования. Несколько лучше обстоит дело с документами, относящимися к последующему времени, хотя и тут в делопроизводстве имеются значительные лакуны.

Тем, кто занимается изучением русской истории XIX в., хорошо известно, что в то время многие государственные деятели не видели разницы между собственным и государственным архивами. Это заставило обратиться к обследованию материалов, сохранившихся в их личных фондах, в расчете обнаружить там недостающую документацию. Расчет этот оправдался. Так, при подготовке данной книги в архивах председателя Государственного совета И. В. Васильчикова, П. Д. Киселева, генерал-адъютанта, начальника Главного морского штаба А. С. Меншикова и др. было обнаружено много ранее неизвестных документов официального характера. Наиболее показательной в этом отношении является история с проектами Киселева, которые он представлял в Секретный комитет в 1840 г.

На заседании комитета 16 ноября 1839 г. четверем его членам — П. Д. Киселеву, Д. Н. Блудову, А. Г. Строганову и П. А. Тучкову — было поручено подвергнуть критическому анализу указ 1803 г. о вольных хлебопашцах и изложить свои мысли о проблеме освобождения крестьян⁷. П. Д. Киселев исполнил поручение и в марте 1840 г. представил записку, озаглавленную «О средствах к усилению действия закона о свободных хлебопашцах». Текст этой записки не сохранился в архиве Киселева. Там имеется только подлинник его

* Если не считать записку, отнесенную в делопроизводстве к 18 марта 1840 г., которая, как будет показано, была там датирована ошибочно.

всеподданнейшего доклада от 18 марта 1840 г., представлявшего записку на первоначальное рассмотрение императору. Прочтя ее, Николай I одобрил предложения П. Д. Киселева и разрешил вынести записку на рассмотрение членов Секретного комитета⁸.

В делопроизводстве Секретного комитета хранится копия записки П. Д. Киселева с чуть-чуть измененным заглавием — «О мерах к усилению действия закона о вольных хлебопашцах». На ней проставлена дата: 18 марта 1840 г.⁹

У известного дореволюционного исследователя истории крестьянского вопроса в России В. И. Семевского, обнаружившего ее в имевшейся у него копии всего делопроизводства, эта дата, по-видимому, не вызвала никаких сомнений. Он был уверен, что перед ним именно тот документ, который в марте 1840 г. был представлен Николаю I, а затем направлен в Секретный комитет. Он не обратил при этом внимания на небольшое несоответствие: в докладе императору Киселев два раза упоминал приложения, обозначенные литерами, и нигде не ссылался на отмеченные цифрами; между тем все приложения к записке, находящейся в делопроизводстве комитета, обозначены цифрами. Кроме того, при такой датировке записки ход деятельности Секретного комитета должен был вызвать некоторое недоумение: все известные В. И. Семевскому отзывы на данную записку Киселева относились ко времени не ранее января 1841 г. Было, следовательно, совершенно непонятно, чем же занимался Секретный комитет в течение целого года и почему обсуждение предложений Киселева началось так поздно?

Ясность в этот вопрос внес просмотр документов, хранящихся в фонде председателя Секретного комитета И. В. Васильчикова. Прежде всего из официальной переписки с ним Киселева выяснилось, что в течение 1840 г. последний представил в комитет не одну, а две записки: первую — действительно в марте, а вторую, значительно переработанную и исправленную по сравнению с первой, — в ноябре¹⁰. Подлинник ноябрьской записки Киселева сохранился в фонде Васильчикова¹¹. На нем нет даты, но она выясняется из сопровождающего представления автора. Сличение этой записки с копией из делопроизводства комитета, о которой уже шла речь, показало их идентичность. Таким образом, в делопроизводстве Секретного комитета находится копия не мартовской, а ноябрьской записки Киселева, и проставленная на ней кем-то дата ошибочна¹².

Необходимо было попытаться разыскать мартовскую записку Киселева, одобренную царем. Обнаружить подлинник, к сожалению, не удалось. Но в фонде А. С. Меншикова нашлась ее копия¹³. Принимая деятельное участие в работе Секретного комитета 1839—1842 гг., Меншиков снимал копии со всех доставляемых ему документов. Собранные им таким образом материалы оказались своеобразным филиалом официального делопроизводства.

Чем же отличались друг от друга мартовская и ноябрьская записки Киселева? Изменение его позиции, как мы покажем далее, составляет существенный момент истории Секретного комитета. Немало прояснили эту историю и материалы фонда Васильчикова. Именно они позволили уточнить, чем были заняты члены Секретного комитета в первый год его существования. На тексте представления первой записки Киселева в Секретный комитет, датированного 24 марта 1840 г., сохранилась надпись: «Читали сию записку: в мае: д[ействительный] т[айный] с[оветник] Блудов, т[айный] с[оветник] Тучков, с[тате]-с[екретарь] Танеев, в июле: князь Меншиков,

в августе: граф Строганов, в сентябре: граф Орлов, в октябре: граф Панин, в ноябре: граф Левашев»¹⁴. Итак, записка Киселева, судя по всему, изучалась очень тщательно. Столь длительное ее чтение объяснялось также и тем, что, как видно из цитировавшейся надписи, существовал только один ее экземпляр, который передавался из рук в руки. Это еще одно свидетельство той секретности, которой была окружена вся работа: записку Киселева не решились даже лишний раз переписать.

В архиве Васильчикова есть еще один документ, отсутствующий в официальном делопроизводстве и потому оставшийся неизвестным прежним исследователям. Это записка без даты, озаглавленная «Мнение тайного советника Тучкова» с подзаголовком «Разбор положения о свободных хлебопашцах». Записка подписана П. А. Тучковым. На обложке, в которой она находится, надпись неизвестной рукой карандашом: «Получено от князя Иллариона Васильевича 16 мая 1840 г.»¹⁵. Следовательно, уже в мае 1840 г. записка не только была известна Васильчикову, но и передавалась, по-видимому, другим членам комитета. На копии того же «Мнения», имеющейся в архиве Меншикова, обозначена более ранняя, возможно приблизительная дата — март 1840 г. Она проставлена Меншиковым, читавшим документ много позже его составления: свое «Мнение» Тучков послал ему для ознакомления только в январе 1841 г. Сопроводительное письмо Тучкова, где сообщалось, что он посылает «Мнение», «поданное прошедшего года» Васильчикову, доказывает помимо всего прочего, что оно было представлено в Секретный комитет¹⁶.

Записка Тучкова содержала разбор указа 1803 г. о вольных хлебопашцах, а также перечисление мер, которые, с точки зрения автора, могли бы содействовать ускорению его реализации. Поэтому можно не сомневаться, что это та самая записка, составление которой было поручено Тучкову и трем другим членам комитета на заседании 16 ноября 1839 г.¹⁷

Некоторые из важных материалов официального делопроизводства сохранились только в архиве А. С. Меншикова. Так, большой интерес представляет оказавшийся в нем отзыв Меншикова на мартовский проект Киселева. Эта подлинная записка «Замечания на проект положения о свободных хлебопашцах» датирована 16 ноября 1840 г.¹⁸ На полях документа находятся собственноручные ответы Киселева на эти замечания. Помимо самостоятельной ценности они доказывают, что Киселев ознакомился с запиской Меншикова, и она, несмотря на свое опоздание (как уже упоминалось, 15 ноября Киселев представил в комитет новый проект), сыграла определенную роль в уточнении взаимных позиций. Именно в записке Меншикова впервые отразилась позиция этого главного оппонента Киселева в Секретном комитете. Ею открывается серия программных документов, представленных Меншиковым в комитет и развивавших план безземельного освобождения крестьян, принципиально отличавшийся от плана Киселева.

Приведенные факты, относящиеся только к начальному периоду деятельности Секретного комитета 1839—1842 гг., показывают, насколько плодотворным оказалось обследование личных архивов его членов. Естественно, что подобным же образом необходимо было пополнить круг источников, освещающих последующие этапы работы комитета.

Известно, что возражения части членов комитета, представленные после чтения ноябрьской записки Киселева, привели

к составлению им нового документа: уже не записки с аргументацией своих предложений, а собственно проекта положения об обязанных крестьянах¹⁹. Именно этот проект обсуждался на всем протяжении работы комитета, постепенно урезаясь, и был в конце концов изменен до неузнаваемости по сравнению с первоначальной программой Киселева. Для подлинного представления о судьбе этого проекта необходимо было знакомство с его промежуточными редакциями, показывающими последовательность и характер изменений. Две из них, как оказалось, сохранились в фонде Васильчикова²⁰. Место обнаруженных редакций среди отличавшихся друг от друга текстов проектов удалось выяснить при сопоставлении их с письменными ответами Киселева на замечания членов комитета, представленные в январе 1841 г., и с запиской А. С. Меншикова от 10 мая 1841 г. Сличение письменных ответов Киселева с первым из текстов проекта, хранящихся в архиве Васильчикова, показало, что это та самая первая редакция его, о которой мы уже упоминали. Она была представлена Киселевым в комитет в конце января — начале февраля 1841 г.

За этой редакцией хронологически следовал тот текст проекта, который зафиксирован в журналах заседаний Секретного комитета от 28 февраля, 7 и 14 марта 1841 г. и был известен Семеvскому. Второй же документ, сохранившийся в архиве Васильчикова, представляет собой следующую, третью редакцию, вновь измененную после обсуждения в комитете. Это устанавливается при сличении текста с замечаниями на него А. С. Меншикова от 10 мая 1841 г., озаглавленными «Замечания князя Меншикова на проект положения об обязанных крестьянах, разосланный после заседания 26-го апреля 1841 г.»²¹. За нею следовала уже та окончательная редакция проекта, которая была представлена комитетом царю в июне 1841 г. Привлечение промежуточных редакций проекта, не использованных прежде для исследования истории Секретного комитета 1839—1842 гг., по-иному представляет весь ход дела.

В том же архиве Васильчикова остались журналы заседаний комитета за январь 1841 г.²² Хотя они содержат относительно мало информации (журналы заседаний комитета составлялись в самых кратких выражениях и не отражали существа прений, а только фиксировали их результат), тем не менее с их помощью можно восстановить последовательность занятий комитета.

Наряду с делопроизводственными документами важное значение для уяснения истории подготовки указа об обязанных крестьянах имеют официальные материалы, прямо к делопроизводству не относящиеся. Так, в фонде П. Д. Киселева удалось обнаружить его записку «О мерах правительства в отношении к крепостному состоянию». Она включает в себя набросок программы той первой записки, которую Киселев намеревался представить в Секретный комитет. Судя по пометке, сделанной автором на первом ее листе, записка эта 12 февраля 1840 г. была прочитана Николаем I²³. Этот документ раскрывает предысторию мартовской записки Киселева и свидетельствует о том, что в работе над ней принимал участие сам царь. Представленная месяц спустя Киселевым в комитет записка охватывала уже не все вопросы, затронутые в программе. Не исключено, что в сделанных исправлениях отразился результат обсуждения программы с царем после его ознакомления с нею.

Как видим, официальная документация, относящаяся к истории Секретного комитета 1839—1842 гг., сохранилась достаточно полно, хотя и рассредоточена между делопроизводством комитета и лич-

ными архивами его членов. Однако официально-документальные материалы — источник чрезвычайно односторонний: они, как правило, не вскрывают закулисную сторону событий. Необходимым дополнением к ним служат письма, дневники, воспоминания, различные наброски, запечатлевшие не предназначенные для других размышления авторов об интересующем нас вопросе.

Бесспорно, что из всех источников подобного рода наибольшую ценность представляют хранящиеся в фонде А. С. Меншикова памятные записки, которые он писал (сперва пером, потом карандашом) после каждого заседания Секретного комитета. Они охватывают период с 3 января по 12 апреля 1841 г.²⁴ Записки, писанные карандашом, в фонде не сохранились, о них упоминает лишь копировавший памятные записки позднее переписчик: «Последующие отчетные записки заседаний Комитета написаны карандашом и от времени так истерлись, что невозможно извлечь их содержание»²⁵. Памятные записки Меншикова содержат массу новых сведений и приближают нас к живой атмосфере споров, происходивших на заседаниях Секретного комитета. Сравнение их с журналами соответствующих заседаний комитета наглядно демонстрирует чрезвычайную ограниченность и бедность последних. Так, журнал заседания Секретного комитета 3 января 1841 г. ничего не сообщает о дискуссии, возникшей при обсуждении записки Киселева. Из свидетельства же Меншикова выясняется, что некоторые члены комитета использовали записку, чтобы попытаться поставить на обсуждение вопрос о принципиальной целесообразности освобождения крестьян. «Тут последовал шумный разговор без заключения, — записал Меншиков, — ибо всякий по-своему определял смысл выражения начала, иные полагали, что началами полагать должно политическую цель освобождения крестьян, тогда как другие утверждали, что цель сия определена уже и что рассуждения относиться могут лишь к началам, на коих основан предлагаемый образ исполнения»²⁶.

Важнейшее значение записи Меншикова имеют и как источник, зафиксировавший неизвестные по другим материалам высказывания членов комитета по коренным вопросам. В ряде случаев именно они проливают свет на существенные события, причины которых без этого оставались неясными. Так, уже на одном из первых заседаний комитета (3 января 1841 г.), по свидетельству А. С. Меншикова, возник вопрос о добровольности или обязательности для помещиков готовящегося в комитете положения. «Общий голос был, — писал он, — что обязательным быть не может, и кн. Васильчиков объявил, что он первый не подпишет, ежели оно признается обязательным, ибо полагает, что до введения сего нового распорядка во всем имении своем он видит необходимость испытать сие в одной лишь части своей собственности»²⁷. Именно это единодушное мнение членов комитета и развернутая аргументация его председателя И. В. Васильчикова, о которой мы узнаем только из записей Меншикова, позволяют понять мотивы и определить инициаторов «высочайшего повеления» от 28 февраля 1841 г. о необязательности разрабатывавшихся в комитете мер.

Любопытно, что в отличие от памятных записок дневники Меншикова, из трех лет работы комитета сохранившиеся только за 1842 г., не представляют в этой части значительного интереса, так как в них только упоминается о посещениях заседаний комитета²⁸.

Важной составной частью материалов личного характера является переписка. Поиск таких документов привел к определенным результатам: удалось выявить и привлечь к изучению ряд писем

членов Секретного комитета, касающихся различных аспектов работы последнего. Именно в письмах высказываются подчас наиболее принципиальные воззрения корреспондентов по интересующим нас вопросам. Так, переписка Меншикова и Киселева существенно дополняет их дискуссию, отразившуюся в документах, названных ранее²⁹. Письмо И. В. Васильчикова Л. А. Перовскому, написанное летом 1842 г., уже после завершения работы Секретного комитета, вскрывает не только отношение автора к указу и его реализации, но и суть его позиции в крестьянском вопросе: «Я всегда поддерживал тот взгляд, что отсутствие гарантий задерживает реализацию меры; с тех пор как я здесь, у меня был случай убедиться, что крестьяне под сколько-нибудь христианским управлением стремятся остаться в том состоянии, в котором они находятся, из страха попасть в когти администрации. Это язва России; невозможен никакой прогресс, пока администрация остается в нынешнем состоянии... Не железные дороги, не свобода крестьян составят благоденствие страны, начнем с того, чтобы дать нам администрацию, остальное придет»³⁰.

Наконец, в числе документов частного характера следует упомянуть различные черновые наброски, сделанные членами Секретного комитета и касающиеся обсуждавшихся на его заседаниях вопросов. Из таких материалов следует прежде всего отметить собственноручные записки председателя комитета И. В. Васильчикова, в которых отразились его представления о возможных путях решения крестьянского вопроса в России³¹.

Богаты содержанием и черновики записок А. С. Меншикова. Среди них находится, например, такой важный для характеристики его собственного понимания своей позиции отрывок: «С Павлом Дмитриевичем (Киселевым.— С. М.) мне весьма мудрено сойтись мыслями, ибо идем от основ, совершенно противоположных. Я думаю, что ненарушимость дворянской собственности есть коренное неизменное начало, а П. Д. думает, что цель определяет средства»³².

Остановимся на этом, хотя рассказ о найденных документах можно было бы и продолжить. Что же показал наш поиск?

Прежде всего он показал, что документация, возникшая в самом ходе деятельности комитета, далеко не вся была сконцентрирована в той части официального делопроизводства, которая осталась после окончания работы в V отделении, а потом частично передана в Редакционные комиссии. Именно поэтому делопроизводство Секретного комитета 1839—1842 гг. должно и может быть реконструировано как совокупность материалов, оставшихся в самом комитете и отложившихся в архивах его членов. Только в этом случае источники предстают перед исследователем с достаточной полнотой. Это, конечно, влечет за собой выявление новых фактов и новый взгляд на историю самого Секретного комитета.

СЕКРЕТНЫЙ КОМИТЕТ 1839—1842 гг.

К середине 1830-х годов у Николая I созрело твердое убеждение в том, что пришло время вплотную заняться изменением положения крепостных крестьян. Причин тому было немало. Несмотря на тщетность попыток приступить в предшествующее царствование к освобождению крестьян, в верхах сформировалось сознание неизбежности этого процесса. Николай I ви-

дел многолетние попытки своего старшего брата Александра I подступиться к крестьянскому вопросу. Да и само дворянство, хотя в массе своей было решительно против освобождения, тем не менее и оно время от времени отчетливо выражало иные настроения, и не только программными положениями декабристов, но и теми проектами ликвидации крепостных отношений, которые попадали в руки верховной власти. Сам Николай I благодаря лекциям одного из своих наставников, известного экономиста профессора Шторха, был достаточно знаком со взглядами современной ему буржуазной политэкономии на преимущества вольного труда перед крепостным³³.

Однако все это не смогло бы сдвинуть крестьянское дело с мертвой точки, если бы не явное и очень тревожащее правительство стремление самих крепостных к свободе. Верховная власть и лично император были хорошо осведомлены, как рвется крепостное крестьянство к освобождению от власти помещиков. И здесь дело не в размахе крестьянского движения (в целом оно было не столь уж велико и вряд ли представляло реальную опасность), а в его направленности. Чтобы осознать все это, достаточно познакомиться с обзорами настроений различных слоев русского общества, которые ежегодно представлялись главой III отделения А. Х. Бенкендорфом Николаю I. Из года в год Бенкендорф усиленно проводил мысль о главенствующем среди крестьян стремлении к свободе. Вот лишь несколько мест из отчетов III отделения за разные годы.

1827 г.: «Надо заметить, что всякий крепостной, которому удалось своим трудом скопить несколько тысяч рублей, употребляет их прежде всего на то, чтобы купить себе свободу. Они хорошо знают, что во всей России только народ-победитель, русские крестьяне, находятся в состоянии рабства; все остальные: финны, татары, эсты, латыши, мордва, чуваш и т. д.— свободны... Среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний: они ждут своего освободителя, как евреи своего мессию...»

1834 г.: «Год от года распространяется и усиливается между помещичьими крестьянами мысль о вольности. В 1834 г. много было примеров неповиновения крестьян своим помещикам, и почти все таковые случаи, как по произведенным исследованиям оказыва-

лось, происходили не от притеснений, не от жестокого обращения, но единственно от мысли иметь право на свободу... Могут явиться неблагоприятные обстоятельства: внешняя война, болезни, недостатки; могут явиться люди, которым придет пагубная мысль воспользоваться сими обстоятельствами ко вреду правительства, и тогда провозглашением свободы их из помещичьего владения им легко будет произвести великие бедствия.

Благомыслящие люди ожидают, что бдительное правительство наше не упустит из вида сие важное для спокойствия России обстоятельство. Они понимают всю трудность сего дела и с какою крайнею осмотрительностью надлежит в сем случае действовать, дабы не возбудить пагубного между крестьянами волнения, ибо крестьянин наш не имеет точного еще понятия о свободе и волю смешивает с своевољством. А потому, сколько, с одной стороны, признается необходимым, дабы правительство исподволь приближалось к цели освобождения крестьян от крепостного владения, столько, с другой, все уверены, что всякая неосторожность, слишком поспешная в сем деле мера должна иметь вредные последствия для общественного спокойствия».

1839 г.: «При каждом новом царствовании, при каждом важном событии при дворе или в делах государства издревле и обыкновенно пробегает в народе весть о предстоящей перемене во внутреннем управлении и возбуждается мысль о свободе крестьян; вследствие этого происходят и в прошедшем году происходили в разных местах беспорядки, ропот, неудовольствия, которые угрожают хотя отдаленною, но страшною опасностью. Так и теперь по поводу бракосочетания великой княжны Марии Николаевны в народе разнеслась весть, что крестьяне будут освобождены. Толки всегда одни и те же: царь хочет, да бояре противятся. Дело опасное, и скрывать эту опасность было бы преступлением. Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет пред сим... Вообще весь дух народа направлен к одной цели, к освобождению... Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством, и тем опаснее, что войско состоит из крестьян же и что ныне составилаь огромная масса помещичьих дворян из чиновников, которые, будучи воспалены честолюбием и не имея ничего терять, рады всякому расстройству»³⁴.

Легко представить себе, какие чувства охватывали Николая I при чтении отчетов Бенкендорфа. Недаром практически все процитированные отрывки привлекли его особенное внимание и были отмечены карандашом на полях.

Чем дальше, тем глубже в умах высших бюрократов утверждалась мысль, что дворянству лучше самому поступиться своими привилегиями, чем ожидать, чтобы крестьянство добилось свободы кровавым бунтом. Впервые она, кажется, была сформулирована тем же А. Х. Бенкендорфом в «Нравственно-политическом отчете за 1839 г.»: «Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа»³⁵. В 1842 г. почти в тех же выражениях эту мысль изложил государственному секретарю М. А. Корфу председатель Государственного совета И. В. Васильчиков: «...лучше сделать добровольно первый шаг в видах постепенного освобождения крепостных людей, ибо иначе скоро настанет время, когда они сами потребуют себе прав»³⁶. Накануне крестьянской реформы, 30 марта 1856 г., обращаясь к московскому дворянству с целью убедить его, что настала пора освобождения крестьян, Александр II повторил примерно то же: «Я убежден, что рано или поздно мы должны к этому придти. Я думаю, что и вы одного мнения со мной, следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу»³⁷.

Лишь наиболее дальновидные современники понимали, что освобождения крестьян требовали гораздо более глубокие причины. Одним из таких людей был П. Д. Киселев, который в 1840 г. проводил мысль о важных государственных выгодах, «какие должны последовать от освобождения людей крепостного состояния в видах распространения промышленности и развития народного хозяйства»³⁸.

Разделял ли эти воззрения Николай I? Возможно, но свидетельств этого нет. Нельзя только сомневаться, что, учреждая новый секретный комитет, он был уверен, что печется о спокойствии империи и в конечном итоге о благе самих помещиков.

16 ноября 1839 г. на первое заседание комитета собрались: председатель Государственного совета и Комитета министров кн. И. В. Васильчиков, министр юстиции Д. Н. Блудов, министр государственных имуществ

П. Д. Киселев, управляющий Министерством внутренних дел гр. Строганов, глава I отделения собственной его императорского величества канцелярии А. С. Танеев, члены Государственного совета гр. А. Ф. Орлов и П. А. Тучков, а также чиновник I отделения В. Я. Ханьков. Председателем комитета был назначен И. В. Васильчиков, правителем дел — В. Я. Ханьков. Из всех этих лиц только трое — Блудов, Васильчиков и Киселев — принимали участие в предшествовавших комитетах и, таким образом, имели некоторый опыт в подобном деле. Все остальные соприкасались с ним впервые, хотя были отнюдь не новичками на государственном поприще. Возраст членов нового коллективного органа колебался от 38 до 64 лет.

К концу 30-х годов крупные политические деятели первой четверти XIX в. (Сперанский, Кочубей, Новосильцов и др.), определявшие характер деятельности первых секретных комитетов, большей частью сошли уже в могилу, и в новом комитете на первый план выступили деятели нового царствования.

Председателем комитета стал И. В. Васильчиков, однако очевидно было, что не ему предназначалась в нем ведущая роль. На место лидера комитета, несомненно, претендовал прежде всего П. Д. Киселев, только что завершивший разработку реформы государственных крестьян. Кроме того, именно он пользовался особым расположением и доверием императора. Характерно, что с именем Киселева связано то немногое, что мы знаем о неофициальных высказываниях Николая I по проблеме крепостного права. Именно ему и никому иному доверял император свои сокровенные мысли.

Начало неофициальным отношениям императора с Киселевым было положено еще тогда, когда Николай был великим князем. Они продолжались и после возвращения Киселева из Дунайских княжеств, где он довольно успешно провел ряд преобразований, в том числе и крестьянскую реформу. Отношения эти завязались на почве крестьянского вопроса, что подтверждается несколькими свидетельствами. Прежде всего это воспоминания самого Киселева о разговоре с Николаем I, состоявшемся весной 1834 г. Киселев занес их в свой дневник 7 июля 1864 г., что было навеяно размышлениями над присланной ему М. А. Корфом книгой о Сперанском. Как показывает эта запись, в хо-

разговора Николай I сказал Киселеву, что, занимаясь рассмотрением труднейших дел, которые могут впоследствии пасть на наследника, «он в главе их признает необходимейшим преобразование крепостного права, которое в настоящем его положении оставаться не может». Пожаловавшись, что не только среди сотрудников, но даже и в семье он не встречает сочувствия своему намерению, Николай I затем прямо сказал Киселеву: «По отчету твоему о княжествах я видел, что ты этим делом занимался и тем положил основание к будущему довершению этого важного преобразования... думай, каким образом надлежит приступить без огласки к собранию нужных материалов и составлению проекта или руководства к постепенному осуществлению мысли, которая меня постоянно занимает, но которую без доброго пособия исполнить не могу»³⁹.

Об этом же случае несколько иначе рассказал в своей книге французский историк П. Лакруа, несколько раз встречавшийся в Париже с Киселевым. В его пересказе нет речи о прямом поручении Николая I Киселеву немедленно заняться собиранием сведений и составлением соответствующего проекта. Зафиксированы лишь слова Николая I: «Мы займемся этим когда-нибудь». Возможно, что Лакруа в таком варианте записал рассказ самого Киселева, сопроводив изложение этого эпизода фразой: «Киселев не мог забыть этих слов, вырвавшихся у государя в минуту откровенности»⁴⁰.

Наконец, известная мемуаристка А. О. Смирнова-Россет в своих воспоминаниях воспроизвела рассказ Киселева о том же в редакции, гораздо более близкой к записанной им самим⁴¹. Таким образом, имеется по крайней мере три записи о разговоре Киселева с царем об освобождении крестьян, состоявшемся весной 1834 г. Источником их всех является, несомненно, сам Киселев, хотя есть различия в деталях, существо свидетельств идентично и вряд ли может быть подвергнуто сомнению.

Личные, неофициальные отношения Николая I с Киселевым еще более укрепились в результате проведения реформы государственных крестьян. В бумагах последнего сохранилась запись его разговора с императором 17 февраля 1836 г. На этот раз речь шла о необходимости начать разработку реформы

помещичьей деревни и о намерении императора поручить это дело Киселеву под своим личным руководством. Именно в этот день Николай сказал своему сановнику ставшую столь известной фразу: «Ты будешь мой начальник штаба по крестьянской части», имея в виду более широкий круг обязанностей, чем поручение подготовить реформу управления государственными крестьянами.

Оба этих эпизода недвусмысленно проясняют, во-первых, отношение Николая I к проблеме освобождения крестьян, выраженное не в официальной речи или манифесте, а в частной беседе с глазу на глаз, и, во-вторых, взгляды по этому же вопросу Киселева, которого император, конечно, не случайно избрал своим конфиденнтом. Киселев полностью согласился с намерениями, высказанными его высочайшим собеседником, заявив в феврале 1836 г., что он почитает «устройство крестьян как дело великое его царствования и как дело необходимое для будущего спокойствия государства»⁴².

Все это предопределяло, казалось, руководящую роль Киселева в новом комитете, на это ему позволяли надеяться и опыт занятий крестьянским вопросом, и полное доверие императора. Сама позиция Киселева тоже была очевидна еще до начала работы комитета: можно было смело утверждать, что он со знанием дела встанет на защиту проектов освобождения крестьян. Кроме всего прочего Киселев был на практике знаком с ведением помещичьего хозяйства⁴³.

Назначение И. В. Васильчикова официальным главой Секретного комитета определялось прежде всего его положением председателя Государственного совета и Комитета министров. Кроме того, Васильчиков и Киселев работали вместе в Комитете 1835 г., успешно справившемся со своими задачами, и можно было надеяться на то, что их сотрудничество столь же успешно продолжится. Немаловажную роль играли, наконец, личные дружеские отношения Васильчикова с царем. Хорошо осведомленный М. А. Корф писал об этом в своих воспоминаниях: «Князь Васильчиков был единственный человек в России, который во всякое время и по всем делам имел свободный доступ и свободное слово к своему монарху, человек, которого император Николай не только любил, но и чтил как никого другого... которого он считал и называл своим

другом»⁴⁴. Однако отношения Васильчикова с царем не могли компенсировать более чем средние возможности председателя Секретного комитета. Сам Корф характеризовал его как человека «без высокого ума, без даровитости, не только без ученых, но и без всяких почти знаний»⁴⁵. Несмотря на то что Васильчиков был крупным помещиком (у него и его жены было более 5 тыс. крепостных), сельским хозяйством он практически никогда не занимался.

К той же далекой от компетентности в проблемах крепостной деревни группе членов комитета относился и такой влиятельный его участник, как А. Ф. Орлов. Принадлежавший к тесному кругу молодых приближенных Николая еще в бытность его просто великим князем, он завоевал особое доверие императора решительными действиями в день восстания 14 декабря. Это положило начало его стремительному восхождению по бюрократической лестнице и постоянному неофициальному общению с царем. Неудивительно поэтому, что именно он после смерти А. Х. Бенкендорфа в 1844 г. возглавил III отделение, а потом был председателем Государственного совета и Комитета министров. Однако он же мог сказать про себя, что «практических сведений о сельском хозяйстве» не имеет и потому не может судить «о степени удобств и неудобств предполагаемых подробностей»⁴⁶. Крупные земельные собственники (у подавляющего числа членов комитета владения определялись десятками тысяч десятин земли и тысячами крепостных душ)⁴⁷, вершители судеб крестьянства имели весьма отдаленное представление о реальном положении сельского хозяйства, никогда им не занимались и по большей части даже им не интересовались. Все их интересы лежали в совершенно иной, чисто бюрократической сфере.

Как и все секретные комитеты николаевского царствования, рассматриваемый комитет состоял исключительно из представителей высшей бюрократии, избравшихся не по компетентности в порученном вопросе, а по занимаемому положению. Этим, в частности, обеспечивалась и секретность деятельности комитета, которой было серьезно озабочено правительство. Его состав гарантировал, что интересы крупнейших помещиков в выработанном проекте будут надежно защищены.

В истории Секретного комитета 1839—1842 гг. наименее документированным и потому наименее ясным остается период, непосредственно предшествовавший началу его работы. Так же обстоит дело практически со всеми секретными комитетами николаевского царствования: в существующей историографии практически не прослежена предыстория ни одного из них. Это, конечно, не случайно. Никакая официальная документация в то время не фиксировала события подготовительного периода, и поэтому они могли найти свое отражение только в материалах личного характера: дневниках, мемуарах, переписке. К сожалению, в известных нам материалах такого рода сведений о предыстории Секретного комитета 1839—1842 гг. нет. Поэтому нет возможности прояснить с полной достоверностью ни характер предварительных переговоров, в которых складывались формулировки поставленных перед комитетом задач, ни мотивы выбора тех или иных кандидатур в его состав, ни полномочия, данные царем его руководству. Таким образом, об исходной позиции верховной власти можно судить, лишь опираясь на анализ подготовительных документов, представленных к началу работы комитета для определения данного ему поручения. Они состояли из «высочайшего повеления» о создании Секретного комитета и краткого очерка истории крестьянского вопроса в России, составленного на основании документов, предоставленных комитету по распоряжению императора⁴⁸.

В «повелении» излагалось принятое царем решение «сделать безотлагательно пересмотр закона об увольнении в вольные хлебопашцы»⁴⁹, конкретнее — наметить новые условия, на которых помещики могли бы освобождать своих крестьян, «не стесняясь нынешним положением о свободных хлебопашцах, которое новым положением изменится». Но кроме того, «повеление» ставило перед комитетом еще одну задачу — определить порядок составления инвентарей по всем помещичьим имениям, решив, поручить ли это дворянству сразу же или подождать введения инвентарей в казенных имениях. Иначе говоря, Секретный комитет должен был выработать такую совокупность мер, которая, с одной стороны, стимулировала бы новыми

условиями освобождения крестьян помещиками, с другой — регламентировала бы инвентарями положение крестьян, еще остававшихся в крепостной зависимости. При этом вопрос, вводить ли инвентари в помещичьих имениях, представлялся как уже решенный, а комитет должен был лишь обсудить наиболее удобный способ его реализации. «Повеление» завершалось указанием о доставке в комитет необходимых для его деятельности дел из I отделения.

В историческом очерке, обращаясь к вопросу о возникновении крепостного права, автор (в силу своей должности, по-видимому, В. Я. Ханьков) писал: «Крепостное право в России образовалось большею частью по владению землями, так что крестьяне сделались крепкими дворянству по земле, на которой они поселились, и первые ревизии определили сие право»⁵⁰. Логическим выводом из этой посылки было утверждение, что земельная собственность является основным достоянием дворян-помещиков. Затем в очерке отмечалось, что с начала XIX в. правительство «сообразно с понятиями времени» стало принимать меры к постепенному освобождению крепостных крестьян с землей. Именно с такой позиции начал в свое время решать проблему указ 1803 г. Однако позднее в этом увидели один из главных его недостатков. «Это постановление, — утверждалось в очерке, — с благою целью изданное, с одной стороны, могло произвести важный в государстве переворот, ибо земли — основное достояние дворянства — переходили от него в руки крестьян», а с другой, «не достигло своей цели», так как, по сведениям министерства финансов, в России насчитывалось всего 176 тыс. вольных хлебопашцев обоего пола. Мысль о неприкосновенности права помещиков на землю повторялась как общий итог обзора законодательных мер правительства в области крепостного права, и делался вывод о необходимости «улучшить быт крестьян и постепенно выводить их из крепостного состояния, не ослабляя значущности достояния дворянства, единственно в землях состоящего»⁵¹. Итак, первый официальный документ, определявший основания предстоящих комитету занятий, несомненно подразумевал безземельное освобождение крестьян.

В заключение были охарактеризованы материалы, касавшиеся введения инвентарей. Инвентари признава-

лись благотворительной мерой, «которая укажет дворянам собственную их пользу и обеспечит благоденствие крестьян». При этом говорилось, что в «сем деле хороший пример есть лучший опыт и учитель»⁵².

Таким образом, комитет задумывался для того, чтобы наметить основы постепенно реализуемой реформы помещичьей деревни и регламентации при помощи инвентарей взаимоотношений помещиков и крестьян, остававшихся в течение этого длительного периода в крепостной зависимости. Рекомендации Николая I на первых порах носили достаточно общий характер, и членам Секретного комитета предоставлялась широкая инициатива. Единственным обязательным условием была неприкосновенность помещичьей земельной собственности.

Первое заседание Секретного комитета состоялось 16 ноября. На нем были оглашены уже рассмотренные нами документы, а для сохранения всего дела в тайне и для удобства сбора разных сведений было решено «гласно именовать сей Комитет: о повинностях в казенных имениях Западных губерний»⁵³.

Работа комитета должна была вестись в обстановке строжайшей секретности, причем управляющему I отделением А. С. Танееву поручалось лично сообщить об этом каждому из членов. За чтением различных документов, представленных в Секретный комитет, последовали прения. К сожалению, их содержание неизвестно. Журнал заседания зафиксировал только решение, принятое «по довольном рассуждении»: министрам государственных имуществ, юстиции и внутренних дел поручалось заняться изложением неудобств указа 1803 г. в отношении вверенных им министерств, а П. А. Тучкову — в отношении залога имений в опекунских советах. Кроме того, каждый из них должен был выдвинуть предложения по существу порученных комитету вопросов. Для этого в их распоряжение поступали соответствующие материалы.

Других сведений о заседании 16 ноября журнал не сообщает. Однако в делопроизводстве комитета вложке с надписью: «Читано при открытии Секретного комитета 16-го ноября 1839 года» — находится еще один документ. Это записка без даты и подписи, озаглавленная «Предполагаемые начала, на коих мог бы быть составлен проект закона о обязанных поселянах»⁵⁴. Помета, сделанная на первом листе, указывает на ее

принадлежность В. Я. Ханыкову, с чем согласился В. И. Семевский⁵⁵. Между тем в журнале первого заседания об этой записке даже не упомянуто, и она, очевидно, не была там прочитана.

Безземельное освобождение крестьян признавалось в записке единственно возможным решением крестьянского вопроса. «...Помещики,—говорилось в ней,—не иначе могут увольнять своих крестьян из крепостного владения, как без земли»⁵⁶. За личное освобождение предлагалось установить выкуп. В случае освобождения крестьян целым селением они должны были переводиться в уже существовавшее состояние обязанных поселян, причем помещик обязывался предоставлять им землю во временное пользование за определенные повинности, величина которых в записке не определялась. Управление этой категорией крестьян предоставлялось министерству государственных имуществ, а в уплате податей они приравнивались к государственным крестьянам. Таким образом, содержание записки полностью соответствовало принципам, оглашенным при открытии комитета.

Присутствие записки в комплексе материалов, относящихся к началу деятельности комитета, может свидетельствовать о том, что она принадлежала к числу подготовительных документов, предшествовавших его открытию. Можно также предположить, что, поручив первоначально подготовить эту исходную программу, накануне открытия комитета Николай I предпочел предоставить выработку «начал» самим его членам.

После первого заседания Секретного комитета в течение целого года события развивались очень неторопливо. Поручение четырем членам комитета составить записки принесло известные плоды: свои проекты представили П. Д. Киселев и П. А. Тучков. Подлинник представленной и подписанной последним записки, по-видимому, читался и обсуждался членами комитета. Тучков, однако, выполнил лишь вторую часть поручения Секретного комитета, касавшуюся изложения «неудобств» указа 1803 г. и определения новых условий освобождения крестьян. Основную отрицательную черту указа 1803 г., препятствовавшую его реализации и освобождению крестьян от крепостной зависимости, он видел в необходимости перехода части или всей помещичьей земли в собственность

крестьян. Чтобы преодолеть это препятствие, Тучков предлагал разрешить по усмотрению помещика увольнять крестьян в вольные хлебопашцы и без земли, предоставляя им только одну десятину земли под усадьбу. Остальную же землю крестьяне должны были нанимать у помещика «по утвержденным правительством договорам». При этом устанавливался незамаскированный выкуп за личность крестьянина в размере ссуды, которую помещик мог бы получить при залоге его в кредитные учреждения. По этому поводу в 1840-х годах высказывались гораздо откровеннее, нежели в 1860-х, когда уже не решались прямо говорить о выкупе крепостным своей личности.

Для ускорения осуществления исправленного таким образом указа о вольных хлебопашцах Тучков предлагал дать возможность приобретать на этих условиях населенные имения не только дворянам, но и «купечеству и капиталистам всех сословий». В заключение перечислялся ряд мер, способных, с точки зрения автора записки, облегчить положение крепостных крестьян: запрещение раздробления имений ниже определенного предела, разрешение закладывать крестьян только целыми селениями и прекращение перевода крестьян в дворовые⁵⁷.

Как мы видим, записка не представляла собой продуманного проекта: она не вскрывала ни правового положения освобождаемых крестьян, ни отношения к сельской общине, ни характера договоров крестьян с помещиками. Единственным, но очень важным отличием предложений Тучкова от указа 1803 г. был положенный в их основу принцип безземельного освобождения, отражавший, несомненно, характерные для начала работы комитета настроения. Вместе с тем нельзя не отметить, что в этой достаточно умеренной записке вопрос о необходимости тем или иным путем приступить к освобождению крестьян тоже рассматривался как решенный. И эта записка, и последующие «мнения», представлявшиеся Тучковым в ходе работы комитета, характеризуют его как человека ограниченного, неспособного выдвинуть сколько-нибудь самостоятельную и продуманную программу.

Очевидно, что нечеткие и противоречивые предложения Тучкова не могли стать основой для обсуждения проблемы в Секретном комитете. Такая роль выпала на долю записки, составленной П. Д. Киселевым. По-

видимому, тесный личный контакт его с царем сохранился и во время работы Секретного комитета 1839—1842 гг. Это подтверждает документ, обнаруженный нами в архиве Киселева,—записка «О мерах правительства в отношении к крепостному состоянию», поданная Киселевым Николаю I 12 февраля 1840 г.⁵⁸

Записка, как уже говорилось, представляет собой программу обширного документа, который Киселев готовил, выполняя поручение комитета. Существо ее заключалось в утверждении, что уже с начала XVIII в. правительство принимало меры, направленные сначала к ограничению крепостного права, а затем и к изысканию возможностей освобождения крестьян из крепостной зависимости. Однако хотя все эти меры совершенно ясно показывали отношение правительства к проблеме, но по разным причинам не могли ее решить. «Посему ныне,—говорилось в программе,—при пересмотре закона о свободных хлебопашцах надлежит изыскать способы к удобнейшему исполнению намерений правительства и для сего:

1) Определить отношения крестьян к владельческой земле и обеспечить права помещиков на получение соразмерного дохода.

2) Учредить суд и расправу.

3) Определить порядок исполнения рекрутской повинности на общих основаниях и

4) отменить личные послуги крестьян помещикам и вследствие того предположить устройство дворовых людей»⁵⁹.

Из заключительных слов программы: «Сии основания... впоследствии могут быть применены и вообще к крепостному состоянию по особому усмотрению и распоряжению правительства»—явствовало, что Киселев не предлагал сразу сделать новый закон обязательным для всех помещиков, но рассчитывал на это в более или менее отдаленной перспективе⁶⁰.

Предложенная Киселевым программа затрагивала широкий круг вопросов и касалась по существу всех сторон отношений крестьян с помещиками. Однако главные вопросы—«определение отношения крестьян к владельческой земле и обеспечение прав помещика на получение соразмерного дохода»—были поставлены в ней крайне осторожно и могли быть наполнены в будущем документе любым содержанием. Что именно имел в виду Киселев, показывает записка, в которой

к марту им была развернута конспективная программа. Не исключено, однако, что какие-то оттенки его позиции формировались окончательно и в ходе подготовки записки. Ясно также, что уже эта программа предлагала создание документа, подробно и всесторонне регламентирующего новый порядок взаимоотношений крестьян с помещиками и с органами государства, причем выработка этих отношений составляла прерогативу государства.

К сожалению, отношение Николая I к этой программе Киселева можно представить себе на основании лишь косвенных данных. Так, содержание мартовского проекта, который Киселев представил в Секретный комитет, охватывает уже не все вопросы, затронутые в февральской записке. Можно предположить, что одним из мотивов этого было обсуждение Киселевым с царем изложенных в программе проблем. Наличие подобных предварительных переговоров между ними подтверждает и следующий факт. К 18 марта 1840 г. проект Киселева, озаглавленный «О средствах к усилению действия закона о свободных хлебопашцах», был уже готов⁶¹. Но прежде чем отправить текст в Секретный комитет, Киселев представил его при особом докладе царю, объясняя, что желает убедиться, имел ли он «счастье выразить вполне высочайшие намерения»⁶². Взятые вне контекста и сопутствовавших фактов, эти слова можно было бы отнести к обычной для подобных документов фразеологии. Но в свете изложенных обстоятельств они приобретают иное значение. Видимо, Киселев действительно считал необходимым повторно согласовать свой проект с Николаем I, и смысловое ударение в приведенной фразе на том, удалось ли ему «вполне» выразить мысли императора, не случайно.

Анализ доклада Киселева царю от 18 марта 1840 г. позволяет вскрыть предлагавшийся им механизм решения крестьянского вопроса. Именно на эту сторону доклада совершенно не обратили внимания А. П. Заблоцкий-Десятовский и В. И. Семевский⁶³.

Прежде всего Киселев стремился ввести массу помещиков в заблуждение относительно подлинного значения действий верховной власти. Для предупреждения толков и опасений «на счет дальнейших видов правительства» новое постановление должно было появиться не как новый закон, а «в виде пояснения и развития

правил, содержащихся в указе 1803 года, предоставляя помещикам устроить имения свои на предполагаемых основаниях по собственному их на то желанию»⁶⁴. Нисколько не скрывая, однако, от царя свою уверенность в том, что рассчитывать на такое добровольное желание помещиков не приходится, Киселев писал дальше: «Предположение о свободных хлебопашцах при всех удобствах, доставляемых помещикам, не имея обязательной силы, не может иметь повсеместно решительного успеха по самому нравственному состоянию нашего провинциального дворянства». Из этого вытекало предложение ряда мер, постепенное осуществление которых заставило бы помещиков встать на новый путь,— мер, «которые привели бы помещиков к убеждению в необходимости устроить свои имения на предполагаемых основаниях, а между тем ослабили бы силу помещичьей власти без всяких потрясений и резкого перехода крестьян от крепостного состояния к полной свободе»⁶⁵. Для начала предлагалось: 1) устроить положение дворовых; 2) приравнять отбывание рекрутской повинности крепостными крестьянами к отбыванию ее всеми другими сословиями; 3) развить указ о трехдневной барщине и определить инвентарями количество земли, которое помещики должны предоставлять в пользование крестьянам, «придерживаясь положения для свободных хлебопашцев»; предоставить крестьянам право на движимую собственность и право судиться в общих судах; 4) ограничить права помещиков в наказании крестьян и усилить ответственность за злоупотребление властью и, наконец, 5) «когда таким образом власть помещиков будет ограничена, а положение крестьян улучшено, сообразить окончательные средства к введению между крестьянами сельского управления под влиянием помещиков с предоставлением крестьянам права обращаться в судебные места наравне с свободными хлебопашцами»⁶⁶.

Вот так, по мнению Киселева, могло произойти личное освобождение крепостных крестьян. «Сим способом,— говорилось в докладе,— нечувствительно мог бы совершиться переход крепостных крестьян к прежнему обязательному их положению к земле без личной зависимости от помещиков, а сии последние, сохранив при себе право вотчинничества на землю, получали бы за пользование ею от крестьян соразмерный доход»⁶⁷.

Предложенная Киселевым царю схема действий верховной власти, направленных на решение крестьянского вопроса, была основана на трезвом и правильном понимании крепостнических позиций основной массы помещиков и невозможности рассчитывать на их активное содействие постепенной ликвидации крепостного права. Она сводилась к следующему: личное освобождение крестьян должно было проводиться при регламентации сверху новых взаимоотношений крестьян с помещиками, стержнем его должно было стать предоставление крестьянам земли за определенные повинности; образец этих взаимоотношений, которому обязаны были бы следовать помещики, закладывался в положении, которое должен был утвердить комитет. Вместе с тем предлагалась целая система мер, введение которых стимулировало бы постепенный перевод большей части крестьян в свободные хлебопашцы.

Мысль о постепенности этого процесса и о непредании гласности истинных намерений правительства казалась Киселеву, по-видимому, особенно важной, и он еще раз подчеркнул ее в конце доклада: «Но считаю верноподданническим долгом повторить, что меры сии, требуя величайшей осторожности, не могут быть объявлены к исполнению вдруг, без всяких важных потрясений и нарушения общественного спокойствия и что успех подобного дела может быть обеспечен только постепенным переходом от одной меры к другой в продолжение значительного периода времени»⁶⁸.

Естественно было бы предположить, что все первоначальные идеи Киселева, сформулированные в рассмотренной программе и в докладе царю, должны были найти свое развернутое выражение в подготовленной Киселевым по поручению Секретного комитета записке, представлявшейся вместе с докладом. Это, однако, было не так. План действий верховной власти, предлагавшийся Киселевым, не был представлен комитету и остался известен лишь его автору и царю. Записка же, представленная в комитет, состояла из двух основных частей: «Исторического обозрения мер правительства в отношении к крепостному состоянию» и «Предположения о способах усиления действия закона о переходе крепостных крестьян в свободное состояние».

Как и большинство его современников, Киселев считал главной причиной установления крепостного права государственную необходимость. В интересах

развития хозяйства следовало прекратить перемещение огромных масс населения с места на место. Результатом этого явилось прикрепление крестьян к земле. Но до начала царствования Петра I крестьяне, по мнению Киселева, оставались лично свободными и лишь после первых ревизий окончательно стали принадлежать помещикам, на землях которых были поселены.

Такое понимание возникновения крепостного права в какой-то степени предопределило и взгляды Киселева на проблему его ликвидации. Первым этапом уничтожения крепостного права он считал личное освобождение крестьян с сохранением прикрепления их к земле. Рассматривая в историческом аспекте меры правительства, направленные на смягчение условий крепостного права, Киселев указывал на их двойкий характер: с одной стороны, правительство ограничивало власть помещиков, с другой — пыталось открыть возможности для освобождения крестьян. Меры ограничения, однако, по мнению Киселева, могли быть результативными только в том случае, когда, «стесняя произвол и злоупотребления владельцев, они приводят к убеждению в необходимости утвердить свои выгоды в отношении к имению на таком распорядке, который предварительно установлен уже правительством и вполне обеспечивает как собственное их право, так равно и право потомства на пользование соразмерным от имения доходом»⁶⁹. Следовательно, главным условием оставался второй круг правительственных мер — создание оснований для нового устройства крестьян.

Киселев видел две причины неуспеха указа 1803 г.: 1) неизбежность при его реализации отчуждения дворянской земельной собственности в пользу низших сословий и 2) необходимость огромной выкупной операции, для осуществления которой ни крестьяне, ни правительство не имели достаточных средств. Исходя из этого, он утверждал, что к началу 1840-х годов существовавшее законодательство не открывало никаких реальных путей для получения крестьянами личной свободы.

Вторая часть записки начиналась с примеров уничтожения крепостного права в других странах. Однако до этого Киселев счел необходимым слегка коснуться мотивов, заставлявших правительство обращаться к вопросу об отмене крепостного права. Характерно, что Киселев не видел надобности в подробной мотиви-

ровке этого. Исходя из как бы уже состоявшегося еще в начале XIX в. принципиального решения этого вопроса верховной властью, он писал: «Здесь не место повторять о важных государственных выгодах, какие должны последовать от освобождения людей крепостного состояния в видах распространения промышленности и развития народного богатства и в видах охранения общественного спокойствия»⁷⁰.

Как видим, на первое место в записке поставлены экономические задачи — развитие промышленности и народного хозяйства и лишь на второе — угроза крестьянского движения.

Рассмотрев опыт освобождения крепостных крестьян в других странах, Киселев пришел к выводу, что Россия в силу своеобразия ее развития не может пойти ни по одному из пройденных в Западной Европе путей. Безземельное освобождение крестьян в Англии и ряде других стран привело к образованию пролетариата, ставшего постоянной угрозой существовавшему строю.

Еще более опасным рисовался Киселеву тот путь, ярким примером которого являлось освобождение крестьян во Франции, где «крестьяне вместе со свободой получили прежние крестьянские поля, а помещикам оставлены одни господские запашки. В Пруссии земли также разделены между помещиками и крестьянами. Сим распоряжением, *во-первых*, нарушены права собственности дворянства, *во-вторых*, ослаблена самостоятельность высшего государственного сословия и чрез то уничтожена важнейшая нравственная сила, чрез которую верховная власть действовала на народ. и, *в-третьих*, по праву вотчинной собственности привлечена к участию в важнейших предметах государственного управления масса народа, которая силою необузданного большинства ниспровергает равновесие в частях и колеблет порядок государственного устройства». В итоге Киселев сделал вывод, что наиболее приемлемым в силу своеобразия развития России может оказаться способ освобождения крестьян в Австрии и Дунайских княжествах. В применении к России этот способ выглядел у него так: «...помещики, сохраняя при себе право вотчинной собственности на земли, увольняют своих крестьян в свободные хлебопашцы, получая за личное их освобождение, буде пожелают, по добровольному с ними соглашению денеж-

ное вознаграждение, и затем, снабдив свободных хлебопашцев определенной пропорцией земли, пользуются от них взамен того соразмерными повинностями⁷¹. Кроме того, свободные хлебопашцы получили право на движимую собственность и право приносить жалобы на притеснения помещиков в общем судебном порядке. Специально оговаривалось, что свободные хлебопашцы «как свободные люди могут, по исполнении к помещику обязанностей, переходить в другое состояние или переселяться на другие свободные владельческие земли».

Основные принципы проекта Киселева состояли, таким образом, в отчуждении помещиками части их «незыблемой» земельной собственности в пользование крестьян и в обязанности последних компенсировать это помещикам трудами или денежным оброком.

Центральное место в проекте занимала статья о наделе и о форме и объеме повинностей свободных хлебопашцев. Предлагалось определять их не рабочими днями или денежным вознаграждением, как было принято, а размером земельного участка, который крестьянин обязан был обработать для помещика. Величина этого участка определялась в треть всей возделываемой в имении земли, хотя Киселев замечал, что в отдельных случаях можно будет установить другой порядок разделения земли и исправления повинностей для тех имений, которые по местным обстоятельствам могут потребовать изъятий».

В соответствии с общими принципами предлагались конкретные правила наделения крестьян землей, определения их повинностей и прав. Заключительная часть III статьи следующим образом определяла права вольных хлебопашцев: «Вольные хлебопашцы, получая право личной свободы, пользуются всеми правами свободного состояния, покуда они не противоречат положению вольных хлебопашцев».

Наиболее существенным и решающим для действительной ликвидации прав помещика на крестьянина, несомненно, являлось разрешение крепостным без согласия помещика переходить в другое свободное состояние или на другие владельческие земли, предварительно «заплатив надлежащую сумму за личную свободу и исполнив все повинности к помещику». Для перехода необходимо было только 1) согласие общины с обязательством исполнять за оставшийся участок все

повинности помещику и 2) согласие общества, в которое свободный хлебопашец собирался вступать. Если у помещика земли было меньше $5\frac{1}{4}$ десятины на душу, то исполнения двух этих условий не требовалось.

Подводя итоги и определяя перспективу, которая открылась бы в случае одобрения его предложений, Киселев писал: «На сих главных началах могут быть основаны меры устройства у нас крепостного состояния, сперва предоставлением помещикам увольнять своих крестьян в свободные хлебопашцы с сохранением при себе права вотчинничества, а потом обращением сего постановления в обязательный закон»⁷².

В заключение, как и в докладе царю, Киселев предлагал «для предупреждения различных толков и напрасной тревоги в умах насчет намерений правительства» издать положение в качестве разъяснения указа 1803 г., а также намечал порядок и основные этапы практических действий помещиков, которые решились бы перевести своих крестьян в свободные хлебопашцы.

Оценивая первые предложения Киселева, следует прежде всего сказать, что в них отражалась лишь часть первоначальной программы автора. Так, совершенно в стороне остался вопрос о дворовых людях и очень бегло были упомянуты проблемы суда и рекрутской повинности. Предложений Киселева о схеме действий верховной власти в значительной своей части записка не повторяла. Фактически она касалась только одной проблемы — нового порядка взаимоотношений помещиков с освобождаемыми ими крестьянами. Вопрос о введении инвентарей в тех имениях, где пока крепостное право сохранялось в прежнем виде, на чем Киселев специально останавливался в докладе царю, записка не затрагивала вообще. Чтобы более не возвращаться к этому, скажем сразу, что второй из вопросов — об инвентарях, — поставленный «высочайшим повелением» при открытии Секретного комитета, фактически не рассматривался. Сосредоточившись на обсуждении проекта Киселева, этой проблемы не касавшегося, комитет оставил совершенно в стороне инвентаризацию в помещичьей деревне.

Главное значение предложений Киселева состояло в том, чтобы государство не оставляло более на волю помещиков определение размеров крестьянского земельного надела, форм и объема повинностей и создавало такие условия, которые принуждали бы пом-

щиков следовать этому новому порядку. Предусматривая передачу помещиками большей части своей земли свободным хлебопашцам, проект исключал для них возможность вернуть эту землю обратно или распорядиться ею впоследствии иначе, на более выгодных условиях, в силу того что земля поступала в общественное пользование. Земля, однажды переданная помещиком в пользование крестьянам, продолжала бы приносить ему феодальный доход, но при этом он фактически утрачивал значительную часть своих прав и преимуществ землевладельца. Если бы этот проект был одобрен и реализован, то его многочисленные формулировки, провозглашавшие неприкосновенность вотчинной собственности на землю, в известной степени остались бы словесной декларацией, а на деле предлагаемый порядок превратился бы в переходный этап к освобождению крестьян с землей. Однажды добровольно заключенные помещиком с крестьянами соглашения становились обязательными для обеих сторон. И если отдельный крестьянин при известных обстоятельствах мог их расторгнуть, то для помещика это было исключено. В конце своей записки Киселев решился указать на возможность в будущем превратить этот закон в обязательный для всех помещиков, хотя оставалось неясным, понадобится ли эта мера или ход событий, подталкиваемый сверху, сам приведет в далекой перспективе к уравниванию положения крепостных крестьян со свободными хлебопашцами.

Программа Киселева, выраженная им в первой записке, лежит в русле его общих воззрений на крестьянский вопрос. В ней очевидна связь с мерами, проведенными Киселевым в Дунайских княжествах (Органический регламент 1831—1832 гг. предусматривал сохранение личной свободы крестьян, свободу перехода, правительственную регламентацию взаимоотношений крестьян и помещиков). Те же мысли в записке Киселева от 29 марта 1835 г., посвященной вопросу о введении майоратов в Западных губерниях, здесь также предлагалось «даровать крестьянам гражданские права» и определить повинности в соответствии с земельным наделом, предоставляемым крестьянину⁷³. Очевидно также, что предложения Киселева, готовившиеся им для Секретного комитета 1839—1842 гг., имели целью приблизить положение помещичьих крестьян к устройству крестьян государ-

ственных. Таким образом, проект Киселева от марта 1840 г. убедительно подтверждает мысль Н. М. Дружинина о задуманной двуединой реформе.

Вместе с тем следует подчеркнуть то новое, что было впервые высказано Киселевым именно в этих предложениях,— это очень важная мысль об определении крестьянских повинностей размерами земли, которую крестьянин должен был обработать на помещика. Ограничивая пределы феодальной эксплуатации, предложение это закладывало в сами заключаемые условия соотношение объема помещичьей земли и земли, предоставляемой в пользование крестьянам.

Рассматривая свою программу как создание условий для начала длительного переходного этапа к освобождению крестьян, Киселев понимал ее главное значение в регулировании правительством взаимных отношений помещиков и обязанных крестьян и неоднократно подчеркивал, что пока еще «здесь предлагается не свобода по точному ее значению»⁷⁴. Однако трудно предположить, чтобы Киселев не замечал того факта, что реализация его предложений в полном объеме повела бы к невозможности для помещика вернуть себе однажды предоставленную крестьянам землю. Именно в этом смысле, вероятно, можно понимать позднейшее утверждение Киселева: «Я всегда полагал и ныне полагаю, что крестьянская земля должна оставаться (с вознаграждением помещиков) в полной и неотъемлемой собственности крестьян. Это условие я почитаю важнейшим при освобождении крестьян; оно составляет главное ручательство в спокойном достижении желаемой цели»⁷⁵.

Прежде чем перейти к реакции членов Секретного комитета на эти предложения Киселева, необходимо установить, в какой степени они совпадали с позицией самого Николая I на этом начальном этапе. 18 марта записка и доклад Киселева были отправлены царю. «Читал с особенным вниманием и полным удовольствием,— писал Николай I, возвращая их в тот же день автору,— начала, на коих основан проект, мне кажется, весьма справедливы и основательны. Я не нашел сделать ни одного замечания и разрешаю внести в Комитет»⁷⁶.

Такое безоговорочное одобрение царя, будь оно оглашено в Секретном комитете, поставило бы в затруднительное положение возможных противников

проекта Киселева и значительно подорвало бы их позиции. С этой точки зрения естественно было бы ожидать, что Киселев найдет необходимым не только представить в Секретный комитет порученную ему записку, но и ознакомить при этом его членов со своим докладом царю и его резолюцией, относящейся к обоим документам. Однако он этого не сделал. И в его официальном письме И. В. Васильчикову от 24 марта 1840 г., и в тексте «представления» записки в Секретный комитет нет ни слова о всеподданнейшем докладе и царской резолюции⁷⁷. Убедительно подтверждают это и замечания членов Секретного комитета, знакомившихся с запиской Киселева: они не содержат решительно ничего, что касалось бы доклада.

Этот эпизод дает возможность ближе подойти к пониманию сложной тактики Киселева. Разработав широко задуманную программу решения крестьянского вопроса, рассчитанную на долгосрочную поэтапную реализацию, он не мог не сознавать, что эта программа (сегодня представляющаяся нам столь умеренной) вызовет ожесточенное сопротивление прежде всего со стороны тех самых лиц, которым доверено решать ее судьбу, а затем и всей массы помещиков. Поэтому в документе, предназначенном для Секретного комитета, он развертывал свою программу далеко не полностью. Идеи о мерах, которыми следовало заставить дворянство пойти по пути, открываемому новым законом, и о самом механизме действий верховной власти Киселев развивал только царю. Возможность предварительно согласовывать свои замыслы на самом высоком уровне, минуя председателя Секретного комитета И. В. Васильчикова, давали Киселеву его неофициальные отношения с императором.

Таким образом, возникал еще один уровень секретности. Парадоксальность ситуации очевидна: обратившись к одному из самых жгучих вопросов русской действительности, правительство приступило к его решению тайно; создав Секретный комитет. Ни дворянство, ни страна в целом не должны были знать, что есть серьезные намерения прикоснуться к проблеме крепостного права. Однако и этот узкий Секретный комитет не должен был знать об истинных планах царя и его ближайшего советника. Какая иерархия тайны! Тактика Киселева состояла в том, чтобы на каждом уровне приоткрывать лишь определенную часть своей

программы, в полном объеме сообщая ее только Николаю I. С царем был согласован и проект, и способ его реализации. Комитету был представлен только проект, а механизм его осуществления был от него скрыт. В проекте же в свою очередь содержалось предположение комитету утаить от всей массы дворянства подлинное значение готовящегося закона как начала освобождения крестьян от крепостной зависимости, представив его просто в качестве частичного развития и дополнения указа 1803 г.

24 марта записка была отправлена И. В. Васильчикову. Изучение записки Киселева, как мы уже видели (см. с. 108—109), продолжалось около полугода (в апреле ее, по-видимому, читал сам Васильчиков)⁷⁸. Пока члены неторопливо знакомились с проектом, комитет, естественно, не мог продолжать свои заседания. Между тем в его составе произошли изменения: 23 октября 1840 г. высочайшим повелением в число членов были включены новый министр юстиции В. Н. Панин, член Государственного совета В. В. Левашев и А. С. Меншиков⁷⁹. Они также приступили к изучению проекта, причем только Меншиков был компетентен в обсуждавшейся комитетом проблеме. Еще в 1820 г. он участвовал вместе с М. С. Воронцовым в неудавшейся попытке создать общество помещиков для постепенного освобождения крепостных крестьян.

Сохранившиеся в архиве Меншикова документы свидетельствуют о его непосредственном участии и постоянном внимании к управлению принадлежащими ему огромными имениями. Постоянно занимаясь ведением хозяйства, Меншиков привел свои имения в цветущее состояние: по подсчетам, проведенным при обработке его архива, общий доход со всех имений в отдельные годы достигал 0,5 млн руб.⁸⁰ Ведение рационального хозяйства, использование машин, передовой агротехники — вот отличительные черты устройства меншиковских вотчин. Этот член комитета знал о сельском хозяйстве не понаслышке. Не случайно он стал наряду с Киселевым одним из самых деятельных участников работы, с равным знанием дела рассуждавшим как об общих принципах и понятиях, так и о конкретных практических вопросах. Помимо всего этого Меншиков в избытке обладал и теми качествами, которых, как мы видели, столь недоставало председателю комитета. Он был широко и всесторонне

образованным человеком, славился своим едким, ироничным умом, а его остроты повторял весь Петербург.

Тем временем Киселев продолжал работать над своей программой. 23 октября 1840 г. он представил И. В. Васильчикову новый доклад «О вольных хлебопашцах и о составлении положения о майоратах», в котором, ссылаясь на вновь собранные им сведения, потребовавшие «сделать некоторые изменения» в главных основаниях, сообщал о том, что собирается представить новую записку «вместо прежней»⁸¹. Эта записка была представлена в комитет 15 ноября 1840 г. В сопроводительном письме на имя Васильчикова Киселев характеризовал проделанную работу как «некоторые изменения в частностях предположения, особенно в пропорциях надела земли, которые по различию местности и исключительному занятию крестьян земледелием или промыслами требовали некоторого различия в пространстве надела». Подлинник новой записки Киселева сохранился в архиве Васильчикова, копия — в делопроизводстве Секретного комитета⁸².

Коррективы, внесенные Киселевым в свой проект при его переработке, как мы увидим далее, выходили за пределы вопроса о дифференциации наделов и коснулись ряда других принципиальных моментов. Хотя необходимость исправлений в записке еще не могла быть продиктована Киселеву организованным сопротивлением его коллег по комитету (он не собирался все это время), но, вероятно, явилась результатом частных бесед и личных контактов с ними на протяжении этого долгого времени. Об их реакции можно судить по двум сохранившимся письменным отзывам на первый проект Киселева, принадлежавшим Тучкову и Меншикову⁸³. «Мнение» Тучкова не датировано и могло быть представлено в то время, когда Киселев еще готовил ноябрьскую записку. Отзыв Меншикова «Замечания на проект положения о свободных хлебопашцах» датирован 16 ноября 1840 г. и в силу этого вообще не мог сказаться на работе Киселева.

Заявив о своей солидарности с проектом Киселева в принципе, Тучков избрал главным объектом критики предложенную в нем регламентацию правительством земельного надела и повинностей. Отказ от определения повинностей рабочими днями, которые крестьяне должны были отработать на помещика, и предложение определять их количеством обрабатываемой

помещичьей земли играли важную роль в логическом построении Киселева. Именно из этого вытекала необходимость законодательного определения соотношения помещичьей земли, которую обязан был обработать свободный хлебопашец, и надела, который он при этом получал у помещика. Слабым местом первого проекта Киселева была мысль о независимости размеров надела от природных условий, столь различных в разных частях России, и именно это хорошо поняли его противники. Раскритиковав эту сторону проекта, Тучков предлагал вернуться к определению повинностей рабочими днями, что автоматически снимало вопрос о размерах надела. Логическим выводом из этой позиции было предложение предоставить определение всех условий новых отношений помещиков и крестьян их добровольному соглашению, утвержденному специально для этого создаваемыми губернскими комиссиями, а затем Министерством государственных имуществ.

Иной характер носила записка А. С. Меншикова — первый из программных документов, представленных им в Секретный комитет и составивших впоследствии одну из главных линий борьбы в нем. На данном этапе задачей Меншикова была дезавуация проекта Киселева как основы исполнения порученного комитету дела. Декларация Киселева о неприкосновенности дворянского землевладения не ввела в заблуждение его оппонента, моментально уловившего ее противоречие фактической перспективе, открывавшейся при реализации проекта. На этом противоречии и была построена искусная полемика Меншикова.

Выразив в начале своей записки полное согласие с основными идеями проекта Киселева (*«постепенностью освобождения крестьян, взаимностью условий между ними и помещиками, обеспечением обоюдности их выгод и, следовательно, неприкосновенностью дворянской собственности»*), Меншиков доказывал затем, что конкретное содержание записки Киселева не соответствует ее исходным принципам. Главный же удар был направлен против общинного землепользования, которое, как утверждал Меншиков, фактически подрывало бы права дворянской собственности. *«Наделение землею не подворно, а целым мирским обществом имеет то неудобство,— писал он,— что это лишило бы помещика права возвращать себе участки упалые*

и бесхозяинные и требовать от каждого двора исполнения хозяйственных повинностей». Мера эта, по мнению Меншикова, нарушала интересы помещика, «лишая его навсегда права на вотчинную его землю». Поэтому эту меру, угрожающую *«нарушением прав дворянской собственности и всеми вредными от сего последствиями»*, Меншиков предлагал заменить подворным наделением крестьян по собственному желанию помещиков. Усмотрев, как и Тучков, уязвимость предложений Киселева о размере надела, Меншиков подробно их критиковал, указывая как на невозможность осуществить по всей России предлагаемое распределение помещичьей и крестьянской земли, так и на ущерб, который будет ими нанесен малоземельному дворянству и владельцам фабрик, основанных на труде крепостных. Соответственно отвергался и принцип определения повинностей размером земельного участка, который крестьянин должен был обработать в пользу помещика, и предлагался возврат к исчислению их рабочими днями. Вывод по всей этой части проекта Киселева сводился к тому, что предложенные в нем меры не дадут *«обоюдности выгод»*, *«чувствительно коснутся дворянской собственности»* и не обеспечат *«взаимности условий»*, ибо, как справедливо замечал Меншиков, *«помещик не властен отказать крестьянину в земле, хотя бы ему и выгоднее было оставить ее за собою, а крестьянин может от нее отказаться, когда ему заблагорассудится»*.

Замечания Меншикова по остальным пунктам проекта Киселева были направлены главным образом на то, чтобы доказать, что все они наносят тот или иной ущерб дворянству, а следовательно, общим интересам государства. Так, в частности, он решительно возражал против предложенной системы управления, видя в ней недопустимую опеку над помещиками, подрывавшую их политическое значение. На первый взгляд кажется удивительным, что Меншиков прошел мимо беглого замечания Киселева о возможности превращения положения в будущем в обязательное для помещиков. Однако развернутое заключение его записки объясняет, что проект Киселева, с точки зрения Меншикова, и без введения обязательности полностью подрывал экономическое и политическое положение дворян. Нарисовав в мрачных красках процесс разорения дворянства, неизбежности перехода значительной

части помещичьей земли к крестьянам и в результате упадка промышленности и застоя экономики, Меншиков подчеркивал, что главным условием постепенности освобождения крестьян должен являться не длительный срок его реализации, а постепенность прав, «сим освобождением предоставляемых». Это выразительное заключение имело целью доказать полную непригодность проекта Киселева. В конце же выдвигался наиболее убийственный, с точки зрения Меншикова, аргумент о том, что помещики никогда добровольно не пойдут на столь невыгодные для себя условия и, следовательно, новый указ не даст никаких результатов⁸⁴.

Очевидно, что противники предложений Киселева считали наиболее важным сокрушить регламентацию правительством взаимоотношений помещиков с освобождаемыми крестьянами и предоставить это решение самим помещиков. С этой целью они стремились доказать затруднительность выработки подобного единообразного порядка для всей страны, в чем были единодушны независимо от различия их позиций в крестьянском вопросе.

Вернемся, однако, к проекту, изложенному в ноябрьской записке Киселева, и рассмотрим, насколько существенны были внесенные в него изменения. Проект был подробно проанализирован В. И. Семевским⁸⁵, который отметил его внутреннюю противоречивость, но не смог дать этому убедительного объяснения, так как не понимал места документа в истории предложений Киселева по крестьянскому вопросу. Между тем разобраться в проекте можно лишь в сравнении его с рассмотренными нами более ранними документами. Характер изменений доказывает, что Киселеву были известны основные возражения членов комитета, отчасти отразившиеся в уже упоминавшихся «мнениях» Тучкова и Меншикова.

Желая представить новый проект не как отступление от своих прежних позиций, а лишь как развитие и конкретизацию отдельных моментов первого проекта, Киселев оставил без изменений и исторический очерк и аргументацию основных принципов. Но главная часть проекта, касавшаяся взаимоотношений помещиков с крестьянами, подверглась очень важным исправлениям, в иных случаях дававшим тем или иным статьям прямо противоположный характер по

сравнению с прежней их редакцией. Известные внутренние противоречия становились при этом неизбежными.

Наиболее существенные изменения коснулись величины крестьянского земельного надела, условий пользования лесом, прав лично свободных крестьян и некоторых сторон управления ими. Заметим, что именно этот круг вопросов вызвал основные нападки оппонентов.

Прежде всего выдвигался иной подход к установлению размеров крестьянского надела. Если ранее единой для всех имений нормой признавалось количество земли в 5,25 дес. на душу (из них крестьянин должен был 3,5 дес. обрабатывать на себя, а 1,75 дес.—на помещика), то теперь вводилась более дифференцированная система. Все помещичьи имения делились по степени обеспеченности землей и основному источнику дохода на три категории: земледельческие многоземельные, земледельческие малоземельные и промышленные (или промышленные). Для первой категории устанавливался максимум земли, «выше которого помещик не может обременять крестьян». В губерниях, где почва требовала удобрений, максимум устанавливался в 5,2 дес.; там, где этого не требовалось,—в 8,16 дес. Для земледельческих малоземельных и промышленных имений устанавливался минимальный размер надела: для первых—4 дес., для вторых—3 дес. Колебания в указанных пределах были возможны по добровольному соглашению между помещиками и крестьянами (ст. V, введение и п. 1—5). Таким образом, вводилась достаточно гибкая и дифференцированная система. Остальные изменения проекта касались ограничения предусмотренных в первых предложениях прав и преимуществ свободных хлебопашцев.

Существенным отличием нового проекта было введенное в него известное ограничение права лично свободных крестьян покинуть своего владельца и перейти на новые земли или вообще в другое сословие. Если раньше на это вообще не требовалось согласия помещика, то по новому проекту предусматривалось, что крестьянин, наделенный при освобождении землей из максимального расчета, может покинуть ее только с разрешения помещика. Тем самым обеспечивались интересы крупных землевладельцев, отпор которых готовящимся мерам мог быть особенно опасен.

Таким образом, в известной степени действительно отражая результаты более пристального изучения и продумывания конкретных условий сельскохозяйственного производства в России, в целом внесенные Киселевым в свой проект изменения носили более принципиальный характер. Он смягчал наименее приемлемые для крепостников положения, усиливая зависимость освобождаемых крестьян от помещиков, возвращая последним ряд отнятых было у них по проекту преимуществ. Это явилось симптомом поворота к реакционному решению вопроса и первым шагом к нему.

Ряд редакционных поправок, внесенных в проект должен был еще яснее подчеркнуть, что готовящиеся преобразования не нарушат дворянской собственности на землю. Это отразилось в самом наименовании освобождаемых крестьян: вместо названия «вольные хлебопашцы» вводился новый термин «обязанные крестьяне», поскольку с названием «вольные хлебопашцы» «доселе соединялось право владения землею»⁸⁶.

Значение, которое Киселев придавал этим формулировкам, он очень точно определил в последующей полемике с А. С. Меншиковым. В одном из возражений на замечания последнего Киселев писал: «Самое название *вольные* изменено, и ни от себя, ни от других не скрываю, что здесь предлагается не *свобода* по точному ее значению, но определительность в обязанностях каждого и важные для дворянства преимущества»⁸⁷. Этой оценки своего проекта автор, как мы увидим далее, будет придерживаться в течение всей работы комитета, возвращаясь к ней и много позже (примером тому служит текстуально почти совпадающая характеристика проекта в заметках 1848 г., касавшихся указа 2 апреля 1842 г.)⁸⁸. В рассматриваемой записке уже не было речи о возможности распространения впоследствии предлагавшихся в ней мер на все крепостное население России. Перспектива личного освобождения всех помещичьих крестьян, пусть в отдаленном еще будущем, составлявшая важный и закономерный компонент программы, обсужденной Киселевым с царем, теперь вообще исключалась из проекта.

Надо отметить, впрочем, что помимо изменений, придавших второму проекту более консервативный характер, он содержал более четкие формулировки и устранял некоторые очевидные противоречия прежнего. Если в первой записке всюду говорилось об

увольнении крестьян в вольные хлебопашцы, то теперь прямо было сказано о предоставлении им личной свободы. Кроме того, в ноябрьской записке в отличие от мартовской все намечаемые преобразования связывались с введением инвентарей—особых по каждому имению,—где должны были фиксироваться все условия между помещиком и крестьянами.

Таков был проект, с которого должно было начаться в Секретном комитете обсуждение путей решения порученной ему задачи и который, несмотря на уже проявившееся сопротивление, Киселев, несомненно, надеялся провести через комитет.

Сохранились еще два документа, которые позволяют, с одной стороны, лучше представить характер отношений, сложившихся между Киселевым и Меншиковым на этой стадии работы, а с другой—определить, в каком направлении готов был отступать Киселев в случае критики его проекта в комитете. Это ответы Киселева на записку Меншикова от 16 ноября 1840 г., сделанные на ее полях, и его же письмо к последнему от 18 ноября 1840 г.

На многие из замечаний Меншикова Киселев отвечал в том смысле, что изменения, внесенные им в проект, уже как бы учитывают эти предложения. Однако несколько возражений Меншикова встретили его резкий отпор. Это прежде всего относится ко всем утверждениям о невыгодности и даже вредности общины, сохранение которой Киселев считал непременным условием преобразования, и в этом он был тверд. В ответ на предложение Меншикова о подворном наделении землей он замечал: «Надел обществу и круговое оного ручательство в исправном исполнении повинностей дает более определительности и обеспечения». Не менее решительно возражал Киселев на замечание Меншикова относительно вредности для развития промышленности запрета употреблять крепостных крестьян для работы на принадлежащих помещику фабриках. «Употребление крестьян на фабриках по произволу владельцев,—писал Киселев,—составляет главнейшее основание рабства,—а потому сохранение этого предмета при стремлении к обращению поселян к правам гражданским было бы противоречие».

Судя по ответам Киселева, можно сделать вывод, что он был готов уступать своему оппоненту и его

возможным единомышленникам главным образом в круге вопросов, относящихся к строгому установлению пределов помещичьей власти над крестьянами. Так, отвечая на замечание Меншикова о том, что по обсуждавшемуся проекту помещик будет лишен возможности удалить со своей земли вредных и нерадивых крестьян, Киселев примирительно писал: «Удаление вредных может быть предметом особой статьи в отношении власти помещика, но по законному определению». Соглашался он также «обдумать случай, в котором покровительство это освобождаемым крестьянам (в судебных местах.— С.М.) возлагается на коронных чиновников»⁸⁹.

Отразившаяся в этом документе полемика достаточно ясно показывает, какую часть своих предложений Киселев был намерен решительно отстаивать в комитете и от какой части, представлявшейся ему менее важной, он считал возможным отказаться, если того потребует сложившаяся ситуация. Уступки эти должны были одновременно продемонстрировать его добрую волю к созданию приемлемой для всех членов комитета программы, которая бы, по справедливой оценке самого Киселева, уже не предусматривала «свободы по точному ее значению» ни в ближайшее время, ни даже в перспективе. Об этом свидетельствует письмо Киселева Меншикову, при котором последнему отправлялись ноябрьский проект и его «мнение» с ответами автора. «Я посылаю Вам мои соображения, сделанные на полях,— писал Киселев,— но особенно — новую редакцию проекта, представляемую мною в Комитет, которая явилась необходимым следствием материалов, доставленных мне из губерний. Я надеюсь, дорогой друг, что Вы будете удовлетворены. Если же нет, то я готов Вас слушать и следовать всем Вашим указаниям, что должно привести к результату, который не отвергнет Ваш столь просвещенный ум и Ваше сердце»⁹⁰.

Спокойный и примирительный тон обоих документов убеждает в том, что накануне открытия в комитете серьезного обсуждения его проекта Киселев не сомневался в успехе, которого легко будет достичь ценой незначительных уступок. Подготовительный этап был завершен, из проекта устранены наиболее уязвимые стороны, казалось, что остается уже привычная бюрократическая процедура.

3 января 1841 г., более чем через год после первого заседания Секретного комитета, состоялось наконец второе его заседание⁹¹. Откладывать исполнение порученной комитету задачи оснований не было: документ, подготовленный в качестве основы для будущего положения, был представлен уже во второй, подробной редакции. Иные проекты представлены не были, и предстоявшая дискуссия могла разворачиваться только вокруг проекта Киселева, корректируя или дополняя его, с тем чтобы превратить в законодательный акт. Однако критические замечания, высказанные еще до начала дискуссии, показали, что программа Киселева либо в целом, либо в очень существенных своих моментах отвергается по крайней мере частью членов комитета.

Представив в середине ноября вторую, исправленную редакцию проекта и ожидая, пока с ней ознакомятся члены комитета, Киселев принимал некоторые подготовительные организационные меры. Между концом октября 1840 г. и началом января 1841 г. делопроизводство Секретного комитета было передано из I отделения с.е.и.в. канцелярии в V отделение. Правителем дел комитета вместо В. Я. Ханькова стал ближайший сотрудник Киселева В. И. Карнеев⁹². Можно с уверенностью предположить, что перестройка эта была инспирирована Киселевым. Сосредоточение всего делопроизводства комитета в руководимом им учреждении позволяло ему не только взять в свои руки дальнейшую работу над готовящимся законодательным актом, но и обеспечить себе влияние на официальную фиксацию всего хода предстоящего обсуждения. Таким образом, стороны готовились к бою. Подобная организационная перестройка не могла произойти без согласия царя, и это доказывает, что Николай I еще продолжал поддерживать программу Киселева, создавая для ее успеха в комитете благоприятные условия.

На заседании 3 января присутствовали все члены Секретного комитета в его новом составе: Васильчиков, Блудов, Киселев, Левашев, Меншиков, Орлов, Панин, Танеев, Тучков и новый управляющий делами Карнеев⁹³. С этого дня работа комитета отражалась не только в журналах его заседаний и других официальных документах, фиксировавших лишь конечный результат обсуждения, но и (гораздо полнее) в записках для памяти, составлявшихся А. С. Меншиковым после

каждого заседания. Именно по ним довольно точно восстанавливается и ход дискуссии, и аргументация ее участников, и непосредственная реакция на происходящее, которую вообще не выявляет официальное делопроизводство.

На заседании был прочитан ноябрьский проект Киселева, после чего его автор предложил всем членам комитета, не согласным «с его началами», представить к следующему заседанию свои письменные возражения. Любопытно, что, как писал Меншиков, «большая часть членов отозвалась недостатком времени». Очевидно, им казалась предпочтительнее общая устная дискуссия.

Тогда Васильчиков предложил на следующем заседании начать рассмотрение проекта по статьям, что и было принято. В сущности после этого можно было закрыть заседание. Однако именно в этот момент были произведены первые атаки на проект Киселева, коснувшиеся самых принципиальных вопросов, связанных с характером будущих преобразований. Начал их министр юстиции Панин, потребовавший, чтобы комитет еще до начала обсуждения проекта по статьям решил вопрос об обязательности или добровольности нового положения. То, что именно этот вопрос первым был поставлен в комитете, подтверждает дальновидность Киселева, заблаговременно устранившего из своего проекта пункт о возможной в будущем обязательности положения. Не стал он защищать этот пункт и в возникшей после выступления Панина устной дискуссии. «Общий голос был,—писал А. С. Меншиков,— что обязательным быть не может, и кн. Васильчиков объявил, что он первый не подпишет, ежели оно признается обязательным».

Возможно, обсуждение вопроса на этом бы и закончилось, но последовавшее выступление Меншикова повернуло его совсем в другую сторону. Видевший свою задачу в обострении всех спорных вопросов, Меншиков не преминул указать членам комитета на то, что необязательное для всего дворянства новое положение окажется обязательным для выработавших его членов Секретного комитета и что «правительство, имея стремление к сему нововведению, вправе будет потребовать от них и исполнения того, что сами одобрили»⁹⁴. Тем самым проект, который предстояло рассмотреть, потерял для каждого члена комитета характер теоре-

тических государственных соображений, но прямо коснулся их личного благосостояния. Взаимосвязь этих мотивов, как ее воспринимали современники, очень выпукло отразилась в дневнике М. А. Корфа, писавшего: «Наши великие люди, подстрекаемые в особенности Киселевым, которому, не имея ни состояния, ни детей и живя врозь с женою, можно всем рисковать и очень хочется попасть в историю, наши великие люди, повторяю, увлекаемые, по-видимому, либеральными идеями, а в существе каждый какими-нибудь личными интересами, давно уже хлопочут разными путями об эмансипации наших крепостных людей или по крайней мере о первом к тому приступе, идя от того начала, что ежели не сделать тут первого шагу со стороны правительства и помещиков, то должно опасаться, что крепостные люди, увлекаемые духом времени, сами потребуют и возьмут свое и тогда уже труднее будет уступать, нежели теперь *дарить...*»⁹⁵

Это новое освещение проблемы естественно повлекло за собой необходимость одобрить или отвергнуть основные принципы («начала») рассматриваемого проекта. При этом возникла нужда договориться сперва о том, что считать «началами» — освобождение ли крестьян в принципе или метод его осуществления. Возникший вокруг этого вопроса «шумный разговор» необычайно показателен для определения различных позиций членов Секретного комитета. По изложению Меншикова, часть членов, как бы игнорируя «высочайшее повеление», считала, что к «началам» проекта относится «политическая цель освобождения крестьян», и, таким образом, пыталась обсуждать, нужно ли вообще освобождать крестьян. Другие же, считая данный вопрос предрешенным, видели задачу комитета и, следовательно, «начала» обсуждаемого проекта лишь в «образе исполнения»⁹⁶.

Меншиков не привел в своей записке фамилии сторонников обеих точек зрения, однако уже известные нам факты позволяют с уверенностью назвать среди защитников второй позиции Киселева, Тучкова и, вероятно, Васильчикова. Сторонникам первой точки зрения все же удалось развязать дискуссию, что подтверждается собственными словами Меншикова в памятной записке, где он изложил и свой ответ на вопрос, следует ли освобождать крестьян, тем самым явно считая его предметом дискуссии: «Я выразил при сем,

что ежели спросят: полезно ли дать свободу помещичьим крестьянам? Я скажу: с ограничениями, да. Полезно ли уничтожить рабство в России? — Рано»⁹⁷. Последовал, как писал Меншиков, «шумный разговор без заключения», однако программа будущего заседания — обсуждение проекта Киселева по статьям — осталась без изменения.

Мы видим, что обсуждение проекта Киселева в Секретном комитете началось в сущности с того, что реакционно настроенные члены сделали попытку его отвергнуть. Легко объяснить, почему прежде всего был поставлен вопрос об обязательности нового положения. Эта идея, промелькнувшая в первой редакции проекта в качестве перспективы, представляла для них наибольшую угрозу. Устранение ее из второй редакции не давало еще гарантии окончательного отказа от такой перспективы. Между тем принципиальное решение комитета по этому вопросу определяло дальнейшую тактику реакционной части его членов. Введение предлагаемых мер как обязательных означало бы — что всем было ясно — начало уничтожения крепостной зависимости. В противном же случае оставалась возможность добиться такого изменения проекта, которое предопределило бы нереальность его осуществления в рамках добровольных соглашений. Успех первой попытки позволил оппонентам Киселева поставить под сомнение саму цель работы комитета и попытаться проверить, нельзя ли вместо обсуждения проекта обратиться к заведомо бесплодным спорам о принципиальной необходимости освобождения крестьян. Но это находилось в слишком явном противоречии с прямыми указаниями царя, и здесь им пришлось отступить.

Дискуссия на втором заседании не только наметила размежевание сил внутри комитета, но и предопредила в какой-то степени поведение сторон в будущем. Киселеву было необходимо переходить к решительным действиям, не позволяя уклоняться от решения основных задач, порученных комитету. Его противники, не получив серьезного отпора на этом заседании, почувствовали возможность дальнейшего сопротивления и осознали неизбежность более длительной борьбы. Все это наглядно проявилось в ходе следующего заседания комитета.

Заседание 10 января началось, как и полагалось, чтением журнальной записки, излагавшей результаты

предыдущего заседания. Вокруг этого и возник первый открытый конфликт. Стремясь как можно скорее добиться одобрения комитетом основы своей программы, Киселев попытался несколько форсировать события и сделал крайне неосторожный шаг. В составленной В. И. Карнеевым журнальной записке было сказано, что «проект гр. Киселева в общих началах одобрен всеми членами»⁹⁸. Ставя членов комитета перед фактом подобного резюме, не соответствовавшего действительности, Киселев, очевидно, рассчитывал, что его противники не решатся открыто оспаривать эту формулировку. У него в сущности были для этого все основания и до определенного момента еще не возникали сомнения относительно своей доминирующей роли в комитете. Однако члены комитета, уже на первом заседании продемонстрировавшие свое нежелание играть роль простых статистов, дали теперь Киселеву еще более решительный отпор. Против формулировки журнальной записки немедленно выступил Меншиков, поддержанный Блудовым, и редакцию пришлось изменить. Формулировка, внесенная в окончательный текст журнальной записки, носила уже совершенно нейтральный характер. Она не одобряла и не отклоняла «начал» проекта Киселева, но признавала лишь, что они достойны «всякого уважения».

Получив такой неожиданный афронт и не добившись сразу одобрения общих принципов своей программы, Киселев должен был перейти к отстаиванию ее пункт за пунктом. Для освежения в памяти членов комитета начала его деятельности была прочитана журнальная записка заседания 1839 г. и лишь затем вернулись к проекту Киселева, успев огласить только четыре статьи. Как сообщил А. С. Меншиков, дальше продвинуться не удалось «за многими спорами, до двенадцатого часа нас доведшими»⁹⁹. Разногласия оказались достаточно серьезными, устная дискуссия не слишком плодотворной, и было принято решение представить к следующему заседанию письменные мнения о пятой статье проекта (о крестьянских наделах, правах и повинностях), как самой главной.

Хотя еще на предыдущем заседании постановили собираться еженедельно по пятницам, однако это не было соблюдено, и на свое третье заседание комитет собрался лишь через месяц, 14 февраля 1841 г.

Итак, замысел Киселева потерпел неудачу: ему не удалось добиться быстрого и решительного одобрения своей программы. Его противники убедились, что позиции Киселева не столь уж непоколебимы, и укрепились в намерении сопротивляться его проекту.

Во второй половине января 1841 г. большая часть членов Секретного комитета представила свои замечания на проект Киселева (Блудов, Панин, Меншиков, Строганов и Тучков). Как и следовало ожидать, они не ограничились рассмотрением одной только пятой главы, а высказались по всем пунктам, вызвавшим у них сомнения. Поданные «мнения» разделяются на две части: к первой принадлежала записка А. С. Меншикова, отвергавшего проект Киселева в принципе и предлагавшего совершенно иные условия освобождения крестьян, ко второй — остальные записки. Авторы их, заявив на словах о признании проекта Киселева как основы решения поставленной перед комитетом задачи (хотя заседание 3 января достаточно убедительно показало отсутствие единства и в этом общем вопросе), возражали, однако, против таких важных его пунктов, что изменение их в соответствии с требованиями оппонентов вовсе обесценило бы первоначальный замысел проекта.

Первым 17 января представил свое «мнение» В. Н. Панин. В точном соответствии с заданием комитета он рассмотрел только содержание пятой главы киселевского проекта. Сущность мнения Панина сводилась в основном к двум предложениям: во-первых, не определять вовсе в будущем положении меру крестьянского надела, предоставив это или Министерству государственных имуществ, или Министерству внутренних дел, и, во-вторых, определять повинности крестьян рабочими днями, а не количеством земли, которую крестьянин должен был обработать на помещика. Свои предложения он мотивировал невозможностью введения единых норм для всех частей России вследствие различия природных условий. Предлагавшиеся Киселевым нормы крестьянских наделов казались ему приемлемыми только для северных и части средних губерний, для остальных же он считал их завышенными¹⁰⁰. Хотя записка была составлена с присущей Панину лаконичностью и сухостью, ее автор не мог скрыть, что предложения Киселева вообще не вызывают у него особого восторга. Для уяснения позиций

Панина показательно то, что в его мнении совершенно обойдена задача постепенного освобождения крестьян и само это выражение ни разу не употреблено.

Несколько иной характер носила записка Д. Н. Блудова, датированная 19 января. Выступая, как и Панин, против излишней, с его точки зрения, регламентации отношений помещиков и крестьян, предусмотренной проектом Киселева, Блудов мотивировал свои возражения иначе. Он выдвигал опасения, что помещики вряд ли согласятся освобождать своих крестьян на таких основаниях. При этом Блудов прямо называл освобождение крестьян «великой и святой целью», подчеркивая, однако, что уничтожение рабства должно протекать постепенно, «без опасности для общественного порядка и спокойствия». Таким образом, если Панин открыто критиковал проект, представляя своекорыстные интересы помещиков, то Блудов, казалось, был очень близок к позиции Киселева и искал лишь более реальных путей достижения желаемой цели. По существу же его замечания не только совпадали с замечаниями Панина, но и шли дальше. Так, Блудов возражал против точного определения не только земельного надела, но и крестьянских повинностей. «Нельзя определить,—говорится в его записке,—никакой общей для всех сих повинностей меры и, следовательно, и объявлять об оной в указе или положении»¹⁰¹. Все эти вопросы должны были, по его мнению, решаться договором между помещиком и крестьянами, а выработанные условия Блудов предлагал сообщить министерствам государственных имуществ и внутренних дел «для сведения в их занятиях». Касался Блудов и вопроса о выкупе крестьянами своей личной свободы. Предложенный Киселевым размер выкупа он считал недостаточным и предоставлял определение этой суммы все тому же добровольному соглашению помещиков и крестьян. Кроме того, он предлагал им разрешить заключать договоры о выплате крестьянами некоторой ежегодной суммы вместо единовременного выкупа. Еще одно важное замечание Блудова шло в русле возражений, сделанных и устно и письменно наиболее активными оппонентами Киселева. Он утверждал, что предлагаемое положение, значительно ослабляя власть помещиков, не дает убедительных гарантий исполнения крестьянами своих обязательств. Не выдвигая взамен

никаких позитивных предложений, он явно указывал на необходимость сохранения и расширения прав помещиков.

П. А. Тучков послал свое мнение управляющему делами Секретного комитета В. И. Карнееву 22 января¹⁰². Как и другие авторы, Тучков прежде всего возражал против деления имений на многоземельные, малоземельные и промышленные. Ссылаясь на различные условия ведения хозяйства в разных частях России, Тучков заявлял, что «нет возможности подводить имения под общие правила». Это означало отказ от нормирования государством размеров крестьянского надела и объема повинностей. Заявив на словах о справедливости способа определения повинностей, предложенного Киселевым, Тучков поддержал тем не менее предложения об определении повинностей рабочими днями. И в этой записке были высказаны опасения насчет ослабления помещичьей власти и отсутствия в проекте Киселева гарантий для помещиков в получении ими полагавшегося им дохода. В этой связи Тучков предлагал внести в проект пункт, по которому обязанные крестьяне в случае неуплаты в срок оброка или уклонения в течение полугода от обработки помещичьей земли могли быть обращены снова в крепостное состояние до выполнения ими всех повинностей. Недостаточным казался Тучкову и размер выкупа, определенный в проекте; он предлагал увеличить и его, и повинности за пользование усадебною и выгонною землею*.

И наконец, последним (24 января) представил свои замечания А. Г. Строганов. Из всех «мнений» оно было самое развернутое и содержало наиболее обоснованную критику предложенного Киселевым деления имений на три категории по степени их обеспеченности землей. Строганов убедительно доказал, что данный

* Как уже упоминалось, каждое «мнение», полученное Киселевым, возвращалось им в Секретный комитет с письменными возражениями. Ответа Киселева на данную записку Тучкова в делопроизводстве комитета нет, есть лишь ответные замечания на его же первую записку, рассмотренную нами. И по ее построению, и по характеру возражений Киселева ясно, что он комментировал эту записку Тучкова вместе с «мнениями» других членов, представленными в январе. Трудно сказать, как это произошло; можно лишь предположить, что, составив ответ на первую записку Тучкова и увидев затем, что вторая не слишком отличается от нее, Киселев решил ограничиться уже готовыми возражениями.

проект, не учитывавший ни качества почв и необходимости большего или меньшего их удобрения, ни состояния скотоводства, не дает возможности уравнилельно считать повинности, ибо обработка одинакового количества земли в черноземной и нечерноземной полосе требует совершенно различного количества труда. Рассматривая далее размеры крестьянских наделов и объем повинностей, Строганов утверждал, что надежды, предлагаемые Киселевым, велики, а повинности малы. «Все вышеприведенные причины,—резюмировал он свои рассуждения,—ведут к общему заключению, не лучше ли в постановляемых правилах не определять ни количества земли, ни примеров платы за полное освобождение, но предоставить это добровольному обоюдному условию, подлежащему утверждению со стороны правительства»¹⁰³.

Мнение Строганова свидетельствует об отрицательном отношении его не только к конкретным предложениям Киселева, но и к самой задаче освобождения крестьян. В записке улавливается даже трудно скрываемое раздражение проектом вообще. Строганов писал о «лишениях», которым подвергнутся владельцы при переводе своих крестьян в обязанные и которые совершенно не компенсируются предусмотренными повинностями, о «праздности и разврате» крестьян, которые повлечет за собой, по его мнению, введение нового порядка в отношения между помещиками и крестьянами. Таким образом, большинство оппонентов Киселева в комитете единодушно возражали против предлагавшейся им регламентации наделов и повинностей правительством. И хотя формально эта критика была направлена против конкретных предложений о дифференциации наделов, об объеме и формах повинностей, размерах выкупа, но ясно, что, как бы ни совершенствовал Киселев свои расчеты, критика продолжалась бы до тех пор, пока не был бы устранен сам принцип.

Записка А. С. Меншикова поступила в комитет 10 января. Критическая ее часть совпадала и с «мнениями» других членов комитета, и с его собственными замечаниями на первую редакцию проекта Киселева, нам уже знакомыми. Именно это наглядно показывает, что уступки Киселева в частностях не меняли отношения его критиков к программе в целом. Изменения, внесенные автором при переработке проекта, не

удовлетворили Меншикова, ибо его интересовали не размеры надела и повинностей, о которых считали нужным спорить другие члены комитета, а те стороны плана Киселева, которые могли в будущем привести к отчуждению в пользу крестьян части помещичьих земель. Поэтому, указав на невыгоду для помещиков предлагаемых условий, на чрезмерное наделение крестьян землею, на малый объем повинностей, главный свой удар Меншиков направил на общинное землепользование, которое, по его мнению, привело бы к утрате дворянством его безусловного права на владение землей. Предложения Меншикова решительно отличались и от программы Киселева, и от «мнений» других членов комитета. Ссылаясь на исторические примеры освобождения крестьян в Австрии, Богемии, Дунайских княжествах, Франции и Англии, Меншиков выбрал в качестве образца английский вариант, которому, по его мнению, следовала и реформа в Остзейских губерниях. Он писал: «В Англии земля принадлежит так же, как и в Австрии, помещику, но там она отдается крестьянину не потомственно, а на срок. Так же в наших Остзейских губерниях и Финляндии. Однако же в Англии земледелие образцовое. Сельское хозяйство там процветает в высшей степени». В этом варианте для Меншикова было наиболее привлекательным сохранение монопольного дворянского землевладения без отяготительной к середине XIX в. для помещика (в особенности крупного) необходимости использовать крепостной труд или быть связанным какими-либо неразрывными договорами с крестьянами. Меншиков писал, что находит справедливым только способ освобождения крестьян, употребленный в Остзейских губерниях, «а именно, чтобы земля оставалась собственностью помещика, а крестьяне имели право личной свободы, применив к сему основному началу правила о половниках с подворным наделением»¹⁰⁴. Дополнительно предлагалось запретить помещикам освобождать крестьян сразу целыми вотчинами.

Предложения Меншикова, не представлявшие собой разработанного в подробностях плана, каким являлся проект Киселева, обозначали, однако, новый этап в работе Секретного комитета: одним принципам будущей реформы (наделение крестьян землей и регламентация повинностей в соответствии с размером надела, общинное землепользование) были противопо-

ставлены совершенно другие (личное освобождение крестьян без земли, открывавшее помещику возможность договариваться с крестьянами подворно без вмешательства правительства). С этой минуты Киселев не только утратил преимущества своего положения как автора единственного обсуждаемого в комитете проекта, но и оказался перед необходимостью защищать свой проект реформы и активно бороться против другого, с его точки зрения, совершенно неприемлемого.

Представленные «мнения» других членов комитета вместе с тем показали и расстановку сил в нем. Среди них не нашлось ни одного, кто безоговорочно поддерживал бы проект Киселева. Большая часть замечаний, довольно единодушных по существу, хотя и выраженных в разной форме, касалась размеров надела, способа определения повинностей и сводилась к предложению предоставить это соглашению помещиков с крестьянами, возможно, под контролем правительственных органов. Однако, как мы видели, и аргументация и общий дух представленных замечаний значительно отличались друг от друга. Если одни (как Блудов) считали нужным выразить солидарность с общими идеями Киселева и полемизировали только с конкретными его предложениями о путях их реализации, другие (как Панин) строго следовали поставленному комитетом вопросу и критиковали пятую главу, не подвергая сомнению проект в целом, то критическая часть записки Строганова перевешивала его сравнительно умеренные конкретные предложения и в какой-то степени дискредитировала весь проект.

Позиция председателя комитета И. В. Васильчикова, не представившего письменного «мнения», может быть до известной степени выяснена на основании сохранившихся в его архиве замечаний на полях текста ноябрьской записки Киселева. Замечания эти чисто редакционного характера, некоторые из них указывают на необходимость более точной связи формулировок Киселева с формулировками существующего законодательства. И лишь в одном из них Васильчиков высказался по существу дела, предложив определять повинности рабочими днями, «количество же дневной работы определить инвентарем»¹⁰⁵. Очевидно, что Васильчиков не выдвигал сколько-нибудь серьезных возражений против проекта Киселева.

Получив записки членов комитета, Киселев должен был еще раз глубоко продумать всю линию своего дальнейшего поведения. Комитет единодушно отверг главный стержень его программы — регламентацию отношений крестьян и помещиков «сверху», законодательным путем. Кроме того, был выдвинут другой, по мнению Киселева, гибельный проект. В сложившейся ситуации для него возможны были два пути: либо продолжать последовательно добиваться одобрения комитетом своей программы, борясь одновременно с предложениями Меншикова и с сопротивлением остальных членов, либо подчиниться мнению большинства и, отстояв все, что возможно, общими силами покончить с проектом Меншикова. Первый путь, однако, был реален только в том случае, если царь решился бы оказать открытое давление на комитет, состоявший из крупнейших сановников империи. О такой поддержке заявлено не было, и Киселеву пришлось стать на второй путь. Как было показано, критика большинства членов комитета была направлена в основном против трех пунктов проекта: регламентации размеров крестьянского надела, определения повинностей количеством земли и ослабления внеэкономического принуждения крестьян помещиками в результате уменьшения их административных прав и юрисдикции. К переработке всех этих частей своей программы Киселев и приступил немедленно. Дальнейший ход событий показал, что, перерабатывая проект в духе требований большинства, Киселев тем не менее не считал борьбу законченной и продумывал одновременно способы иным путем провести свою программу в жизнь.

В новом варианте проекта (назовем его февральским) предлагалось предоставить добровольному соглашению помещиков и крестьян как размеры надела, так и объем повинностей крестьян, причем повинности, согласно пожеланиям большинства комитета, должны были определяться количеством рабочих дней. Вторым важным пунктом отступления Киселева от его первоначальных позиций была статья, освобождавшая помещика от необходимости в судебном порядке добиваться получения причитающегося ему дохода или повинностей. По новому проекту помещик мог обратиться к уездному предводителю дворянства. приговор которого, вынесенный совместно с земским исправником и уездным стряпчим, должен был немед-

ленно приводиться в исполнение, и лишь потом недовольная сторона могла обжаловать его в судебном порядке¹⁰⁶.

Таким образом, перерабатывая проект, Киселев считал возможным отказаться от очень существенных моментов своей программы, что в значительной степени ее обесценивало. Но в новой редакции проекта были сохранены некоторые очень важные, с точки зрения автора, идеи (крестьянские повинности за предоставленную помещиком землю и общинное землепользование). Кроме того, в проекте все же оставалась известная регламентация, вносившая в будущее добровольные соглашения известный элемент воздействия государства. Так, пункт 11 второй статьи вводил требование, чтобы «количество надела по среднесложному урожаю хлеба могло быть достаточно: 1) для продовольствия семейств; 2) для уплаты подати и 3) для составления запасов»¹⁰⁷. Проект оставлял за обязанными крестьянами право уйти при определенных условиях от помещика и перейти в другое состояние. Формулировки этих условий, связанных преимущественно с соответствием количества земли у помещика нормам наделов, остались в новой редакции проекта почти без изменений, хотя само нормирование надела уже исчезло из него. Это открывало возможность косвенного влияния на размеры наделов и повинностей, тем более что февральский проект Киселева содержал также и новое предложение о порядке составления соглашений помещиков с крестьянами и контроля за ними. Для рассмотрения их создавались губернские комиссии в составе начальника губернии, губернского предводителя дворянства, председателя казенной палаты, управляющего палатой государственных имуществ и губернского прокурора, «решения которых передавались на рассмотрение подлежащего министерства». Но что самое главное, комиссиям этим вменялось в обязанность «удостовериться в удовлетворительном назначении надела землею крестьян по II ст. сего положения и в соразмерности определенных в пользу помещика повинностей»¹⁰⁸.

Теперь Киселев представлял на рассмотрение комитета не теоретические принципы или «начала» решения крестьянского вопроса, как в прежних своих записках, но собственно проект законодательного документа на уже согласованной основе. Подготовленный таким образом

в феврале 1841 г. компромиссный вариант проекта он мог рассчитывать легко провести в комитете, опираясь на его большинство. Для этого Киселев взял из своей ноябрьской записки только конкретные предложения, переработал их в указанном смысле и дал им заглавие: «Главные основания правил, по которым помещики могут увольнять крестьян своих в обязанные крестьяне».

Когда переработка проекта была закончена, Киселеву не составляло уже большого труда написать ответы на «мнения» Блудова, Панина, Строганова и Тучкова. Основные их замечания были учтены, частные же (многие из которых отпадали вместе с более важными и общими изменениями) не требовали серьезных обоснований. Лишь в некоторых случаях Киселев считал нужным входить в подробную письменную полемику со своими критиками. Так, например, отвечая на замечания Блудова о том, что проект не дает помещику средств для принуждения крестьян исправлять свои повинности при общинной, а не личной ответственности, Киселев подробнейшим образом описал меры принуждения, которыми располагает община, указывая также на дополнения, внесенные при переработке проекта¹⁰⁹. В большинстве же случаев Киселев ограничивался кратким указанием на изменения, внесенные в проект «согласно замечаний гг. членов Комитета»¹¹⁰.

Совершенно иначе выглядит ответ Киселева на возражения А. С. Меншикова. Это краткое, но очень основательно аргументированное изложение его взглядов на проблему в целом. Именно сжатость документа делает его в каком-то смысле более выразительным, чем даже ноябрьская записка Киселева, где те же воззрения рассеяны по всему обширному тексту. В мнении Меншикова Киселев различал две группы замечаний: «1) замечания противу основных начал проекта и 2) замечания на разные частные правила». Естественно, что основная полемика шла по главным вопросам. Доказывая, что основные начала его проекта, «соединяя взаимные выгоды помещиков и крестьян, обеспечивают и выгоды государственные определенным устройством главной массы народонаселения», Киселев подробно рассмотрел основные начала проекта Меншикова и считал их противоречащими этой главной задаче. Открываемый проектом Меншикова произвол помещиков в решении крестьянского вопроса привел бы, по его мнению, к тому, что помещики.

«соблюдая исключительно свои выгоды, образуют систему фермерства. Они раздадут большие участки зажиточным крестьянам и, может быть, на условиях обоюдных, но взамен того $\frac{9}{10}$ населения не будет иметь ни земли, ни пристанища...». Тогда возникнет новый класс, лишенный постоянных средств к существованию,— состояние, по мнению Киселева, опасное для спокойствия государства. Вслед за тем Киселев нарисовал трудности, вытекающие из новых социальных условий в сборе податей, в организации рекрутской повинности, в необходимости расхода крупных государственных средств на содержание нескольких миллионов безземельных крестьян и на борьбу с беспорядками, каких только можно ожидать от народа «неоседлого, доведенного до крайности нищетою»¹¹¹. Угроза возникновения многочисленного пролетариата и здесь выдвигалась Киселевым как главный аргумент против подлинно безземельного освобождения крестьян.

Нарисовав эти мрачные перспективы, в дальнейшей полемике с Меншиковым он весьма ловко использовал против оппонента его собственную логику. Напомним, что Меншиков предложил вариант решения крестьянского вопроса не сам по себе, а как бы исходя из несовершенства киселевского проекта, в частности из невозможности убедительно регламентировать сверху взаимоотношения помещиков и обязанных крестьян. Теперь этот способ рассуждения был обращен против него. «Изыскивая все средства,— писал Киселев,— согласить обоюдные выгоды помещиков и крестьян с подчинением тех и других необходимому условию общего государственного благоустройства, можно в сем случае принять среднюю меру, т. е. отклонить главное обстоятельство, из которого возникли замечания под лит. М. (т. е. замечания Меншикова.— С. М.), и именно не определять непременно нормой для наделения обязанных крестьян землею, но предоставить назначение сего надела обоюдному соглашению помещиков и крестьян...»¹¹² Разбирая другие сделанные им в проекте отступления от первоначальной программы, Киселев как бы приводил членов комитета к мысли, что все конкретные предложения Меншикова им учтены, а выдвинутые им «основные начала» достаточно убедительно опровергнуты.

Прежде чем рассмотреть дальнейшую деятельность комитета, попытаемся разобраться в очевидном к этому

времени размежевании позиций его членов. Характерно, что одну отчетливо выраженную группу составляли авторы двух взаимоисключающих проектов, другую же — в большей или меньшей степени — остальные члены Секретного комитета. При всей противоположности проектов Киселева и Меншикова в их конкретном содержании оба варианта отличала одна главная черта: поиски путей решения крестьянского вопроса. Предлагавшиеся ими пути были совершенно различны. Именно эти два самых активных члена Секретного комитета оставили наибольшее количество источников, позволяющих судить о их взглядах и тактике. В ином положении находится исследователь по отношению к остальным членам комитета, лишь часть которых обосновала письменно свою позицию, в то время как другие совсем не оставили своих «мнений». Судить об их позициях можно главным образом по результатам заседаний и по конечному итогу деятельности комитета.

В чем же состояло принципиальное различие между программами Киселева и Меншикова с точки зрения перспектив социально-экономического развития России? Мы не можем согласиться с В. И. Семевским, сводившим преимущества проекта Киселева только к регламентации взаимоотношений помещиков с крестьянами при сохранении общинного землепользования. Последнему пункту Семевский в соответствии со своими либерально-народническими взглядами придавал особенное значение как препятствию к переходу земли в собственность мелких крестьянских хозяйств, открывающему путь капиталистическому развитию и расслоению в среде крестьянства. Новые документы вскрывают те стороны позиции Киселева, которые были завуалированы в представленных в комитет документах и поэтому остались неизвестными Семевскому¹¹³.

Прогрессивное значение программы Киселева и путей ее осуществления, предложенных им царю, состояло в том, что открывался пусть длительный, но реальный путь эволюции помещичьей деревни от ничем не ограниченного крепостного права к его уничтожению. Этапом этого пути должны были явиться личное освобождение, свобода перехода и обязательность предоставления крестьянам в пользование части помещичьей земли. Меры же, предложенные Киселевым царю, должны были обеспечить преодоление со-

противления дворянства, изменение положения крестьян, не ставших еще «свободными хлебопашцами», и превращение предлагаемых условий со временем в обязательные. Такое решение крестьянского вопроса диктовалось верховной властью, которую в этом случае, несомненно, представлял Киселев, задачами экономического развития России, а также сознанием невозможности дальнейшего сохранения крепостничества и заложенной в нем угрозы крестьянской революции. Объективно оно отражало задачу сохранения самодержавия. Необходимо было найти вариант решения крестьянского вопроса, который не только отвечал бы прямым интересам помещиков, но и устранял бы непосредственную угрозу крестьянского протеста. Кроме того, интересы дворянства к этому времени не были уже едины, что не могло не учитываться государством.

Программа Меншикова как раз и отражала интересы только части помещиков — тех крупных землевладельцев, которые стремились перейти к капиталистическому ведению хозяйства, тяготились малопродуктивным крепостным трудом и необходимостью поддерживать на определенном уровне крестьянское хозяйство, с завистью смотрели на своих западных соседей, извлекавших максимальный доход от наемного труда в своих обширных латифундиях.

Решение крестьянского вопроса по варианту Меншикова также открывало путь капиталистическому развитию России. Однако этот путь учитывал лишь своекорыстные интересы крупных земельных собственников, и прогресс достигался ценой невероятных лишений основного производительного класса — крестьянства. Проект Меншикова не решал ни одной из важных для государства задач: он не устранял, а, наоборот, даже провоцировал протест крестьянства и очень однобоко подходил к экономическим проблемам. Более того, в конкретных условиях тогдашней России он был невыполним и, следовательно, утопичен. Образование значительных масс сельскохозяйственного пролетариата, неизбежное при полностью безземельном освобождении крестьян, стало бы неразрешимой проблемой при относительно слабом развитии промышленного производства в тогдашней России. Освобождение без земли было бы воспринято крестьянством как жесточайшее насилие над ним. И наконец, коренная ломка хозяйства,

предполагавшаяся в результате осуществления проекта Меншикова, не была бы поддержана основной массой дворянства, не имевшей никаких предпосылок для его быстрой перестройки на капиталистический лад. Именно поэтому проект Меншикова был столь единодушно отвергнут в комитете. Большая часть его членов хотя и не заявляла вслух о своих крепостнических взглядах, на деле руководствовалась только ими. На всем протяжении работы комитета это большинство, с мнением которого постоянно приходилось считаться не только Киселеву и Меншикову, но и царю и которое в конце концов определило судьбу порученного комитету дела, имело только одну задачу: любыми способами воспрепятствовать коренным переменам в положении помещичьих крестьян. Для этого в сущности нужно было добиться только передачи решения всех связанных с этим вопросов на усмотрение помещиков. При этом можно было быть уверенным, что готовящийся закон, как и указ 1803 г., не произведет никаких коренных перемен в русской деревне, а условия, которые все же будут заключать некоторые помещики с крестьянами, обеспечат их собственные интересы.

Третье заседание Секретного комитета никаких результатов не имело¹¹⁴.

Четвертое заседание Секретного комитета, состоявшееся 28 февраля, принесло реакционному большинству новый успех и дало новые средства для сопротивления. Прежде чем приступить к обсуждению проекта Киселева, председатель комитета И. В. Васильчиков огласил текст нового «высочайшего повеления»¹¹⁵. За полтора года работы комитета это был всего лишь второй документ, в котором Николай I официально заявлял о своей позиции, и документы эти противоречили друг другу. Если, определяя в 1839 г. задачи Секретного комитета, император призывал его членов искать новые пути решения крестьянского вопроса, «не стесняясь нынешним положением о свободных хлебопашцах, которое новым положением изменится», то теперь, наоборот, подчеркивалось, что возложенные на комитет «занятия истекают из существа указа 1803 года». Это касалось, впрочем, только свойственного данному указу принципа добровольности, ради гласного подтверждения которого в комитете и было составлено новое «повеление». В нем совершенно четко

было сформулировано, что император «как прежде не имел, так и ныне не имеет намерения дать когда-либо предполагаемому дополнению указа 1803 года силу обязательного закона», а комитету было предписано, чтобы собственное желание помещиков было принято главным основанием означенного дополнения»¹¹⁶.

Поскольку в «повелении» 1839 г. не были выражены никакие конкретные пожелания о характере будущих отношений помещиков и крестьян, и в частности о добровольности или обязательности нового положения, то в 1841 г. царь мог утверждать, что его позиция в этом вопросе неизменна и что он лишь считает нужным еще раз о ней напомнить. В действительности это было вовсе не так. Одоблив и первую редакцию проекта Киселева, и направленные лично ему предложения последнего о способах его реализации, Николай I тем самым согласился и с заложенной в них перспективой превращения готовящегося закона в обязательный. Очевидно, однако, что последующая борьба вокруг проекта Киселева заставила царя по-новому заявить о своей официальной позиции.

Вряд ли можно согласиться с В. И. Семевским, не заметившим в «повелении» «ничего противоречащего проекту Киселева» и отметившим только, что оно могло лишь подкрепить позиции противников регламентации норм повинностей¹¹⁷. Такое мнение могло сложиться у него потому, что он не был знаком с первой редакцией проекта Киселева и не вскрыл подлинного значения всеподданнейшего доклада от 18 марта 1840 г.

В действительности значение «повеления» было очень велико. В условиях, когда борьба внутри комитета привела уже к значительному отступлению Киселева от своих первоначальных предложений, подобная гласная декларация царя имела двойной смысл. В прямом своем назначении она давала гарантии, которых добивались оппоненты Киселева. Кроме того, она демонстрировала невысокую степень его поддержки царем. И хотя «повеление» касалось только проблемы добровольности, но его формулировки, ограничивавшие задачи комитета «существом указа 1803 г.», позволили реакционному большинству использовать его как орудие для дальнейшего урезания преобразований.

Выдвинутое в свое время Киселевым предложение

издать новый закон в виде дополнения к указу 1803 г., скрывавшее подлинное его значение от массы помещиков, обернулось теперь против него, превратившись в «повеление» в исходный пункт, сковывавший всю деятельность комитета.

Автором и инициатором «повеления», ловко пользовавшимся его, был, по всей вероятности, сам Васильчиков. В этом убеждает ряд соображений. Прежде всего позиция Васильчикова недвусмысленно выяснилась на заседании 3 января, где он заявил, что первый не подпишет никакого обязательного для помещиков постановления. Его рукой написан и текст «повеления». Кроме того, оно было зачитано на заседании комитета им самим в отличие от обычного порядка, по которому все документы оглашались правителем дел. И наконец, ясно, что кроме Киселева только Васильчиков по своему положению председателя комитета и характеру отношений с царем мог лично исходатайствовать у него подобный документ.

Заседание 28 февраля, где было оглашено «повеление», явилось поворотным пунктом в работе Секретного комитета, потому что и прямое, и косвенное его значение было сразу оценено членами комитета, удобные для саботировавшего преобразования большинства формулировки были немедленно взяты на вооружение. Это проявилось уже в ходе самого заседания, во время которого члены комитета приступили к рассмотрению февральского проекта Киселева, но, как записал Меншиков, «остановились на статье наделения землею»¹¹⁸. И снова вокруг положения о наделах завязалась острая дискуссия. Начало ей было положено чтением записки Васильчикова, специально посвященной этому вопросу. Текстом ее и, следовательно, аргументацией ее автора мы не располагаем. Судя по записи Меншикова, Васильчиков в противовес обсуждаемому варианту проекта Киселева предлагал все же определить в положении минимальный земельный надел крестьян, считая желательным размер земельного участка от 0,5 до 1 дес. на душу помимо усадьбы и выгона, которые предоставлялись особо. Против этого предложения немедленно выступил Меншиков, заявивший, что он «против всякого наделения вечного и безвозвратного». Однако, как отметил сам Меншиков, к его мнению никто не присоединился. Против его программы безземельного освобождения Васильчиков

...час же использовал только что прочитанное «высшее повеление». Трактую указ 1803 г. во всем его объеме как документ, определявший задачу комитета, Киселевичиков заявил, что «цель Комитета есть увольнение крестьян с оседлостью». Меншиков, однако, продолжал полемику, указав, что в таком случае он будет рассматривать проект «по сравнительному выводу привоном казенных крестьян на земельную собственность»¹¹⁹, и подчеркнув, что «единственно справедливым» способом освобождения крестьян он продолжает считать тот, что был применен в Остзейских губерниях.

Характер и направление полемических выступлений Меншикова еще более выпукло, чем из памятных записок, предстает перед нами в случайно сохранившемся среди его бумаг наброске его выступления, несомненно, на февральском заседании (7 и 14 марта он отсутствовал). Это единственный документ, в котором звучит живое слово, виден полемический азарт активнейшего оппонента Киселева и который позволяет составить некоторое представление о том, каковы были прения в комитете. Он также освещает в деталях, исчезающих обычно в протокольных записях, способы аргументации, применявшиеся в этих дискуссиях. Вот этот набросок: «Вы предполагаете наделить таким количеством угодий, чтобы обработка их была достаточна на содержание семейств, на оплату податей и на запас. Я вопрошаю:

1. О каком запасе речь?
2. На каком основании рассчитывать количество земли по вышеупомянутому началу?
3. Как быть, ежели и доселе владеемая земля была недостаточна для покрытия их расходов, хотя мужики богаты, подати уплачивают, оброки вносят и, следовательно, доходы свои получают от промыслов или от усадеб при реках, дороге, городе?»¹²⁰

Мнения остальных членов комитета, принявших участие в долгом споре, неизвестны: они не записаны Меншиковым и не отражены в журнале заседания. Меншиков только отметил итог обсуждения: «После долгого прения мера наделения определена полдесятиною на душу с усадьбою и выгоном». Карнееву было поручено представить к следующему заседанию новую формулировку этой статьи¹²¹.

Однако тот, кто пожелал бы ознакомиться с итогом заседания 28 февраля по его официальному

журналу, с удивлением обнаружил бы, что в нем зафиксирована совершенно другая позиция по вопросу о наделах: «Назначение надела земель в пользование обязанных крестьян предоставляется обоюдному соглашению помещиков и крестьян»¹²². Это противоречие было бы труднообъяснимо, если бы мы не располагали меншиковской записью о следующем заседании комитета, состоявшемся 7 марта. Меншиков на нем не присутствовал, но коротко записал со слов своих коллег его результат: собравшиеся члены вновь обратились к вопросу о наделении крестьян землей и вопреки только что принятому решению постановили не определять размера надела, а предоставить это добровольному соглашению сторон¹²³. Как видим, разногласия были так велики, а мнения многих столь неустойчивы, что трудно было прийти к определенному решению.

Разная трактовка событий в официальном журнале и в записи Меншикова показывает, кроме того, что журналы заседаний 28 февраля, 7 и 14 марта, в которых частями изложен принятый на них вариант проекта, составлялись задним числом и фиксировали лишь окончательный результат. Обсуждение же его закончилось на заседании 14 марта.

Сравним теперь утвержденный комитетом вариант положения с февральским проектом Киселева, с тем чтобы выявить характер внесенных в него корректив, которые шли в двух направлениях: 1) смысловой правки как принципиального, так и более частного характера и 2) изменения структуры проекта. Смысловая правка, как будет видно из дальнейшего, отразила в себе два прямо противоположных намерения: большинства комитета — урезать далее и без того урезанный проект Киселева и автора — вернуть обходным путем утраченные преимущества.

В первой группе исправлений очевидно прежде всего стремление исключить из проекта то, что в какой-то степени могло ограничить свободу помещиков в определении конкретных условий договоров с крестьянами. Нагляднее всего это проявилось в новой редакции статьи о наделении землей. Из нее исчезло условие, по которому надел должен обеспечить крестьянину пропитание его семейства, уплату податей и составление запасов; помещик не обязан был теперь предоставлять крестьянам земли в непосредственной близости от их

усадеб и, наконец, отмежевание крестьянской земли в присутствии правительственного чиновника уже не было непременным условием заключения договора, а отодвигалось в неопределенное будущее. Из проекта были убраны все намеки на поддержку обязанных крестьян правительством. Так, из пункта, разрешающего обязанным крестьянам приносить жалобы в общие судебные места, было исключено требование «покровительства» им при этом со стороны уездных стряпчих и прокуроров. Был исключен пункт, позволяющий увольнять в обязанные крестьяне по духовным завещаниям. В проект было внесено разрешение помещикам в случае явного непослушания и других «вредных» действий отсылать крестьян прямо в суд в обход законного порядка.

В ряде случаев очень важные изменения вносились в проект просто путем редактирования отдельных формулировок. Характерным примером такой правки может служить новая формулировка условий, определяющих возможность ухода крестьян от помещиков. По февральскому проекту Киселева крестьянин мог уйти без согласия помещика при нехватке у последнего земли для достаточного наделения всех крестьян, в исправленном же варианте это становилось возможным только в результате роста населения имения. Таким образом, исключалась даже мысль о том, что в самых малоземельных имениях помещику может не хватить земли для крестьянских наделов. Формально условия не менялись, по существу же менялись самым коренным образом.

Изменения в более консервативном духе были сделаны и в структуре документа. Так, в нем появилась специальная глава: «Обеспечение исправного исполнения повинностей». Она не содержала в себе ничего нового: уже имевшиеся в проекте Киселева статьи были просто объединены и выделены общим заглавием. Но поскольку наряду с подобным «усовершенствованием» из проекта исчезла вдруг отдельная глава «Права обязанных крестьян» (хотя все входившие в ее состав статьи сохранялись), то направление подобных структурных изменений не может вызвать сомнений.

Разумеется, в проект были внесены и некоторые незначительные уточнения отдельных частных статей. К ним относятся, например, выделение из общей

массы обязанных крестьян населения промысловых имений и определение особенностей заключавшихся с ними условий¹²⁴. В целом же все изменения, сделанные комитетом в февральском проекте Киселева, уводили его все дальше и дальше от первоначальной программы освобождения крестьян.

В сложившейся ситуации Киселев попытался провести в жизнь новый план действий. Пстеряв надежду превратить свои предложения в закон, регламентирующий отношения помещиков с освобождаемыми крестьянами, он сосредоточил свои усилия на том, чтобы контроль над содержанием определявшихся лишь добровольным соглашением условий оставался в руках его ведомства. Такой порядок утверждения договоров позволял бы влиять на содержание данных условий в желательном для Киселева духе. Именно с этой целью на заседании 14 марта он внес в комитет специальное «представление», посвященное этому вопросу. Текст его не найден, однако смысл его отразился в главе VIII «О порядке составления условий» принятого комитетом варианта проекта¹²⁵, а также в другом документе, являющемся кратким изложением этого варианта¹²⁶.

Названная глава проекта устанавливала, что акты об увольнении помещичьих крестьян в обязанные, будучи рассмотренными (как предлагалось и в февральском варианте проекта) губернскими комиссиями, передаются затем в V отделение, в котором учреждается для этого временная экспедиция и особая комиссия, «дабы положить верные основания к определению надела крестьян и соразмерности в повинностях». Для детальной разработки этого порядка министр государственных имуществ обязывался представить в комитет особую инструкцию, которая должна была включать в себя основы контрольных функций губернских комиссий (им необходимо было в соответствии с нею «удостовериться в сообразности условий с главными началами сего положения») и проект штата добавочных учреждений при V отделении.

Смысл этого предложения Киселева ясен и без особых комментариев. Однако он сам раскрыл его более подробно в упомянутом уже нами «экстракте» из принятого комитетом варианта проекта, представленном, по-видимому, Киселевым царю и сохранившемся в его

умагах *. В нем откровенно говорится: «Как назначе-
ние для крестьян надела землею предоставляется обо-
юдному их соглашению с помещиками, то дабы при
такой неопределительности отвратить условия отяго-
тельные и вообще при рассмотрении сих условий на
первое время положить справедливую и на техничес-
ком соображении основанную меру надела и повин-
ностей, дабы сии условия могли служить примером на
будущее время, предполагается по одобрении губерн-
скими комиссиями условий и вотчинных описей на пер-
вый раз представлять оные на рассмотрение в V от-
деление»¹²⁷. Рассмотренные акты должны были пред-
ставляться на «высочайшее» утверждение через Коми-
тет министров. Киселев предполагал, что со временем,
когда «правительство будет иметь во всех губерниях
образцы для прочих имений», ведение этих дел можно
будет передать в Министерство внутренних дел.

В формулировках «экстракта» недвусмысленно вы-
ражено характерное для Киселева недоверие к дво-
ринству. В нем определены в сущности главные задачи
предлагавшегося им теперь порядка утверждения до-
говоров: недопущение отяготительных для крестьян
условий, которые несомненно представят помещики,
и, главное, возможность разработать в V отделении
 типовые договоры, которых не удалось определить
и законодательно закрепить в желательном для Ки-
селева виде в ходе работы Секретного комитета. Перед
нами, таким образом, новая попытка Киселева оста-
вить за правительством право регламентации сверху
всего хода освобождения крестьян, на сей раз осу-
ществляемого с помощью прямого давления бюро-
кратической машины.

Откровенные формулировки в «экстракте», пред-
назначенном для царя, свидетельствуют о том, что
Николай I продолжал оставаться в курсе тактики Ки-
селева. Не находя возможным открыто его поддержи-
вать вопреки мнению большинства членов комитета

* На обложке рукой государственного секретаря Н. И. Бахтина
написано: «Бумаги, врученные мне государем императором на со-
хранение в Царском Селе 9 мая 1844». Из этого текста видно, что
документов было несколько, однако ни в этом деле, ни вообще
в фонде Николая I нет никаких других материалов, связанных
с Секретным комитетом 1839—1842 гг. Поскольку делопроизводство
комитета велось в V отделении, то и «экстракт» мог быть представ-
лен царю только Киселевым.

и каждый раз отступая перед ними, император вместе с тем не препятствовал попыткам Киселева удержать в готовящемся законоположении все, что возможно, из своего первоначального плана. Сама эта двойственность и неопределенность позиции Николая I по существу предрешала успех реакционного большинства комитета.

В конце заседания 14 марта комитет обратился к вопросу о способе обнародования обсуждаемого положения. Был рассмотрен «проект указа об обнародовании положения об обязанных крестьянах и о некоторых дополнительных мерах к Своду законов». Однако он не был утвержден, и признано более целесообразным составить отдельные проекты по каждому из этих вопросов¹²⁸.

Создавалось впечатление, что деятельность Секретного комитета подходит к концу. Так думали и сами его члены. А. С. Меншиков начинал свою очередную записку, представленную в комитет 23 марта, словами: «Так как рассмотрение проекта об увольнении помещичьих крестьян приближается к концу...»¹²⁹

Но на самом деле до конца работы комитета было еще очень далеко. 12 апреля состоялось его очередное заседание. На нем вначале были обсуждены журнальные записки заседаний 28 февраля и 14 марта о рассмотрении проекта по статьям; первые две части их были утверждены окончательно, в третьей было решено исправить статью об опеке. Это означало, что февральский проект Киселева, существенно измененный при обсуждении в комитете, был в этом виде принят. Утверждение журнальных записок занесено в журнал заседания 12 апреля наряду с обсуждавшимися в тот же день правилами залога имений с обязанными крестьянами. Но другие вопросы, рассматривавшиеся на том же заседании, были отражены в особой журнальной записке «О способе издания дополнительных правил о обязанных крестьянах» и в записи Меншикова¹³⁰. Судя по ним, обсуждение вопроса о способе обнародования проекта было одной из центральных тем этого заседания. Прения развернулись вокруг представленного Киселевым особого «предположения» по этому вопросу. Исходя из того что «постановляемые правила о обязанных крестьянах в существе своем составляют развитие действующего закона», Киселев предлагал издать их не в виде отдельного

положения, а как указ или рескрипт на имя управляющего Министерством внутренних дел. Последний обязан был довести их до сведения губернаторов и через предводителей дворянства до помещиков. Подобный же бюрократический путь в обратном направлении должны были проходить договоры помещиков с крестьянами, которые по рассмотрении в губернских комиссиях губернаторы должны были направлять в Министерство внутренних дел и лишь отсюда они попадали бы в ведомство Киселева. Предложение последнего несколько усложняло порядок рассмотрения договоров по сравнению с тем, как он был изложен в VIII главе проекта положения, утвержденного 14 марта. Однако при этом не нарушался обычный бюрократический порядок, соответствовавший изданию документа в качестве рескрипта на имя министра внутренних дел.

Меншиков записал в своей памятной записке, что «возникло большое прение о порядке дальнейшего хода сего положения», в котором приняли участие Блудов и Васильчиков. По его рассказу, Блудов (а по особой журнальной записке — Панин¹³¹) предложил сначала направить положение в виде проекта в губернии и получить замечания губернаторов, предводителей дворянства или «известных дворян». По исправлении положения с учетом этих замечаний его предлагалось внести на рассмотрение Государственного совета¹³². При такой постановке вопроса не только откладывалось на долгий срок завершение проекта, но и, помимо этого, V отделение и Министерство государственных имуществ (и, следовательно, Киселев) вовсе уже отстранялись как от выработки окончательного положения, так и от наблюдения за составлением условий между помещиками и крестьянами. Против этого предложения выступил Васильчиков, считавший, что столь значительный документ не может быть разослан на места без рассмотрения в Государственном совете, после которого «дать заключение оного на пересуд губерний невозможно». Вопрос остался открытым. Отложено было также, как свидетельствовал Меншиков, и решение некоторых затруднительных вопросов, возникших у Васильчикова при чтении положения: 1) как разделить имение между наследниками в новых условиях и 2) «как охранить заложенные имения от продажи, ежели от вины обязанных поселян оно будет без дохода»¹³³.

Вслед за этим комитет приступил к обсуждению проекта залога имений в кредитных учреждениях и способа перевода крестьян уже заложенных имений в обязанные. Были прочитаны «мнение» Тучкова с замечаниями Киселева¹³⁴ и близкое к позиции последнего «мнение» Строганова¹³⁵. Тучков предлагал определять сумму, выдававшуюся кредитным учреждением, размером дохода с имения. Киселев, возражая ему, указывал на изменчивость дохода под влиянием различных обстоятельств и предлагал закладывать землю. Как видно из журнала заседания, комитет согласился с предложением Киселева. Его же предложение было принято и по второму вопросу. Оно предусматривало, что в условиях об увольнении в обязанные крестьян заложенных имений должна быть оговорка, заставляющая крестьян в случае перехода в другое сословие или на другие земли уплатить соответствующую часть долга кредитному учреждению.

Резолюция заседания 12 апреля, в почти одинаковых выражениях изложенная в основной и в особой журнальных записках, как бы признавая завершенным обсуждение проекта по статьям, гласила: «...из всех журналов по сему предмету составить общий проект главных оснований положения о обязанных крестьянах» и рассмотреть его в целом на следующем заседании¹³⁶.

Однако работа комитета в тот день еще не была закончена. Именно тогда произошла последняя теоретическая дискуссия Киселева и Меншикова о способах ликвидации крепостного права в России. Была зачитана новая записка Меншикова от 23 марта, ответ на нее Киселева и возражения Меншикова на этот ответ, датированные 12 апреля. Меншиков считал своим долгом «представить Комитету письменное изложение тех выводов и убеждений, которые он выражал словесно не с удовлетворительною, может быть, ясностью»¹³⁷. Продолжая отстаивать свои прежние взгляды на способ освобождения крестьян, Меншиков почти не выдвигал новых аргументов. Для устранения опасности бродяжничества он предлагал внести в положение пункт, обеспечивавший разновременность сроков истечения договоров помещиков и крестьян. С другой стороны, он доказывал, что миграция населения может оказаться полезной для экономического развития России, утверждая, что основной ее поток пойдет с севера

на юг, где необходимы рабочие руки. Но в качестве главного аргумента против проекта Киселева Меншиков выдвигал тезис о политической опасности общинного устройства. «Не от отдельных обязанных обывателей опасаться должно неповиновения,— писал он,— но от общин, которым дается политическое бытие, огражденное материальными силами людского соединения, способного к сопротивлению и, следовательно, к неповиновению. От неповиновения же недалеко переход к явному мятежу...»¹³⁸ Предполагая, что комитет внесет в проект обязательный крестьянский надел в размере 0,5 дес. на душу, Меншиков настаивал, чтобы и этот жалкий надел нарезался подворно. Отвечая на записку своего оппонента, Киселев пользовался аргументацией, знакомой нам по его прежней полемике с ним же. Он снова рисовал мрачные перспективы, которые открылись бы при реализации программы Меншикова, и отвергал его угрозы о политических опасностях общинного устройства, утверждая, что за всю историю России общины никогда не оказывали сопротивления правительству.

Наиболее важную часть ответа Киселева составляло сравнение его программы освобождения крестьян с программой, предлагаемой Меншиковым. Мысли его по этому поводу развиты здесь наиболее полно и ясно. Прямо формулируя узкокорыстную цель проекта Меншикова («сохранить при помещиках все материальные выгоды, удовлетворить крестьян неограниченную личную свободой»), Киселев противопоставил ему свой проект, также основанный на соблюдении выгод дворянства, но при том, что «выгоды сии, как равно свобода крестьян... подчинены выгодам государственным»¹³⁹. Из этого делался вывод, что в интересах всего государства крестьяне и помещики должны были поступиться частью своих прав: крестьян следовало освобождать постепенно, помещики же были обязаны предоставить им часть своей земли. «Нельзя ручаться,— писал Киселев,— чтобы масса необразованного народа, 25 миллионов душ обоего пола, получив свободу и не обуздываемая надзором и властью, ею доселе управлявшею, не произвела беспорядки, которых нельзя и предвидеть, особенно когда с неограниченною свободою лишают ее средств к существованию, обращая таким образом целое население в бродячее состояние. Возразят, что правительство

имеет силу обуздать беспорядки, но есть ли польза и необходимость составлять положение, которое должно поддерживать вооруженную силою?»¹⁴⁰

Второй ответ Меншикова на эти убедительные для членов Секретного комитета возражения Киселева был гораздо слабее прежних его записок. Очевидно, что его аргументация была исчерпана и он предлагал лишь ряд переходных мер для придания и своему проекту характера большей постепенности¹⁴¹.

Заслушав эти записки, комитет должен был бы по обычному порядку ведения дел снова включиться в дискуссию. Но на этот раз его реакционное большинство, видевшее свою главную цель в уклонении от решения вопроса об освобождении крестьян, не только не начало обсуждать поднятые принципиальные вопросы, но и нашло чрезвычайно ловкий способ прекратить эту дискуссию навсегда. Выступивший Д. Н. Блудов, используя в нужном ему смысле оглашенное 28 февраля «высочайшее повеление», объяснил, судя по записи Меншикова: «...цель Комитета есть развитие указа 1803 г. об увольнении крестьян, оставляя их крепкими земле и с отделением таковой в их собственность; что мои предложения клонятся к их личной свободе и безземельно; что, следовательно, Комитет в рассмотрение моих предложений войти не вправе»¹⁴². Карнеев внес в журнал заседания 12 апреля более определенную резолюцию: «Комитет по рассмотрении сих бумаг, находя, что предмет его занятий на основании высочайшей воли должен ограничиться начертанием дополнительных правил к указу 1803 года, признал, что засим он не может входить ни в какие рассуждения относительно предоставления помещичьим крестьянам свободы»¹⁴³. Таким образом, было документально закреплено расширительное толкование «высочайшего повеления» и покончено с первоначальными планами Киселева о перспективах освобождения крестьян.

Журнал следующего заседания Секретного комитета, состоявшегося 26 апреля, не сохранился, записи Меншикова, дошедшие до нас, оканчиваются 12 апреля. Судить об этом заседании можно только на основании его результата — нового варианта проекта Киселева, разосланного членам после его окончания. К сожалению, тот вариант, который был составлен по решению, принятому 12 апреля, и обсуждался 26-го, не сохранился. Однако, судя по всему, он отличался от

варианта, зафиксированного в журнальных записках за 28 февраля — 14 марта, только новой статьей о залоге имений. Поэтому сравнение журнального варианта (учитывая это направление) с новым вариантом позволяет вскрыть изменения проекта и тем самым характер его обсуждения 26 апреля.

Сравнение показывает, что весь проект подвергся основательному стилистическому редактированию. Кроме того, была вновь изменена структура положения. Из двух старых глав «О переходе обязанных крестьян в другое состояние или на другие земли» и «О правах обязанных крестьян» была сделана одна — «Об отношении обязанных крестьян по их состоянию и месту жительства». И структурное изменение, и сам характер редактирования выражали стремление к более нейтральным формулировкам.

Никаких серьезных смысловых изменений, за исключением уже упоминавшейся новой главы о ссудах, в проект не было внесено. Однако он, видимо, не был утвержден на этом заседании: иначе какой смысл имело бы рассылать его? Между тем он вновь был послан членам Секретного комитета, и Меншиков вновь представил свои возражения. Его записка датирована 10 мая и имеет заглавие: «Замечания князя Меншикова на проект положения об обязанных крестьянах, разосланный после заседания 26-го апреля 1841 г.»¹⁴⁴. Повторяя, что он остается при прежних своих убеждениях «насчет основных начал освобождения крестьян», Меншиков заявлял, что должен «вследствие журнальной записки, читанной в заседании 26-го апреля, рассматривать настоящий проект с той точки зрения, которая указана ему журнальной запискою, то есть рассмотреть оный как дополнение к указу 1803 года...»¹⁴⁵. Однако это был только формальный повод для представления своих замечаний. Существо же их осталось прежним — Меншиков последовательно выступал против любого ограничения и любой регламентации власти помещиков. Рассматривая статью за статьей «Общий проект главных оснований», Меншиков стремился доказать, что он противоречит основам пункта 3 ст. 442 (Свод законов. Т. 9), развитием которого он теперь считался. По его мнению, в этой части указа 1803 г. вовсе не предписывалось, чтобы условия заключались навечно, наделение землей производилось на общину, и не было

речи о принудительной регламентации отношений помещиков и крестьян. Исходя из этого, Меншиков предлагал ряд новых формулировок, «дабы хотя в редких случаях,— как писал он достаточно откровенно, выражая направление своих замечаний,— видны были некоторые следы прежних прав помещичьей собственности»¹⁴⁶. Правды ради следует отметить, что в данном случае Меншиков явно скромничал: если бы все его предложения были приняты, то права помещиков не только «в редких случаях», но и во всем почти не отличались бы от прежних.

Другим, не менее важным направлением критики Меншикова было требование изменения предлагавшегося порядка обсуждения и утверждения заключаемых договоров. Прежде всего его не удовлетворяла ст. 50 проекта, которая предусматривала возможность переговоров членов губернских комиссий с помещиком об изменении условий, если они противоречили принятым основаниям. «Редакция сей статьи,— говорится в записке Меншикова,— может подать комиссиям повод входить об изменении условий в понудительные сношения с помещиком...»¹⁴⁷ Меншиков предлагал иную редакцию, по которой комиссии должны были просто отсылать помещикам представленные условия с объяснением, что такие-то их пункты противоречат статьям положения и поэтому не могут быть утверждены. Таким образом, исключалась возможность давления верховной власти на помещиков через губернские комиссии, которой открыто добивался Киселев в «экстракте» мартовского варианта проекта, представленного царю. Отлично понимая возможности влияния на характер заключавшихся помещиками условий, которые проект представлял V отделению, Меншиков, отвергнув права губернских комиссий, обращался и к этому вопросу. Ссылаясь на то, что «обязанные крестьяне не входят в круг действия управления государственных имуществ», он предлагал «предоставить окончательное рассмотрение условий Министерству внутренних дел»¹⁴⁸. Его предложения, следовательно, устраняли и возможность нажима правительства на помещиков при составлении условий, и влияние Киселева на ход дела.

Отказавшись от надежды провести через комитет свои радикальные проекты безземельного освобождения крестьян, Меншиков оказался на самом правом фланге борьбы внутри его.

Обсуждение вновь отредактированного проекта Киселева и замечаний на него Меншикова происходило на двух заседаниях Секретного комитета — 10 и 16 мая¹⁴⁹. Киселев, как обычно, представил письменный ответ на возражения Меншикова. Часть из них он решительно отвергал, с частью соглашался, а некоторые оставлял на усмотрение членов комитета. Отклонялись предложения Меншикова о временном, а не вечном наделении крестьян землей с подворным землепользованием и об устранении из проекта статей, регламентирующих форму и размер повинностей крестьян в пользу помещика. Аргументация была простой и краткой — комитет уже рассматривал эти вопросы и принял соответствующие решения, пересматривать которые нет никаких оснований. В ряде же случаев Киселев шел на уступки. Это касалось прежде всего требований Меншикова об усилении власти помещиков над обязанными крестьянами. Идя навстречу своему оппоненту, Киселев соглашался на то, чтобы крестьяне, не исполнившие своих обязанностей в пользу помещика, после полного его «удовлетворения» могли быть привлечены к уголовной ответственности, чтобы помещик независимо от общины мог ходатайствовать об удалении неудобных ему крестьян из поместья и т. д. Уступил Киселев и по более важному в рамках данного проекта вопросу — относительно прав губернских комиссий. Предложения Меншикова о переводе в промышленных имения оброка с зерна на деньги, о безусловном поступлении в распоряжение помещика участка земли, оставшегося после крестьянина, который перешел в другое сословие или на другие земли, о передаче ведения всех дел по переводу крестьян в обязанные в Министерство внутренних дел, а не в V отделение и некоторые другие Киселев представлял «на рассмотрение Комитета»¹⁵⁰.

Документами, позволяющими вскрыть ход обсуждения этих материалов на заседаниях, мы, к сожалению, не располагаем. Однако журнал заседаний, а также замечания о решениях комитета по тому или иному вопросу, сделанные Карнеевым на записке Киселева, позволяют судить о результате. Все отвергнутые Киселевым замечания были отклонены комитетом, а все его предложения утверждены. Из вопросов же, оставленных Киселевым на усмотрение комитета, только один был сохранен в его редакции — участок ушедшего

крестьянина по-прежнему возвращался общине, и только после ее отказа им мог воспользоваться помещик. Все остальные были утверждены в редакциях, предлагавшихся А. С. Меншиковым. Таким образом, проект Киселева вновь подвергся исправлениям, сделавшим его еще более умеренным. Начатое в январе урезывание проекта успешно продолжалось.

Центральным вопросом, рассмотренным в эти дни, явилось обсуждение дальнейшего хода работы комитета. А. Ф. Орлов 10 мая представил «мнение», специально посвященное этой проблеме. На протяжении всей деятельности комитета Орлов впервые выступил с письменным изложением своей точки зрения. Реакционное большинство комитета, к которому он принадлежал, как было показано раньше, придерживалось тактики пассивного, но неуклонного сопротивления всякой регламентации сверху отношений помещиков и крестьян. Тактика принесла им несомненный успех, оставив от проекта Киселева лишь жалкое подобие его первоначальных предложений. Теперь оставался лишь один шаг, чтобы устранить самую мысль об издании какого бы то ни было законодательного документа относительно освобождения крестьян. К этой цели и было направлено первое письменное выступление Орлова. Он заявлял, что деятельность комитета зашла в тупик: «Имея честь участвовать около года в суждениях Комитета по настоящему предмету, я видел всякий раз, что статьи предполагаемого закона, даже окончательно рассмотренные и по замечаниям исправленные, при новом чтении подвергаются новым замечаниям, переделываются и опять к принятию их предъявляются затруднения и неудобства. Этого можно ожидать и при рассмотрении ныне приготовленного полного проекта, ибо мнения еще не соглашены и не остановились на твердой положительности». Главную причину сложившегося положения Орлов видел отнюдь не в принципиальных разногласиях членов (напротив, он считал, что «главное побуждение к изданию сего закона остается неприкосновенным и все убеждены в необходимости оно»), а в невозможности «по одним теоретическим соображениям» согласовать все частные подробности, «служащие развитием общей цели». Кроме того, он указывал и на опасность выработки каких-либо конкретных мер без предварительного их изучения на практике. В отношении же самого себя

Орлов замечал, что не имеет «практических сведений о сельском хозяйстве» и потому «не может судить о степени удобств и неудобств предполагаемых подробностей».

А. Ф. Орлов предлагал огласить самые общие принципы, которые, по его мнению, заключались в предоставлении помещикам «права увольнять крестьян обществами по обоюдным условиям с оставлением за собою земли, с сохранением местной помещичьей власти и права закладывать имения по новому их положению в кредитные учреждения». В этом случае, писал он, «без сомнения, цель закона будет достигнута»¹⁵¹. В сущности предложения Орлова означали полный отказ от какой бы то ни было реформы крепостных отношений. По существовавшему законодательству помещики и так имели право освобождать своих крестьян. Указ 1803 г. предусматривал, что при освобождении целым селением помещик должен был передать часть земли крестьянам. Именно против этого с реакционных позиций и выступал Орлов, смыкаясь тут с А. С. Меншиковым.

Как сказано в журнале заседания, комитет нашел предложения Орлова «полезными» и постановил заготовить проекты указа и всеподданнейшего доклада. Это означало, что его члены предоставляли результаты своей работы на усмотрение царя и, таким образом, завершали порученное дело.

Подводя итоги заседаниям 10 и 16 мая 1841 г., можно сказать, что они были новым шагом на пути к полному уничтожению замыслов Киселева — столь долго обсуждаемое положение решено было превратить только в министерскую инструкцию, совершенно необязательную даже как развитие указа 1803 г.

О заседаниях 26 апреля, 10 и 16 мая мы не располагаем уже, к сожалению, памятными записками Меншикова и поэтому не имеем возможности восстановить реальный ход прений. Ясно, однако, что к их концу Киселев прекратил борьбу за осуществление своих намерений. Перед ним был единодушно выступавший комитет, за ним — ничего. Двойственная и неустойчивая позиция царя не позволяла на него рассчитывать.

На заседании 7 июня документы, необходимые для представления царю, были утверждены, и Карнееву поручили подготовить их для подписания к 11 июня,

13-го проект указа и «положение в дополнение к постановлениям о свободных хлебопашцах» вместе со всеподданнейшим докладом о деятельности комитета были отправлены царю¹⁵².

Основу представленных комитетом документов составляли следующие положения: добровольное согласие помещиков на предоставление крестьянам части своей земли за различные повинности при сохранении общинного землепользования и ответственности общины перед помещиком; личное освобождение крестьян и наименование их «обязанными», что должно было отражать ограничение их прав; учреждение в имениях с обязанными крестьянами вотчинного управления из помещика или его управляющего, двух выборных старост и сельского схода «в применении к положению о государственных крестьянах»; приравненная к этому же положению юрисдикция помещиков и, наконец, право помещиков отчуждать и закладывать земли, населенные обязанными крестьянами. Рассмотрение и утверждение заключаемых условий должно было производиться через губернские комиссии и Министерство внутренних дел¹⁵³. Все эти пункты и составили текст проекта указа. Далее, однако, в докладе выдвигалось предложение Орлова уже как мнение комитета: ограничиться изданием указа без подробного положения, продлить деятельность Секретного комитета для рассмотрения заключаемых помещиками и крестьянами условий, а впоследствии, когда накопится достаточный опыт, для окончательного пересмотра и издания положения об обязанных крестьянах. Пока же рекомендовалось «прежде внесения сего дела на рассмотрение Государственного совета войти секретно в сношения с главными начальствами кредитных учреждений и истребовать заключения их по статье о ссуде под залог земель, населенных обязанными крестьянами»¹⁵⁴.

Сохранившийся в архиве Васильчикова черновик его письма Николаю I чрезвычайно интересен для понимания того, как смотрел председатель Секретного комитета на итоги его работы. Черновик не датирован, однако первая фраза («Представив Вашему императорскому величеству при всеподданнейшем докладе Секретного комитета проект указа об обязанных крестьянах, осмеливаюсь повергнуть перед Вами, государь, мысли мои о приведении оного в действие»)

прямо указывает на время его написания. Тон письма весьма пессимистический. Судя по нему, Васильчиков не ждал ничего хорошего от издания указа об обязанных крестьянах. Он считал, что «издание указа может дать повод к неправильным опасениям, по причине коих продажа и покупка имений между частными людьми может затрудниться до чрезвычайности, залоги в казну усилятся, ценность имений упадет и проч.». Однако, как явствует из письма, это было не главной причиной его опасений. Еще важнее представлялось ему то, что сам проект указа не соответствовал необходимым требованиям. Говоря о проблемах, стоявших перед комитетом, Васильчиков называл в качестве основной «достаточное ручательство в исполнении обязанностей, крестьянами на себя принимаемых». Но добиться этого, с его точки зрения, не удалось. «Сколько ни старались как я, так и прочие члены, Комитет составляющие,—писал он,—установить и обеспечить вышеприведенное необходимое ручательство, я не могу скрыть пред Вами, государь, что недостаток оного еще весьма ощутителен в деле, предварительному усмотрению Вашего величества представленном». Несмотря на это, проект указа направлялся на рассмотрение императора в надежде, что в условиях, заключаемых помещиками, можно будет отыскать ответы на данный вопрос. «В сем смысле,—писал (заключая первую часть письма) Васильчиков,—составлен проект настоящего указа».

Вторая часть письма была посвящена доказательству необходимости обсуждения проекта указа в Государственном совете до его утверждения императором. По-видимому, у Васильчикова были причины опасаться именно такого поворота дела. Ссылаясь на то, что издание указа помимо высшего государственного органа могло бы дать повод «к ложным толкованиям народным, что Ваше величество, желая даровать крестьянам полную свободу, не вверили сего дела Государственному совету, потому что там заседают помещики», Васильчиков советовал императору внести дело на рассмотрение Департамента законов Государственного совета, предлагая одновременно пригласить в него для обсуждения этого вопроса членов комитета и других лиц, «влияние коих на общее мнение может быть полезно в настоящем случае»¹⁵⁵.

Следует сказать, что у членов Секретного комитета были и другие точки зрения по этому вопросу. Писарская записка, сохранившаяся в бумагах Меншикова и принадлежавшая, несомненно, одному из членов комитета, написана с целью прекратить дальнейшее согласование и обсуждение проекта указа в совещательных органах. «Редакция указа согласена,— писал ее автор,— и принявшим оную изменять ее неудобно, но ежели в предполагаемом совещательном собрании рассматриваться будут меры иные, то опасаться должно неуместных новых, не согласенных еще предположений, противу которых опять вчинять должно будет борьбу в духе охранности противу влечения к переменам, и борьбу в том совещании неудобную». Главное преимущество проекта указа, одобренного Секретным комитетом, автор записки видел в том, «что им утверждается и укрепляется дворянское право земельной собственности, тогда как другие меры суть прямое ограничение помещичьего права и власти». Таким образом, при обсуждении текста указа и порядка его утверждения на первый план выступали те же соображения, которые выдвигались в борьбе с проектами Киселева. Основной целью было предотвратить вмешательство государства в отношения помещиков и крестьян. Власть помещиков, по мнению автора этой записки, была бы потрясена «всяким правом, дарованным крестьянам свыше, ибо, даруя им, отнимается у господина»¹⁵⁶.

Получил ли Николай I письмо Васильчикова или оно осталось лежать черновиком в бумагах последнего, неизвестно. Так или иначе на всеподданнейшем докладе появилась его резолюция: «Исполнить». Однако на деле это исполнение отодвинулось на несколько месяцев — ко времени появления царской резолюции Васильчикова не было в Петербурге. Доклад 23 июня был отправлен царем Киселеву¹⁵⁷. Об этом свидетельствует отношение П. Д. Киселева Васильчикову от 12 октября 1841 г., информировавшее последнего о решениях, принятых императором. В нем Киселев сообщал, что Николай I, рассмотрев представленные Секретным комитетом документы, и в частности проект указа, полностью их одобрил и «изволил признать возможным» немедленно подписать указ и «объявить к всеобщему сведению и исполнению». Этой формулировкой

Киселев, по-видимому, хотел подчеркнуть полное одобрение императором представленной редакции указа. Далее, однако, говорилось, что поскольку «при рассмотрении сего дела в Комитете некоторые министры, и особенно министр финансов, не участвовали», то император отложил окончательное утверждение и приказал вернуть обратно все представленные бумаги, с тем чтобы по возвращении в Петербург Васильчиков доложил ему «о способе окончательного рассмотрения составленного проекта в Соединенных департаментах законов и экономии с приобщением подлежащих министров или с приглашением сих последних в Секретный комитет». В заключение Киселев без всяких разъяснений информировал Васильчикова, что императору «угодно, чтобы при окончательном обсуждении сего предмета предложен был к рассмотрению один токмо проект указа с кратким объяснением содержащихся в оном статей, не касаясь подробностей, изложенных в записке»¹⁵⁸. Мотивы подобного решения, впрочем, достаточно очевидны: в том виде, какой приняло на данном этапе все дело, не было никакой необходимости в каком бы то ни было положении, более того, оно было бы лишним. Отклонение столь урезанного положения должно было удовлетворить и Киселева, который предпочел бы, вероятно, проводить дальше свои идеи при рассмотрении конкретных условий, поступающих от помещиков, не связывая себя навязанным ему комитетом положением.

На заседании 26 февраля 1842 г. комитет, «рассмотрев исправленный по замечаниям Секретного комитета кредитных установлений проект указа о обязанных крестьянах и сделав в оном вновь некоторые исправления, положил редакцию указа утвердить»¹⁵⁹. Это заседание стало последним заседанием Секретного комитета 1839—1842 гг. После восьми месяцев бюрократической переписки одного Секретного комитета с другим удалось наконец согласовать текст указа.

* * *

13 марта 1842 г. проект указа об обязанных крестьянах, одобренный членами Секретного комитета, поступил в Государственный совет. Историю его обсуждения в этом высшем органе власти позволяет

восстановить дневник государственного секретаря М. А. Корфа. «Наконец дело о договорах помещиков с их крестьянами после новых долгих совещаний в особом Комитете,—записал он в этот день,—перешло в Госуд[арственный] совет, но для доклада не в том чрезвычайном порядке, который прежде предназначался*, а в обыкновенных наших формах. Сперва дело будет рассмотрено в Соединенных департаментах законов и экономии, а потом в общем собрании, куда, как объявил мне Васильчиков за большую тайну, прибудет сам государь для объявления истинных своих намерений и упреждения ложных толков»¹⁶⁰.

Дневник Корфа, а также некоторые другие материалы дают возможность в некоторой степени выяснить вопрос об отношении Васильчикова к указу. Позиция его в этом вопросе была достаточно сложной и неоднозначной. Как уже говорилось, в сохранившемся черновике его письма к Николаю I, написанного, по-видимому, в июне 1841 г., он крайне пессимистически оценивал перспективы, открывавшиеся в результате издания подготовленного в Секретном комитете указа. В январе 1842 г., судя по свидетельству Корфа, положение уже было несколько иным. Так, Корф, убежденный противник этого указа, по его собственным словам, «многократно представлял Васильчикову, сколько от неправильного или злостного истолкования предлагаемой меры может быть опасности для общественного спокойствия без существенной пользы для той или другой стороны»¹⁶¹. Однако Васильчиков настаивал на необходимости издания указа. Возникла ситуация, обратная той, что была в июне 1841 г.: теперь уже Васильчиков, прежде предостерегавший Николая I, сам опровергал предостережения Корфа. О характере аргументации Васильчикова в этой полемике позволяет судить все та же запись в дневнике Корфа: «Но с его стороны всегда было упорным ответом одно и то же,

* Из записи, сделанной Корфом 31 января 1842 г., видно, что вначале предполагалось рассмотреть проект указа только в Соединенных департаментах законов и государственной экономии, минуя обсуждение в общем собрании Государственного совета, для того чтобы, как писал Корф, «не дать делу и суждениям по оному слишком большой гласности» и «отклонить участие в сих суждениях наследника, всякое слово которого в деле толикой важности и в столь публичном собрании могло быть принято в виде какой-либо заявки или обязательства на будущее с его стороны» (ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, д. 1817, ч. V, л. 38об.).

енно: что указ в этом виде необходим для утвержде-
суущественно важной мысли о принадлежности зе-
не водворенным на ней крестьянам, а помещикам;
в публике разнесся уже слух о преднамереваемом
освобождении крепостных людей и потому для пресе-
нения сих слухов нужно сделать по крайней мере что-
нибудь и потом уже решительно прекратить всякое
вмешательство этим делом, чтобы не давать более повода
волнениям в народе; наконец, что лучше сделать
добровольно первый шаг в видах постепенного освобо-
ждения крепостных людей, ибо иначе скоро настанет
время, когда они сами *потребуют* себе прав»¹⁶².

Вероятно, возражения Корфа и его записка принес-
ли все же определенный результат: как бы возвращаясь
к своей прежней позиции, Васильчиков предложил Ни-
колаю I отложить на время опубликование указа. Од-
нако император не согласился на это, приказав только
подготовить текст сопроводительного циркуляра. По-
сле этого Васильчиков вновь встал на позицию безого-
ворочной поддержки указа. Накануне его обсуждения
в общем собрании Государственного совета Корф за-
писал в своем дневнике: «Теперь Васильчиков, под-
стрекаемый непрестанно Киселевым и другими, не то-
лько уже стоит за указ горою, но и всякого возража-
ющего против него считает почти государственным
преступником»¹⁶³. Колебания председателя Секретно-
го комитета предстают, таким образом, в следующем
виде. В июне 1841 г. Васильчиков, сильно сомневав-
шийся в успехе выработанного проекта указа, пытался
предостеречь императора. Это ему, по-видимому, не
удалось, и Николай I настаивал на продолжении рабо-
ты. Под давлением императора Васильчиков изменил
свою точку зрения и начал защищать ее в спорах со
своими оппонентами. В январе 1842 г. под воздействи-
ем Корфа (а может быть, и не его одного) Васильчиков
опять обратился к Николаю I, предлагая отложить
решение вопроса, и опять встретил сопротивление им-
ператора. После этого он уже последовательно до-
бивался одобрения выработанного в Секретном коми-
тете указа во всех инстанциях.

Взаимосвязь колебаний Васильчикова и его встреч
с царем очевидна. Твердое намерение Николая I до-
вести дело до конца тоже не вызывает сомнений, хотя
и противоречит его поведению в период заседаний
Секретного комитета. Объяснение этому нужно, по

всей вероятности, искать в изменившихся к этому времени условиях. В момент обсуждения проекта Киселева в Секретном комитете Николай I отступал каждый раз, когда сталкивался с явно выраженным сопротивлением большинства членов: он не считал возможным пойти на открытый конфликт с сановной аристократией. Теперь же в руках императора находился документ, явившийся результатом коллективной деятельности всех членов Секретного комитета, практически одобренный единодушно. В этой ситуации Николай I мог выступать в привычной для себя роли полновластного самодержца и требовать беспрекословного исполнения своей воли. Прямых свидетельств, объясняющих мотивы его поведения, у нас нет; можно предположить, однако, что в аргументации, развернутой Васильчиковым перед Корфом, нашли свое отражение не только его личные соображения, но в какой-то степени и мысли, почерпнутые из бесед с императором. Это покажется еще более правдоподобным, если вспомнить, что сам Васильчиков без всякого восторга отзывался об указе, отмечал его многие теневые стороны, а в окружении председателя Государственного совета было достаточно людей, вообще возражавших против подобных мер. Легко представить себе, что, начав снова защищать идею издания указа, Васильчиков мог опираться на недавние высказывания императора. В этом отношении наибольший интерес представляет последний из аргументов Васильчикова в беседе с Корфом о том, что необходимо «добровольно» принять некоторые меры для подготовки освобождения крестьян, ибо в противном случае «скоро настанет время, когда они сами *потребуют* себе прав».

В Государственном совете, куда проект указа поступил 13 марта 1842 г., были сделаны новые попытки добиться отказа от его издания. Обсуждение проекта указа на общем собрании Государственного совета было назначено на 30 марта. Накануне, 29 марта, Корф записал в своем дневнике: «Решено, что завтра будет в Совете государь. Он приедет, как сказывал кн. Васильчиков, в половине 12-го и будет присутствовать как при чтении, так и при всех суждениях... Намерение государя — не столько еще говорить по *этому* делу, сколько огласить *вообще* виды свои насчет крепостного состояния, — виды покамест совершенно еще отрицательные, — и огласить их с тем, чтобы успокоить умы

не только в Совете, но и в публике, где, разумеется, все тотчас разнесется»¹⁶⁴. Что же побудило Николая I принять столь необычное решение — выступить в Государственном совете, публично заявив о своем отношении к крестьянскому вопросу? Прежде всего стремление воздействовать на совет и добиться утверждения указа (не потому ли Васильчиков, по свидетельству Корфа, вынужден был просить царя разрешить все же прения членов совета?¹⁶⁵). Ведь на предварительном обсуждении на заседании двух департаментов Государственного совета 15 марта один из его членов, гр. Гурьев, попытался воспрепятствовать изданию указа. И, хотя большинство членов поддержало указ, трудно было предсказать ход дела на общем собрании Государственного совета. Но еще важнее было для императора пресечь распространившиеся в обществе слухи о том, что верховная власть готова вскоре вовсе освободить крестьян.

Заседание Государственного совета длилось около четырех часов. Не полагаясь на свою память, Корф посадил в зале заседания нескольких чиновников и поручил им записывать сколько можно подробнее речь Николая I. После окончания заседания он «привел их набросанные наскоро записки в порядок и дополнил тем из сказанного, что ускользнуло от их внимания». Затем в несколько отредактированном виде текст выступления императора был занесен в журнал заседания и поднесен ему для подписания. «Читая сам мои листы вслух перед Васильчиковым, — передавал Корф, — государь несколько раз останавливался и повторял: „Именно, именно: так точно я говорил, так точно я думаю“»¹⁶⁶. Очевидно, выступление императора на заседании Государственного совета 30 марта 1842 г. было воспроизведено достаточно точно. Речь состояла из двух разделов. В первом Николай I развил свой взгляд на проблему отмены крепостного права и освобождения крестьян в целом, во втором же коснулся непосредственно представленного проекта указа и перспектив его реализации. «Нет сомнения, — заявил император, — что крепостное право в нынешнем его положении у нас есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к нему *теперь* было бы делом еще более гибельным»¹⁶⁷. Эти слова, которыми Николай I начал свое выступление, адресовались, конечно, консервативно настроенной части аудитории и должны

были служить цели успокоения сановников, встревоженных слухами о скором освобождении крепостных крестьян.

Император продолжал линию, которая была начата «высочайшим повелением» от 23 февраля, гарантировавшим помещикам, что только их добровольное согласие будет лежать в основе готовящегося преобразования. Теперь же со всей определенностью было заявлено, что даже прикосновение к крепостному праву, не говоря уже о его ограничении или уничтожении, правительство считает еще более опасным, чем его сохранение. Далее Николай I, усиливая этот мотив, прямо заявлял, что он, так же как и его брат Александр I, никогда не решится предоставить свободу крепостным людям, «считая, что если время, когда можно будет приступить к такой мере, вообще еще очень далеко, то в *настоящую* эпоху всякий помысел о том был бы не что иное, как преступное посягательство на общественное спокойствие и на благо государства». Однако, высказав такие, казалось бы, совершенно определенные и не оставляющие ни капли сомнения мысли, Николай I вдруг перешел к совершенно иным, даже противоположным мотивам. «Но нельзя скрывать от себя,— заявил он,— что теперь мысли уже не те, какие бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что нынешнее положение не может продолжиться навсегда»¹⁶⁸.

Каков же был вывод из этих противоречивых утверждений? «Но если нынешнее положение таково, что оно не может продолжаться,— рассуждал император,— и если вместе с тем и решительные к прекращению его способы также невозможны без общего потрясения, то необходимо по крайней мере приготовить пути для *постепенного перехода* к другому порядку вещей и, не утрущаясь перед всякою переменою, хладнокровно обсудить ее пользу и последствия». И далее: «Не должно давать вольности, но должно продолжать дорогу к переходному состоянию...»¹⁶⁹ Такой «дорогой» к переходному состоянию Николай I признавал указ об обязанных крестьянах, который в этом смысле представлял, по его мнению, весьма большие удобства. Он был продолжением имеющегося законодательства, устранял его отрицательные моменты («отчуждение от помещиков поземельной собственности») и утверждал положительные и вполне консервативные на-

чала («земля есть собственность не крестьян, которые на ней поселены, а помещиков»). Наконец, указ давал каждому владельцу новую возможность для «улучшения» положения его крестьян. Крестьяне также выигрывали от этого проекта, так как оставались крепкими земле и избегали превращения в безземельных батраков.

Признавая, что проект указа содержит «одни главные начала и первые указания», Николай отклонял возможные возражения против его незавершенности и неопределенности, утверждая невозможность «идти теперь далее» и «вперед обнять» все детали главных начал. «Закон,— заявлял он,— должен вмещать в себя одни главные начала; частности разрешаются по мере частных случаев, и впоследствии совокупный свод таких случаев составит основу целого, положительного уже законодательства»¹⁷⁰. В последних словах, видимо, можно усмотреть намерение императора вернуться к отвергнутому ранее обширному проекту «общих начал» и с течением времени составить подробное положение об обязанных крестьянах. После подобного выступления Николая I исход дела был практически предreshen — никто не осмеливался, по словам Корфа, поставить «общего вопроса: принять ли предложенную меру или отвергнуть ее?». Все же некоторые члены совета критиковали проект указа, в том числе Гурьев и министр двора П. М. Волконский, который, впрочем, «ограничивался больше мелкою перепалкою с ближайшими соседями».

Речь царя в Государственном совете по внешним своим формам как будто не противоречила тому, с чем Николай I соглашался в марте 1840 г., в начале подготовки нового законопроекта. И тогда император поддерживал мнение Киселева, что отмена крепостного права есть дело отдаленной перспективы, предлагаемые меры — только первый шаг в этом направлении, а вовсе не само освобождение, что условием преобразования должно быть добровольное согласие помещика на освобождение принадлежащих ему крепостных и что только с течением времени можно будет превратить готовящееся положение в обязательный для всех владельцев закон. Таким образом, внешний круг предложений в своих самых общих формулировках совпадал, однако без главного условия — признания нереальности добровольных действий помещиков

без мощного, хотя и постепенного нажима со стороны правительства — они теряли всякий смысл. Характерно, что невозможность рассчитывать на добровольные шаги со стороны владельцев, как мы уже показали, была ясна сторонникам самых разных взглядов (Киселеву, Меншикову, другим) и, несомненно, самому императору. Но кроме этого принципиального отличия речи императора 30 марта 1842 г. были свойственны и совершенно иные акценты по сравнению с предложениями Киселева, которые Николай I в свое время, напомним, «читал с особенным вниманием и полным удовольствием» и «не нашел сделать ни одного замечания».

В какой же степени выступление 30 марта отражало действительные позиции императора по крестьянскому вопросу? Может быть, его взгляды за время работы комитета принципиально изменились и император действительно отошел от точки зрения Киселева? Для ответа на эти вопросы в нашем распоряжении слишком мало источников. Однако следует напомнить, что Николай I и ранее ни разу не высказывался публично в духе программы Киселева: как уже было показано, обсуждение императором этих проблем с министром государственных имуществ носило сугубо интимный характер и результаты его отнюдь не предназначались для гласной дискуссии даже в Секретном комитете. В своих же официальных выступлениях император был чрезвычайно осторожен и ни в какой степени не связывал себя оглашением тех намерений, которые возникали у него в результате общения с Киселевым. Деятельность Секретного комитета наглядно продемонстрировала полное неприятие бюрократической верхушкой планов решения крестьянского вопроса, разработанных Киселевым. Мы уже рассмотрели, как выглядела двойственная позиция Николая I и как она отражалась на результатах работы Секретного комитета. Выступление императора 30 марта было логическим завершением той же линии поведения: ни в каком случае не идти против мнения большинства.

Немаловажную роль в определении официальной позиции императора в этом вопросе сыграли, по-видимому, и доходившие до него сведения об общем отрицательном отношении массы дворянства к какой-либо деятельности правительства, касавшейся помещичьих крестьян. Как ни старалась верховная власть

сделать работу Секретного комитета действительно секретной, но слухи о готовящемся освобождении крестьян носились в воздухе. «Какой-нибудь месяц секрет действительно сохранялся как следовало,—писал в своих воспоминаниях М. А. Корф,—потом в городе заговорили втихомолку, что готовится какое-то важное преобразование в отношениях между помещиками и крестьянами, наконец, разнеслась—гласно и уже во всех сословиях—молва, тотчас долетевшая и до провинции, что готовятся *дать крепостным людям волюность*»¹⁷¹.

В этих условиях Николай I, никогда не забывавший роли дворянства в дворцовых переворотах XVIII и начала XIX в., не мог решиться на какие-либо рискованные заявления. Однако в его речи не был выражен и прямой отказ от каких-либо мер в отношении крепостного права. Сопоставляя это обстоятельство с тем, что вплоть до 1848 г. продолжали постоянно действовать секретные комитеты, отчасти занимавшиеся и проблемой крепостного права, можно, как нам кажется, с полным основанием утверждать, что Николай I не расставался с мыслью о необходимости перемен в этом вопросе. Можно высказать лишь предположение, что взгляды императора постепенно эволюционировали вправо от его первоначальной позиции 1840 г., и в конце концов он оставил мысль о реальном изменении положения крепостных крестьян.

Указ об обязанных крестьянах состоял из введения, обосновывавшего необходимость его издания, и восьми глав, в которых определялись формы повинностей крестьян за предоставляемую им в пользование землю, порядок обеспечения выполнения этих повинностей и отбывания обязанными крестьянами рекрутской повинности, организация управления обязанными крестьянами. Особая статья определяла условия залога обязанных крестьян в кредитных установлениях. Указ должен был сопровождаться циркуляром министра внутренних дел, в котором особое внимание концентрировалось на том, что этот документ не означает начала отмены крепостного права и не имеет никакого двойного смысла. Попытки усмотреть в тексте указа намеки на предстоящее освобождение крестьян объявлялись преступлением. Таким образом, оба документа, утвержденные на общем собрании Государственного

совета, практически не имели ничего общего с первоначальной задачей комитета. Главная цель указа, а тем более сопровождавшего его циркуляра состояла уже совсем не в том, чтобы сделать реальный шаг в сторону отмены крепостного права, а в двусмысленной его симуляции. С одной стороны, верховная власть стремилась наглядно показать дворянству, что она полностью отдает на откуп помещикам решение этого вопроса, с другой — пыталась продемонстрировать заботу о самой многочисленной категории населения России.

2 апреля 1842 г. указ был подписан императором, а 7 апреля появился в газетах.

Подведем некоторые итоги. Реформу помещичьей деревни Киселев делил на две части, и лишь одна из них — новое положение об условиях освобождения помещиками своих крестьян — была вынесена на обсуждение Секретного комитета. Положение должно было заложить основу ~~принудительной~~ регламентации ~~правительством~~ взаимных отношений помещиков с крестьянами, создать образец этих взаимоотношений. Впоследствии, убедившись в успешной реализации нового закона, правительство могло перенести нормы этого образца и на остальные имения. Это относилось ко второй части программы Киселева, согласованной с царем, но неизвестной Секретному комитету. Киселев рассчитывал при этом, что когда первую часть его программы удастся провести через комитет и она начнет практически осуществляться, то процессы в помещичьей деревне, пущенные ею в ход и поддержанные комплексом других правительственных мер, уже вряд ли можно будет остановить.

Смысл предложений Киселева состоял в том, что государство отнимало у помещиков право определять размеры крестьянского земельного надела, форму и объем повинностей и оставляло за собой контроль за взаимным соблюдением этих условий. Сами повинности ставились в тесную связь с соотношением объемов помещичьей запашки и земли, предоставляемой в пользование крестьянам. Вместе с тем проект затрагивал и все социально-правовые стороны статуса обязанных крестьян, приводя их в соответствие с правами крестьян государственных.

Заявивший в декларативной части о неприемлемости указа 1803 г. именно потому, что он требовал

Император Николай I

Граф П. Д. Киселев

Князь А. И. Чернышев

П. А. Тучков

Граф А. Х. Бенкендорф

Л. А. Перовский

И. Иванов с оригинала В. С. Садовникова.
Главный штаб со стороны Мойки. 1833

К. П. Беггров по рисунку К. Сабата. Петербург. Коломна.
Никольский собор. 1820-е гг.

Князь
А. С. Меншиков

1/2

36^{то}

Получивъ обращенъ на
себя възвѣщаніе. Идѣвъ
присланнымъ Вамъ, и
взвѣщеніемъ на немъ, и
завѣщаніемъ. Вамъ и Вамъ,
ио привѣщеніемъ
протѣтъ; а въ случаѣ
протѣтъ основаніемъ
протѣтъ Вамъ. —
Получивъ сего протѣтъ,
ио въ случаѣ ио и дрѣтъ
Завѣщаніе адмирала

Е. М.

2. Канцелярія

1840

Секретъ 11

Секретный Комитетъ имѣлъ
1-е сѣзаніе 16-го ноября
1839-го года.

Читана записка, въ коей
изложено Высочайшее Его
Императорскаго Величества
Ваше объ учрежденіи Комитета
и его членовъ.

Дано схранить дѣло сѣ-
за тайны и отклонить всякіе
догадки, положено: ясно
именовать сей Комитетъ:
о повѣренности въ казенныя
книжки Западныхъ Сибирей;
такъ какъ для производства за-
метій сего личнаго Комитета
необходимо получить вспомо-
жніе для доставленія до-
стоинственной цѣли, — которую,
потому, и можно будетъ со-
вѣтъ требовать отъ Комитета

П. Иванов с оригинала В. С. Садовникова.
Панорама Невского проспекта, Полицейский мост. 1833

П. Иванов с оригинала В. С. Садовникова.
Панорама Невского проспекта, Александринский театр. 1830

Князь И. В. Васильчиков

Барон М. А. Корф

Князь А. Ф. Орлов

Д. Н. Блудов

Д. № 10.

Секретнаго Комитета, подъ ми-
нута Его Императорскаго Вели-
чества председательствема, Высо-
чайше учрежденнаго съ 1844 г. для изы-
сканія средств къ уменьшенію съ Росси-
и сла дѣловыхъ людей и къ устроению
ихъ положенія.

На 967 листахъ

Кончено 22 Апрѣля 1844 г.

В. В. Левашов

М. М. Сперанский

Поезд Царскосельской железной дороги. 1837

С. С. Ланской

Граф В. Н. Панин

А. С. Садовников, Исаакиевская площадь. 1830-е гг.

Я. И. Ростовцев

Император Александр II

Кабинет Александра II в Останкине

освобождения крестьян с землей, и провозгласивший неприкосновенность дворянской собственности на землю проект Киселева фактически закладывал не что иное, как долгосрочную перспективу освобождения крестьян с землей, а будущее положение обязанных крестьян представляло собой переходный этап к этому. Возможная реализация проекта в значительной части помещичьих имений и сближение положения остальных крепостных крестьян с положением обязанных в результате действия предложенной Киселевым царю системы мер предполагали создание ситуации, от которой был лишь один шаг до уничтожения крепостного права с переходом надела в собственность крестьянина. Очевидно, что через несколько десятилетий внедрение в русской деревне такого порядка исключило бы для правительства возможность попытаться в конце концов освободить крестьян без земли. Взрыв крестьянского протеста в подобном случае превзошел бы все, чего могли опасаться в 1839 г.

Программа Киселева была реалистичной для России 1830—1840 годов в том смысле, что она исходила из принципиального недоверия к способности помещиков предпочесть своим непосредственным выгодам общегосударственные интересы и пыталась найти выход из наступившего кризиса на пути крайне медленно, но неуклонно проводимого «сверху» комплекса мер, ведших к уничтожению крепостного права. При всей умеренности этой программы она выгодно отличалась от второго представленного в комитет проекта — грабительского, беспощадного по отношению к крестьянству и вместе с тем неосуществимого плана Меншикова. Объективно программа Киселева была направлена на сохранение самодержавия. Однако именно потому, что она задевала непосредственные интересы помещиков, открывая перспективы освобождения крестьян с землей, она была отвергнута высшими сановниками империи. Для того чтобы они пошли на выполнение этой программы, нужны были «кризис верхов», в 1840-х годах еще не наступивший, и общественное давление, не накопившее тогда достаточных сил для открытого проявления.

Несмотря на то что наиболее активную деятельность в комитете развивали Киселев и Меншиков — авторы двух конкурирующих проектов, в действительности решающую роль в нем сыграло большинство,

состоявшее из высших бюрократов, крепостников в полном смысле этого слова, саботировавших любой проект принудительной регламентации отношений в крепостной деревне. Это крепостническое большинство, пользуясь тактикой пассивного сопротивления, играя на противоречиях между двумя обсуждаемыми проектами, критикуя их, но не выдвигая позитивных предложений, стремилось фактически свести оба проекта — а вместе с ними и саму идею реформ — на нет. Оно пункт за пунктом устраняло из проекта Киселева все, что могло бы поставить реформу помещичьей деревни на практическую почву. Делало все, чтобы только помещики определяли условия перевода крестьян в обязанные. Именно такой характер и приобрел подготовленный в конце концов в Секретном комитете указ 2 апреля 1842 г. Уничтожив замысел Киселева, крепостническое большинство Секретного комитета предопределило тем самым провал в начале 1840-х годов начатой было реформы русской деревни.

Усилиями Секретного комитета и Государственного совета проект, в котором была сделана попытка наметить приемлемый для самодержавия путь решения крестьянского вопроса, превратился в бессодержательный, практически бесполезный документ, лишь симулировавший намерение правительства изменить положение крепостных крестьян.

Указом 2 апреля 1842 г. решение вопроса, будет ли меняться положение помещичьих крестьян в России, передавалось помещикам. Ответ их на этот вопрос был известен заранее — он был отрицательный. Вся история реализации указа об обязанных крестьянах подтверждает этот вывод.

Что же за явление в политической истории России XIX в. представлял собой Секретный комитет 1839—1842 гг.? Скажем со всей определенностью: это была неудавшаяся попытка начать освобождение крепостных крестьян. Что бы ни говорил Николай I в Государственном совете, после того как Секретный комитет единодушно высказался против крестьянской реформы, первоначальные замыслы царя, ради которых и создавался комитет, были совершенно иными. Не для жалкого указа 2 апреля 1842 г. все это затевалось. Император сознавал неизбежность и своевременность подготовки к более радикальным мерам.

Что же предопределило неудачу? Только ли нестойкость Николая I, быстрое отступление перед мнением крепостнического большинства? Это ведь было совершенно не свойственно его натуре — авторитарной, прямой, не терпевшей возражений. Не личные свойства царя, а порочность избранного пути решила дело.

При всей прогрессивности программы Киселева (он действительно стремился к уничтожению крепостных отношений) она была насквозь бюрократической. Не свободное развитие отношений помещиков и крестьян, а строгий диктат государства должен был явиться гарантом положительных перемен. Монополия государственной власти на совершенствование русской социальной действительности решительно отсекала общество от влияния на этот процесс. Это в свою очередь определяло собой и способ разработки реформы. Авторитарный принцип программы исключал любую другую форму ее разработки, кроме Секретного комитета, составленного из высших бюрократов. В реальной русской жизни того времени этот способ обрекал реформаторские замыслы на неудачу. Как будет показано в следующей главе, выйти из этого порочного круга удалось, только отказавшись от привычного для самодержавия секретно-бюрократического пути и дав обществу возможность принять участие в обсуждении будущего страны.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Середина 1850-х годов была временем, когда долго назревавший в историческом развитии России кризис не только стал очевиден, но и потребовал для своего разрешения таких коренных перемен, которых она давно не знала. Явно складывались социально-экономические условия, постепенно, но неуклонно и с все большим ускорением переводившие страну на путь капиталистического развития. Крымская война, обнажившая все противоречия российской действительности до крайнего предела, с одной стороны, и крестьянские выступления — с другой, показали обществу и верховной власти невозможность оставить существующее положение без изменений. Однако, приступив к подготовке отмены крепостного права, правительство нового императора Александра II действовало в первые годы полностью в духе методов предшествовавшего царствования. Вновь, как уже не раз, решение проблем, от которых зависела, без всякого преувеличения, судьба России, отдавалось в руки нового Секретного комитета, т. е. в руки высшей бюрократии.

Основным уроком Крымской войны явилось осознание, что дальше медлить с решением крестьянского вопроса нельзя. По всей видимости, к этому выводу под влиянием первых поражений в Крыму пришел еще Николай I. Близкая ко двору А. О. Смирнова-Россет, рассказывая в одном из своих писем о разговоре, состоявшемся у нее в апреле 1855 г. с вел. кн. Константином Николаевичем, братом нового царя, передала его слова о крепостном праве: «Ведь вы знаете, что на смертном одре государь взял слово с брата. Дай бог кончить войну, а потом начнем другое дело»¹.

До заключения мира не могло быть и речи о каких бы то ни было реформах. Однако, чем реальнее становилась перспектива завершения войны, тем более активную позицию занимала верховная власть. В этом смысле очень показательны действия самого Александра II. В январе 1856 г., когда не был еще окончательно ясен исход мирных переговоров, царь в беседе с несколькими представлявшимися ему в Петербурге гу-

бернскими предводителями дворянства достаточно осторожно заговорил о необходимости приступить к обсуждению и решению крестьянского вопроса. Разговор этот хотя и был официальным, но все же носил «келейный», если так можно выразиться, характер². А вот 30 марта, менее чем через две недели после подписания мира, выступая перед предводителями дворянства Московской губернии, царь уже публично заявил, что хотя слухи о принятом им будто бы решении немедленно отменить крепостное право и неверны, но рано или поздно крестьяне должны быть освобождены и поэтому «гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу»³.

Эта речь положила начало непосредственной подготовке освобождения крестьян, хотя для этого нужно было преодолеть мощное сопротивление крепостников, которые всякими способами пытались затормозить дело. Выработка общего плана реформы была поручена Министерству внутренних дел. Для начала решено было составить историческую записку о крепостном праве в России. Ее написанием занялся товарищ министра внутренних дел А. И. Левшин. По его мысли, «нужно было пересмотреть все законодательство русское с уложения царя Алексея Михайловича и если не прочесть, то пройти со вниманием все собрание законов». Как бы ни велась дальше разработка «общего плана», без такого обобщающего документа обойтись было нельзя⁴.

Сама по себе достаточно трудная, задача эта осложнялась секретностью всей деятельности министерства в этом направлении, неукоснительного соблюдения которой требовал Александр II. Ему все еще казалось, что если тайна будет нарушена, то произойдет неминуемый крестьянский взрыв. Понимая необходимость реформы крепостных отношений, он продолжал находиться в плену прежних представлений о путях ее подготовки. Объясняя причины строгой секретности, которой были окружены все действия правительства, направленные к преобразованию положения крепостных крестьян, А. И. Левшин писал: «Тайна была нужна и страшна потому, что боялись преждевременного открытия ее миллионам крепостных людей»⁵. Это ограничивало даже возможность привлечения к работе требуемого числа сотрудников, не говоря уже о широком гласном

обсуждении проблемы. Над запиской работал один Левшин, которому помогали два чиновника. Основательность предпринятого исследования и недостаток средств для его исполнения предопределили значительный срок работы. Историческая записка была закончена лишь к концу 1856 г. 20 декабря вместе с докладом, в котором обосновывалась необходимость создания особого комитета для выработки основных принципов будущей реформы, она была представлена министром внутренних дел С. С. Ланским Александру II.

Предлагаемый комитет должен был быть «не временным, но постоянным, не только рассуждающим, но и действующим». В состав его должно было войти ограниченное число лиц, «убежденных в необходимости идти к новому порядку». Кроме «верховного комитета» предлагалось создать ряд временных «технических» комитетов из авторов «проектов об освобождении крестьян, из благонамеренных помещиков и некоторых представителей дворянства». Эти комитеты должны были заниматься практическими вопросами⁶.

21 декабря 1856 г. Александр II принял Ланского⁷. Очевидно, во время этой встречи министру было объявлено об одобрении его предложения*.

Таким образом, после почти года работы в Министерстве внутренних дел над решением крестьянского вопроса было предложено для дальнейших действий создать особый комитет. Однако, принимая предложенную Ланским организационную форму, Александр II в то же время не был готов следовать рекомендациям министра по существу. Новое учреждение, во-первых, создавалось в глубочайшей тайне (чего доклад Ланского отнюдь не предполагал), а во-вторых, составлялось совсем не из лиц, «убежденных в необходимости идти к новому порядку», как советовал министр. Таким образом, император обратился к уже достаточно скомпрометировавшей себя и доказавшей в предшествующую четверть века свою полную бес-

* В докладе от 23 декабря, излагая свои предложения о дальнейшем ходе работ над крестьянским вопросом, Ланской указывал, что представляет их царю, имея в виду, что тот прикажет избранным лицам «войти в сравнительное рассмотрение разных представленных по тому же предмету предположений» (ЦГИА СССР, ф.1184, оп.1 (т. 15), д.77, л.44).

плодность форме обсуждения преобразований — секретному комитету высших сановников.

Формирование комитета было поручено бывшему начальнику III отделения, а ныне председателю Государственного совета и Комитета министров кн. А. Ф. Орлову. В докладе 29 декабря 1856 г. он предложил включить в состав комитета следующих высших сановников империи: Д. Н. Блудова (председателя департамента законов Государственного совета), В. А. Долгорукова (шефа жандармов), П. П. Гагарина, С. С. Ланского (министра внутренних дел), В. Ф. Адлерберга (министра императорского двора), К. Д. Чевкина, М. А. Корфа и Я. И. Ростовцева. Они то вместе с министром финансов Ф. П. Броком и составили новый Секретный комитет⁸, первое заседание которого состоялось 3 января 1857 г. в Зимнем дворце в кабинете императора⁹.

Заседание открыл Александр II. Потребовав, чтобы «все рассуждения, какие будут происходить в настоящем собрании, были сохранены в строгой тайне», он заявил, что, по его мнению, «крепостное состояние почти отжило свой век». Затем были прочитаны доклад министра внутренних дел от 20 декабря 1856 г. и приложенная к нему историческая записка, «содержащая краткий исторический обзор крепостного состояния в России и мер правительства, к сему предмету относящихся».

После чтения этих документов Александр II попросил каждого из собравшихся ответить на вопрос: «Следует ли приступить теперь к каким-либо мерам для освобождения крепостных людей?» Как следует из журнала заседания 3 января, члены комитета высказались по этому вопросу вполне единодушно. Создание для решения крестьянского вопроса Секретного комитета — привычный способ действий, достаточно зарекомендовавший себя в глазах крепостников в предшествовавшее царствование, — должен был сразу же успокоить консервативно настроенных сановников. Они очень хорошо понимали, как велики их возможности свести на нет любое предложение, когда дело полностью отдано в их руки. Именно поэтому они довольно легко признали, что само по себе крепостное состояние есть зло, «требующее исправления», и что все меры, принимавшиеся до сих пор для решения крестьянского вопроса, не имели никакого успеха. В то же время на

главный вопрос Александра II, о том, надо ли немедленно принимать какие-либо меры для освобождения крестьян, комитет ответил по существу отрицательно, решив вместо этого приступить к «подробному пересмотру как всех доныне изданных постановлений о крепостных людях, так и всех бывших и имеющихся в виду предположений по сему предмету»¹⁰ и игнорируя тот факт, что задача эта отчасти уже была выполнена составленной в Министерстве внутренних дел исторической запиской. Таким образом, члены Секретного комитета с самого начала под благовидным предлогом стали уклоняться от разработки каких-либо практических мер для решения крестьянского вопроса.

Такова картина, складывающаяся на основе изучения журнала заседания Секретного комитета. Однако сохранился источник, позволяющий уточнить эту картину: дневник за 1857 г., который вел член комитета П. П. Гагарин¹¹. Спустя почти месяц после заседания 3 января 1857 г. он решил по памяти восстановить в дневнике произнесенную им тогда речь. Она представляет собой исчерпывающее выражение позиции наиболее правых членов Секретного комитета. Речь Гагарина, как, впрочем, и выступления остальных участников заседания, не нашла отражения в журналах комитета. Обращаясь к существу вопроса, оратор заявил: «Благодаря мерам, принятым во время последнего царствования, благодаря увеличению прав крепостных в ущерб правам владельцев, благодаря праву на движимое и недвижимое имущество крепостное право фактически больше не существует в России и нет необходимости форсировать то, что остается еще сделать». После заседания управляющий делами комитета государственный секретарь В. П. Бутков, близкое и доверенное лицо А. Ф. Орлова, подошел к Гагарину и сказал: «Хорошо и дельно говорил»¹². Ясно, что наиболее реакционно настроенные члены Секретного комитета занимали в начале его деятельности открыто крепостническую позицию, граничившую с политической безответственностью.

В конце заседания был прочитан обративший на себя «особое внимание» Александра II проект освобождения крестьян, представленный императору М. П. Позеном 18 декабря 1856 г.¹³ На этом первое заседание Секретного комитета было закончено.

В тот же день царь записал в своем дневнике: «В 1 у меня Комит[ет] освоб[ождения] креп[остных] крест[ьян], зап[иска] Позена, реш[или] обр[атиться] к делу 6 дек[абря] 1826»¹⁴. Эта запись еще раз разъясняет позиции царя и комитета. Александр II воспринимал созданный им комитет как орган «освобождения крепостных крестьян», а тот начинал с возврата к путям и методам безрезультатно закончившего свое существование Комитета 6 декабря 1826 г.

Второе заседание Секретного комитета состоялось 17 января и было посвящено в основном выработке плана занятий. Решение этого вопроса членами комитета вновь продемонстрировало их стремление как можно дольше затянуть работу и по возможности сузить ее рамки. На первый план выдвигалась задача «приступить... к подробному пересмотру и соглашению двух законоположений: 1. О обязанных поселянах и 2. О свободных хлебопашцах». В результате комитет должен был представить план введения их в действие и наблюдения за их исполнением. После этого предполагалось приступить к обсуждению других мер и способов «постепенного, без крутых и резких поворотов и без мер насильственных» освобождения крестьян. И только после завершения этого комплекса работ, как написано было в журнале заседания 17 января, комитету «откроется большая удобность составить подробный план освобождения». Таким образом, даже составление плана отмены крепостного права отодвигалось на значительное время.

Для осуществления своих намерений комитет поручил государственной канцелярии составить особые записки, подробно излагавшие историю и суть всех интересовавших комитет вопросов: 1) об обязанных поселянах; 2) о свободных хлебопашцах; 3) о всех вообще проектах и предложениях для освобождения крестьян. Срок составления записок не намечался. Вся эта обширная деятельность, рассчитанная на медленное, обстоятельное и ничем не подгоняемое обсуждение, должна была привести в конце концов только к «указанию главных начал» каких-либо предположений по решению крестьянского вопроса. Выработкой же проекта отмены крепостного права на основании этих «главных начал» должна была заняться специально создававшаяся Приготовительная комиссия, в состав которой вошли три члена Секретного комитета:

П. П. Гагарин, М. А. Корфи Я. И. Ростовцев. Таков был план работы комитета, утвержденный Александром II¹⁵.

Главные разногласия на заседании 17 января возникли, однако, не при обсуждении плана работ, а вокруг, казалось бы, частного вопроса — предложения Я. И. Ростовцева об издании именного указа Сенату. Целью указа, по мысли его инициатора, было успокоение «брожения умов» как помещиков, так и крестьян. В действительности же его проект был направлен исключительно на успокоение помещиков, подтверждая незыблемость их прав на своих крестьян. В нем не только констатировалось, что до сих пор «в законах о помещичьих крестьянах не сделано никакой перемены» и что слухи об этом «распускаются людьми недобрыми, чтобы обманывать крестьян и тревожить помещиков», но и особо подчеркивалось, что «помещики... не имеют причин опасаться за свою собственность». Единственное указание на то, что правительство занялось крестьянским вопросом, содержалось в словах о повелении царя вновь пересмотреть правила о вольных хлебопашцах и обязанных поселениях.

Большинство членов комитета (семеро из десяти) горячо поддержали предложение Ростовцева. Это было естественно: проект прямо заявлял о неприкосновенности собственности помещиков, кроме того, издание такого документа решительно ограничивало деятельность комитета рассмотрением только двух прежде изданных законов и, таким образом, в сущности сводило ее к нулю.

Среди оппонентов Ростовцева лишь Д. Н. Блудов отвергал идею ограничить деятельность комитета только исправлением прежних указов как меру, препятствовавшую делу освобождения крестьян. Он справедливо замечал, что «сии законы, даже исправленные и дополненные, относясь к частным и довольно редким случаям, не могут вполне и окончательно разрешить великой подлежащей правительству задачи». Вместе с тем Блудов доказывал, что помещики вряд ли поверят заверениям правительства о неприкосновенности их собственности, а крестьяне, разочаровавшись в намерениях правительства, могут «предаться отчаянию» и пойти на открытое выступление.

Шеф жандармов В. А. Долгоруков протестовал против издания указа из совершенно противополож-

ных соображений: он считал даже такое гласное заявление о работе верховной власти над крестьянским вопросом крайне опасным и вредным. Он требовал решительной расправы с нарушителями существующего порядка, не стесняясь при этом, как он выражался, требованиями «формального делопроизводства».

Промежуточную позицию занял П. П. Гагарин, предложивший отсрочить опубликование указа до выработки основных начал предстоявших преобразований, с тем чтобы правительство не связало себе руки заранее. Именно с последним мнением и согласился Александр II¹⁶, который, без сомнения, прекрасно понимал, что издание предлагавшегося Ростовцевым указа как раз к этому и приведет. Большинство же комитета, высказавшись в поддержку предложения Ростовцева, наглядно продемонстрировало, что меньше всего на свете было заинтересовано в действительной разработке плана освобождения крестьян в России.

К концу февраля 1857 г. государственная канцелярия окончила порученные ей работы, составив пять исторических записок. Первые две излагали историю, сущность и недостатки законов о вольных хлебопашцах и об обязанных крестьянах, в третьей был дан обзор всех остальных проектов и предложений относительно освобождения крепостных крестьян, известных правительству с начала XIX в., четвертая обобщала все материалы, связанные с положением дворовых, и, наконец, пятая касалась вопроса о праве собственности помещичьих крестьян. Вся эта работа основывалась на материалах, доставленных «как из архива ее, так и из бывшего Комитета 6 декабря, из I, II, III Отделений собственной его императорского величества канцелярии, из Министерства внутренних дел и из других ведомств и управлений». В распоряжении государственной канцелярии находилось 27 проектов, составленных уже в царствование Александра II, но они так и «не были рассмотрены в подробности»¹⁷.

Третье заседание Секретного комитета, состоявшееся 28 февраля, было посвящено вопросу о том, что же делать дальше с этими материалами. Выслушав краткое извлечение из записок, члены комитета решили несколько изменить порядок работ и передать полученные документы вместе с различными проектами освобождения крестьян в Приготовительную комиссию, с тем чтобы она «определила основания

предстоящих Комитету работ и соображения свои внесла на окончательное рассмотрение Комитета»¹⁸.

Прежде чем приступить к анализу результатов деятельности Приготовительной комиссии, вернемся немного назад, к декабрю 1856 г. Именно тогда министр внутренних дел Ланской подал царю два доклада о крестьянском вопросе. Сравнение предложений Ланского с мнениями, представленными в апреле — мае 1857 г. членами созданной Секретным комитетом комиссии, позволяет нагляднее представить себе характер ее деятельности.

Составленный Левшиным первый доклад Ланского, датированный 23 декабря, являлся по существу критическим разбором записки М. П. Позена, как мы знаем, очень высоко оцененной Александром II на первом заседании Секретного комитета. Уже в самом начале доклада Ланской указывал, что «в этом проекте хотя и есть мысли очень справедливые, но средства, предлагаемые к достижению цели», по его мнению, были «неудобоисполнимыми». Главный же недостаток проекта, по мысли авторов доклада, состоял в том, что в качестве оснований освобождения крестьян были приняты уже существовавшие законы о вольных хлебопашцах и об обязанных крестьянах, а также предполагавшееся постановление о введении ипотечной системы (земельного кредита). Оценивая первые две меры, Ланской писал: «Время и опыт доказали, что первые два закона не заключают в себе тех элементов, которые могли бы побудить значительное число дворян ими воспользоваться, а потому действие их донныне оставалось ничтожным». В отношении же третьей меры в докладе говорилось, что проведение ее в жизнь потребует серьезных изменений законодательства и очень длительного времени.

Записка Позена, в предложениях которого не было мер общих и обязательных, должна была, по мнению Ланского, затянуть операцию освобождения крестьян на «десятки лет, а может быть, и целое столетие». В докладе особенно отмечалась опасность такого положения, «когда из 10-ти смежных имений будут поодиночке освобождены 5 или 6, а остальные потребуют свободы силою». Министр предлагал развивать далее дело освобождения крестьян путем прямого и гласного обращения к дворянству. «Основания дела,— писал Ланской,— должны быть указаны высшим правительством; развитие их могут исполнить только

губернские комитеты дворянства». Министр возражал также против наделения крестьян землей и связанной с этим огромной финансовой операции¹⁹.

Составитель доклада А. И. Левшин рассказывал, что, подписав его, министр сказал: «Думаю, что замечания наши основательны, но если государь спросит меня, какой, по моему мнению, ход следует дать делу освобождения,— что я буду отвечать? Я уже не имею права теперь сказать, что не готов к ответу, хотя краткому»²⁰. Следствием разговора Левшина с Ланским явился второй доклад, также датированный 23 декабря 1856 г. и содержащий план начала подготовки реформы.

План предусматривал следующие меры: 1) объявить дворянству через губернских предводителей о решении верховной власти «улучшить участь помещичьих крестьян постепенным сближением их с другими свободными сословиями»; 2) провести реформу на следующих основаниях: объявить крестьян лично свободными и предоставить им права общинной собственности на землю, занятую крестьянской усадьбой, не устанавливая выкупа за личность крестьянина (хотя проект и не исключал возможности этого); дать крестьянам возможность со временем приобрести пахотную землю (так же, как это было в Прибалтийских губерниях); для составления конкретных же правил создать дворянские губернские комитеты, «дав им на совершение сего труда два или один год сроку», а разработанные ими проекты рассмотреть «в особом верховном комитете»²¹.

Таким образом, уже в декабре 1856 г. Министерство внутренних дел предлагало практический план, мало отличавшийся от того, с которого в конце концов через год и была начата реальная подготовка реформы*. Однако и царь, и члены Секретного комитета, как мы уже видели, приступили к делу иначе,

* Может на первый взгляд показаться странным, что Ланской, в декабре 1856 г. столь решительно отвергший план освобождения крестьян на основе законов о вольных хлебопашцах и обязанных крестьянах и предложивший свой план практических действий, на заседании Секретного комитета 17 января 1857 г. примкнул к реакционному большинству. Однако хорошо знавший Ланского Левшин предвидел именно такую возможность: поясняя свое нежелание представить отдельный проект отмены крепостного права, он утверждал, «что никакого проекта своего Ланской не мог бы отстоять». Очевидно, так и было: увидев, что влиятельное большинство не разделяет его мысли, Ланской не решился защищать свою позицию.

полностью игнорируя оба доклада Ланского. Возможно, впрочем, что царь не считал нужным познакомить с ними членов комитета.

Приготовительная комиссия рассматривала переданные ей материалы еще два месяца. Однако она так и не смогла выполнить порученное ей дело: определить «основания предстоящих Комитету работ». Заседания комиссии проходили в упорных, но бесплодных спорах, ибо ни одна из спорящих сторон не считала возможным пойти на уступки другой. Только к двадцатым числам марта было достигнуто некоторое соглашение между Ростовцевым и Гагариным. 21 марта последний записал в своем дневнике: «Ростовцев пришел ко мне, он принимает мою мысль — личная свобода без условий и без земли, но с усадьбой и постройками по воле помещика; он требует только согласия крестьян»²². Компромисс был оформлен в виде общего мнения, в котором были все же оговорены оставшиеся разногласия: Ростовцев настаивал на обязательности согласия крестьян, а Гагарин исключал из предложений Ростовцева усиление земской полиции и власти предводителей, а также учреждение особого отделения при собственной его императорского величества канцелярии²³. Однако и это соглашение оказалось недолговечным. Уже 4 апреля Гагарин отмечал: «Наши мнения слишком различны, чтобы их объединить»²⁴. Единственный общий вывод, к которому пришла комиссия, состоял в том, что она не может выполнить и основного возложенного на нее поручения — изменить и сделать практически применимыми законы о вольных хлебопашцах и обязанных поселянах. Ведь и к этому нельзя было приступить без все тех же «основных начал». В итоге комиссии пришлось представить три отдельных мнения²⁵.

Мнение Ростовцева было выражено в его записке от 20 апреля 1857 г. Находясь в это время под сильным влиянием Позена, Ростовцев считал его проект единственно осуществимым. Он писал: «Этот проект, вполне практический, умеряющий все опасения, обеспечивающий все интересы, обильный благими последствиями введения ипотечной системы, был бы превосходен, если б, во-первых, указал финансовые для осуществления своего средства, во-вторых, был бы окончательно развит в административном положении». Утверждая, далее, что «крепостных следует подготавливать к свобо-

де постепенно, не усиливая в них желания освобождения, но открывая все возможные пути», Ростовцев предлагал провести отмену крепостного права в три этапа. На первом — безотлагательно «умягчить» положение крестьян, ничего не меняя по существу; на втором, очень длительном этапе, должен был произойти перевод всех крепостных крестьян в обязанные поселение, причем они получали личную свободу; на третьем этапе крепостное право уничтожалось окончательно. Кроме того, Ростовцев вновь поднимал вопрос о предлагавшемся им ранее именном указе Сенату. Основу мнения Гагарина составляло требование предоставить помещикам право «освобождать крестьян целыми селениями без условий и без земли». Крестьянам должна была предоставляться лишь «усадебная оседлость». Вотчинная власть помещика полностью сохраняла свою силу²⁶. Таким образом, проект Гагарина точно следовал процедуре освобождения крестьян в Остзейских губерниях в 1816—1819 гг.

Третий член комиссии — М. А. Корф — предлагал начать дело с циркуляра губернским предводителям дворянства, по которому они должны были начать обсуждение условий реформы. Он считал возможным воздержаться от руководящих указаний, но предостеречь дворянство от предложения чрезмерно крутых мер, заведомого ущемления интересов одной из сторон и больших финансовых затрат²⁷.

Как мы увидим далее, лишь план Ростовцева был положен в основу суждений Секретного комитета. В целом же Приготовительная комиссия несколько не продвинула его работу и была лишь шагом назад по сравнению с планом Министерства внутренних дел, предложенным еще до создания Секретного комитета.

Выслушав мнения комиссии и текст журнала ее последнего заседания, комитет, как писал во всеподданнейшем докладе А. Ф. Орлов, «не мог по чрезвычайной важности дела тотчас приступить к рассмотрению его подробностей, но... положил: мнения сии препроводить ко всем членам Комитета с тем, чтобы они прочитали их дома и сообщили свои замечания». Одним словом, Секретный комитет продолжал упорно проводить свою прежнюю тактику задержек и проволочек. Изучение этих материалов его членами затянулось. Только Ланской представил свои замечания 13 июня²⁸. Он поддерживал предложения Корфа

и сформулировал три вопроса, требовавшие решения в качестве «основных начал»: а) останется ли вся земля по-прежнему во владении помещиков? в) если останется право владения, то должно ли быть ограничено право пользования крестьян землей, им отведенной, т. е. может ли помещик безусловно удалить со своей земли освобожденных поселян или должен подчиниться законным ограничениям? с) может ли помещик ожидать от правительства какого-либо вознаграждения за личность крестьянина и за землю, если закон обяжет его наделить ею освобожденных крестьян? ²⁹

Задав эти вопросы, министр внутренних дел предложил и свои ответы на них в записке, представленной в Секретный комитет 26 июля. «Основные начала» предстоявшей реформы, по мысли фактического автора записки А. И. Левшина, определялись следующим образом. Помещики сохраняли право собственности на землю, крестьянам же предоставлялось право пользования ею «под неперменным условием платы за нее деньгами или работою». Помещик не имел права согнать с земли своих крестьян, превращающихся в батраков или арендаторов. Последняя мера должна была предотвратить появление в России пролетариата. А. И. Левшин предлагал предоставить крестьянам право выкупа «усадебной оседлости» с различными размерами в разных частях России. В черноземных губерниях плата за усадьбу (причем ограниченных размеров) должна была соответствовать «действительной или самой умеренной стоимости», в нечерноземных же крестьянин должен был платить за усадьбу в таких размерах, чтобы вознаградить помещиков «за потерю крестьян, составляющих его главный капитал». Предлагался, таким образом, лишь слегка замаскированный выкуп за личность крестьянина, хотя и не на всей территории России.

Вся указанная операция должна была составить первый период реформы, рассчитанный на 10—15 лет. В этом периоде крестьянин оставался «крепким земле» и лишь во втором периоде официально освобождался и должен был выкупить в собственность ту землю, которая до этих пор оставалась за ним «только в условном владении». Однако о сокращении этого периода, говорилось в записке, «теперь нет еще ни необходимости, ни достаточной возможности правительству определенно заботиться» ³⁰.

Рассмотрев программу, предложенную Министерством внутренних дел, мы сразу обнаруживаем, что она направлена к ограждению интересов помещиков. Перед нами достаточно цельный документ, отражающий позиции крепостников. Сам автор этого плана А. И. Левшин писал впоследствии: «Пока я действовал на поприще освобождения, мы последовательно держались этой мысли (о праве дворянства на исключительное владение населенными имениями.— С. М.), тем более что она гармонировала с мнениями и первыми циркулярами Ланского; когда же я вышел из министерства, он сделался гонителем дворянства и преследовал всех возражавших и действовавших без раболепства в смысле противном»³¹.

Между тем еще до представления Ланским этой последней записки А. Ф. Орлов по требованию Александра II, находившегося в Киссингене, послал царю при своем докладе мнения членов Приготовительной комиссии и замечания на них Ланского. Орлов отмечал, что комитет не рассмотрел эти документы и не принял по ним никакого решения, но передал опасения большинства членов по поводу предложений Корфа: «Поручение дворянству каждой губернии составить соображения о будущих отношениях к ним крестьян, без сомнения, взволнует умы и помещиков, и крестьян, возбудит много толков и даже может быть причиною разных между помещиками и крестьянами беспокойств и волнений». Присоединяясь к этому мнению, Орлов снова указывал на необходимость предварительной разработки «главных оснований».

Царь к этому времени был весьма неудовлетворен деятельностью Секретного комитета. Резолюция его на докладе Орлова информировала последнего о беседах Александра II в Киссингене с П. Д. Киселевым по крестьянскому вопросу и требовала решительного перелома в работе комитета. Царь писал: «Желаю и требую от вашего комитета общего заключения, как к сему приступить, не откладывая оного под разными предлогами в долгий ящик. Гакстгаузен* отгадал мое главное опасение, чтобы дело не началось само собой снизу»³².

* Барон А. Гакстгаузен — известный исследователь аграрных отношений в Пруссии и России, представивший в июне 1857 г. Александру II записку об отмене крепостного права, где писал о необходимости немедленно приступить к подготовке реформы, передав все дело в руки дворянства.

Анализируя позицию царя в крестьянском вопросе, проявившуюся к тому времени достаточно определенно, можно прийти к выводу о затруднительном положении, в котором он оказался. Нет сомнения, что Александр II не только ясно осознавал необходимость отмены крепостного права, но и считал это вопросом, не терпящим отлагательства. Сделав в начале 1856 г. публичные заявления, достаточно ясно свидетельствовавшие о его намерениях, он не остановился на этом, но вскоре предложил генерал-губернатору Прибалтийских губерний В. И. Назимову выяснить возможности обращения дворянства подчиненных ему губерний к верховной власти с ходатайством об освобождении принадлежавших им крестьян. Предлогом для обсуждения этого вопроса в губерниях должно было послужить предполагавшееся будто бы изменение в инвентарных правилах. Иными словами, речь шла о том, чтобы не правительство, а само дворянство выступило с инициативой отмены крепостного права. На протяжении многих десятилетий это представлялось верховной власти, боявшейся не только крестьянских волнений, но и возможности оттолкнуть от себя главную опору трона — дворянство, единственным путем решения проблемы. Исход этих переговоров Назимова был еще, разумеется, весьма проблематичен, и следовало пока приступить к делу обычными путями.

Суть вопроса заключалась в том, что, признав необходимость решения крестьянского вопроса, верховная власть не располагала никакой программой действий. Так возникли описанные уже поручения сперва Министерству внутренних дел, потом Секретному комитету. План, представленный царю в конце 1856 г. Ланским, на наш взгляд, не мог удовлетворить Александра именно потому, что он предусматривал рекомендацию верховной власти дворянству приступить к рассмотрению крестьянского вопроса, а не ходатайство дворянства по этому поводу перед царем. Секретный же комитет по существу саботировал данное ему поручение, не проявляя достаточного понимания реальности угрозы освобождения «снизу».

Подстегнутый решительной резолюцией царя Секретный комитет в августе 1857 г. попытался все же выдвинуть предложения о том, как приступить к делу. Обсуждению этого вопроса были посвящены заседания

14 и 17 августа. Итоги их, не только представлявшие собой крепостническое решение крестьянского вопроса, но и затягивавшие его реализацию на десятки лет, совершенно ясны из журнала комитета. «Комитет пришел к положительному убеждению, — говорится там, — что ныне невозможно приступить к общему освобождению крепостных у нас крестьян, что они вовсе не приготовлены к получению внезапно и вдруг свободы, что общее объявление их свободными расстроит вековые отношения их к помещикам и может поколебать спокойствие и порядок в государстве и что потому в сем важном государственном деле надо действовать не вдруг, но... осторожно и благоразумно»³³. В соответствии с этой общей идеей комитет предложил разделить подготовку отмены крепостного права на три периода. В первом из них предполагалось «смягчение и облегчение» крепостного состояния; основы взаимоотношений помещиков и крестьян ни в чем не изменялись, но помещикам разрешалось освобождать крестьян по взаимному с ними соглашению при условии предоставления им усадьбы, обеспечения их существования, уплаты всех финансовых сборов и, конечно, выполнения крестьянами обязанностей по отношению к помещикам. Тем временем Министерство внутренних дел должно было собрать различные мнения и другие материалы, на основании которых к концу периода, не имевшего, правда, конкретных сроков, можно было бы составить окончательный план отмены крепостного права.

Во втором, «переходном» периоде крестьяне должны были постепенно получать личную свободу, оставаясь прикрепленными к земле. И только третий период, терявшийся в отдаленной перспективе, был назначен для полного освобождения крестьян³⁴. Реальные задачи намечались, таким образом, только для первого периода, ведь, по справедливому замечанию Левшина, «никто из членов Комитета не пережил бы первого периода, а следовательно, о втором и третьем не было и надобности много толковать, достаточно было указать на них в туманной дали, дабы очертить рамку картины»³⁵.

Можно подумать, что журнал комитета представляет собой коллективное мнение реакционных высших сановников империи, недальновидно, но единодушно пытавшихся фактически сохранить крепостное право, превратив его отмену в процесс, рассчитанный на

жизнь нескольких поколений. Однако другие сохранившиеся материалы, как они ни малочисленны, позволяют увидеть, что это решение на деле является компромиссом между диаметрально противоположными точками зрения, родившимся в упорной борьбе мнений.

Крайне правая позиция, подробнейшим образом изложенная в дневнике П. П. Гагарина и сводившаяся к стремлению не оттягивать решение крестьянского вопроса, а открыто отказаться от него, не признавая его актуальности, поддерживалась, вероятно, Бутковым и Орловым. Средняя позиция наиболее определено была представлена Ростовцевым, с планом которого мы уже знакомы. Ближе всего к действительной подготовке отмены крепостного права, хотя и крепостническим путем, была программа Министерства внутренних дел, составленная А. И. Левшиным и представленная в комитет С. С. Ланским. Близок к ним был, несомненно, и вел. кн. Константин Николаевич, ставший к этому времени членом комитета. Из того же дневника Гагарина выясняется, что именно он отстаивал на августовских заседаниях идею создания теперь же губернских комитетов для обсуждения программы реформ³⁶.

Борьба была, по всей вероятности, такой ожесточенной, что записи о ней, сделанные после первого заседания, Гагарин не решился оставить даже в интимном дневнике и вырезал из него два листа. Однако в следующей записи, сделанной 19 августа, в день подписания членами Секретного комитета составленного накануне журнала, рассказывая о своей попытке еще раз остановить его подписание, Гагарин передал свои слова, обращенные к Орлову: «...я настаиваю, чтобы для помещиков была оставлена какая-нибудь свобода решения», и ответ Орлова: «Никто на это не согласится», прекращавший дальнейшую дискуссию. «Читали и подписывали,— отмечал Гагарин,— избегая возобновлять дебаты». Эта напряженная атмосфера с трудом достигнутого компромисса ясно комментируется дальнейшим рассказом о заседании 18 августа: «...в таком бурном и потрясающем заседании не было возможности защищать все, что было предложено заранее, так как я обязан был пядь за пядью отстаивать свою позицию, чтобы не допустить таких поджигательских мер, как учреждение губернских комитетов,

которые предложил вел. князь»³⁷. Известно также, что решение Секретного комитета о трех периодах было принято по предложению вел. кн. Константина Николаевича, который записал в своем дневнике 17 августа: «Крестьянский комитет. Заключение по моему предложению. Определили три периода»³⁸.

Можно предположить, что предложение о трех периодах, близкое к программе Ростовцева, было внесено тогда, когда стала ясна невозможность получить согласие большинства членов на скорое создание губернских комитетов. В этих разногласиях отразилось и отношение группировок внутри комитета к перспективам действий Назимова, о которых комитет был официально осведомлен царем еще на третьем заседании: правая часть рассчитывала, по-видимому, на неудачу его действий, левая была уверена в обратном. Так, в записке Ланского, представленной 26 июля, прямо говорилось о возможности начать отмену крепостного права с Прибалтийских губерний, подчиненных «одному генерал-губернатору, который по высочайшей воле уже готовится все к необходимому изменению»³⁹.

План, одобренный в конце концов Секретным комитетом, был все же несколько прогрессивнее, чем план Ростовцева: согласно ему, уже в первом периоде разрешалось помещикам по соглашению с крестьянами освобождать их; во втором же периоде, на протяжении которого Ростовцев предлагал действовать лишь в пределах крестьянского законодательства николаевского и александровского времен, комитет, хотя и в туманных выражениях, высказался все-таки за личное освобождение крестьян. Вместе с тем очевидно, что решение комитета представляло значительный шаг назад по сравнению с проектами Левшина — Ланского, которые последний не сумел или не решился отстоять даже при поддержке великого князя.

Решение Секретного комитета, отодвигавшее начало практического приступа к реформе на неопределенный срок, было тем не менее одобрено императором. Более того, в помете на письме В. А. Долг рукову он назвал этот план «очень разумным и единственно практическим»⁴⁰.

Вряд ли можно видеть в этом отступление Александра II от прежних намерений. По всей вероятности, даже такая программа отмены крепостного права

устроивала его больше, чем отсутствие всякой программы вообще. Главным недостатком ее, с точки зрения царя, должно было быть отсутствие в ней дворянской инициативы как условия начала реформы. Однако хронологическая неопределенность первого периода позволяла верховной власти продолжать искать такую инициативу и лишь затем переходить к решительным действиям. Как показали дальнейшие события, при этом условии царь к ним был вполне готов.

«После утверждения журнала 18-го августа многие из участников в составлении его ласкали себя надеждою,— писал в своих воспоминаниях А. И. Левшин,— что дело уснет»⁴¹. Но именно в это время губернские комитеты западного края закончили свою деятельность, о чем Назимов и сообщил министру внутренних дел в секретном отношении от 25 сентября 1857 г. Признавая, что «в настоящее время... настает необходимость в прекращении крепостного состояния помещичьих крестьян»⁴², дворянство западных губерний предлагало только личное освобождение своих крестьян, не желая ограничивать себя при этом никакими условиями⁴³.

18 октября Ланской представил царю доклад по этому поводу, содержащий и предложения министерства о том, как следует поступить верховной власти в сложившейся ситуации. Убедившись на опыте в возможности обсуждения крестьянского вопроса в губернских комитетах, министр предлагал выполнить задачи, намеченные Секретным комитетом на первый период, используя эту форму и в других частях России. Однако, как ни хотелось Левшину в своих воспоминаниях преувеличить свою активность в продвижении реформы на этом этапе, он все же не смог скрыть того факта, что ему и в голову не пришло предложить использовать решения дворянских комитетов западных губерний как ту самую дворянскую инициативу, которой так добивалась верховная власть в течение прошедшего года.

По распоряжению Александра II одобренный им доклад министра вместе с материалами, присланными В. И. Назимовым, был передан на рассмотрение в Секретный комитет⁴⁴. Тот, как обычно, «медлил, не чувствуя себя готовым сказать что-либо новое, более определенное после журнала 13-го августа».

Как раз в этот момент в Петербург прибыл В. И. Назимов, появление которого внесло новые моменты

в ситуацию. «Он не привез ничего нового,—писал А. И. Левшин,—ничего положительного, но требовал, чтобы ему были даны наставления, как действовать, объясняя, что без точных указаний ему неприлично возвратиться в свои губернии». По своей должности генерал-адъютанта Назимов почти каждый день своего пребывания в Петербурге виделся с Александром II, который, «слыша повторения, что ему не дано еще ответа, пришел в нетерпение и приказал, чтобы в течение осьми дней вопрос был решен»⁴⁵.

В эти же дни император писал из Петербурга кн. А. И. Барятинскому: «Я нашел здесь всех крайне озабоченными освобождением крестьян, что естественно, потому что касается более или менее интересов всех классов. Но, к несчастью, с нашей манией болтать и выдумывать то, о чем никогда не было и речи, возбуждают страсти и создают лихорадочное беспокойство, которое хотелось бы унять. Все это не остановит меня, однако, в моем стремлении довести с божьей помощью до благополучного разрешения меру, которую я считаю жизненно важным вопросом»⁴⁶.

После высочайшего повеления Секретному комитету не оставалось ничего другого, как заняться проблемой вплотную. Учитывая особенное положение западных губерний и готовность дворянства «вместо исправления инвентарей» освободить крестьян от крепостной зависимости, его члены вынуждены были признать, что «было бы вредно препятствовать подобным желаниям дворянства». Исходя из этого, комитет на заседании 2 ноября постановил: «...разрешить дворянству сих 3-х губерний теперь же приступить к обсуждению всех подробностей этого важного и обширного дела»⁴⁷. Левшин в связи с этим писал: «...комитет встрепнулся и впросонках поручил министру внутренних дел вместе с министром государственных имуществ составить в течение трех дней проект рескрипта, в котором указать генералу Назимову, на каких именно основаниях он должен приступить к делу. Поручение это министр Ланской передал мне»⁴⁸.

Составленная Левшиным за 48 часов записка с изложением основ, на которых предполагалась отмена крепостного права в западных губерниях, была рассмотрена и исправлена Ланским и министром государственных имуществ М. Н. Муравьевым и наконец 8 ноября представлена в Секретный комитет. Главные ее

положения полностью совпадали с предложениями записки министра внутренних дел от 26 июля 1857 г.: помещики оставались собственниками всей земли, но должны были предоставить часть ее в пользование крестьянам (размер участков земли не оговаривался); крестьяне должны были выкупить усадьбу; кроме того, устанавливался переходный период сроком от 8 до 12 лет. К прежним положениям Ланского было добавлено, что за помещиками сохраняется вотчинная полиция, но крестьяне, образуя особые сельские общества, получают и свое управление⁴⁹.

Все попытки членов Секретного комитета уклониться от немедленного решения и этого вопроса были напрасны: в новой ситуации верховная власть проявляла настойчивость. 5 ноября Гагарин записал в дневнике: «Император недоволен отсутствием доброй воли у Комитета по освобождению и медленностью заседаний. Вел. кн. Константин сказал мне, что пришел в отчаяние, когда увидел настроения членов столь многочисленного Комитета»⁵⁰.

9 ноября 1857 г. Секретный комитет в основном согласился с предложениями Левшина. Было решено изложить их в двух документах: в рескрипте императора на имя виленского генерал-губернатора, где предполагалось указать «непреложные и неперменные начала», и в отношении к Назимову министра внутренних дел, где должны быть перечислены начала, «подлежащие обсуждению» и могущие «быть измененными в подробностях»⁵¹. Эти два документа, составленные, по-видимому, Бутковым, были обсуждены Секретным комитетом 16 и 18 ноября, а затем вместе с журналом трех ноябрьских заседаний представлены царю. Его резолюция гласила: «Благодарю гг. членов комитета за первый и решительный приступ к сему важному делу. Да поможет нам бог довершить его повсеместно к благу России»⁵².

19 ноября Александр II записал в дневнике: «До $\frac{3}{4}$ 12 раб [отал], подпис[ал] рескр[ипт] г[енерал]-а[дью-танту] Назим[ову] для осв[обождения] крест[ьян] литов[ских] губ[ерний]»⁵³. Официально же журнал Секретного комитета был подписан 20 ноября. Через два дня император писал А. И. Барятинскому: «Великий вопрос об освобождении крестьян сделал первый шаг. Дворянство трех литовских губерний обратилось ко мне с просьбой разрешить это для их крестьян, а я,

естественно, дал им свое согласие, объявив рескриптом на имя генерал-губернатора Назимова главные основания, на которых они могут это сделать, и представив комитетам, избранным дворянством в каждой губернии, позаботиться о разработке деталей на местах. Этот рескрипт, который публикуется, успокоит, я надеюсь, все дворянство, а крестьяне выбросят из головы разные химеры, которыми хотели их питать неблагонамеренные люди. Мне кажется, что эти основания столь же разумны, сколько и справедливы. Дай бог, чтобы дворянство остальной империи последовало вскоре этому примеру»⁵⁴.

Позиция царя в этих трех документах совершенно разного назначения — официальной резолюции, интимном дневнике и частном письме — едина и ясно выражена. В отличие от Секретного комитета, большинство членов которого, с одной стороны, полагало, что рескрипт Назимову и его практические последствия укладываются в рамки задач первого периода (в частности, собрать материалы для будущих решений), с другой — усматривало в этом документе решение частного, а не общего для всей России вопроса, царь видел в нем начало практического приступа к крестьянской реформе. Впрочем, так же понимал дело и проницательный П. П. Гагарин. 19 ноября 1857 г. он записал в своем дневнике: «Воображают, что приняли решение, относящееся исключительно к трем западным губерниям, а решили весь вопрос»⁵⁵.

Инициатива дворянства, на которую так рассчитывал император, наконец была получена. Теперь правительство в некоторой тревоге ожидало реакции крестьянства. 25 ноября 1857 г. Александр II писал наместнику Царства Польского М. Д. Горчакову: «По моему разумению, основания приняты справедливые и безобидные как для помещиков, так и для крестьян, но, несмотря на это, нам должно быть готовым к частным вспышкам и потому меры предосторожности необходимы и принимаются совместно с военным начальством». Спустя месяц, убедившись в отсутствии непосредственной опасности, царь сообщал тому же Горчакову, что не видит необходимости в предполагавшемся ранее немедленном передвижении войск в литовские губернии⁵⁶.

Рескрипт Назимову предписывал составить в каждой из трех губерний по «приуготовительному

комитету», а затем для обобщения результатов их деятельности создать «одну общую комиссию в г. Вильно». Эта комиссия должна была «постановить окончательное по всему делу заключение и составить проект общего для всех трех губерний положения с нужными по каждой изъятиями или особыми правилами». Общее руководство поручалось виленскому генерал-губернатору. Отношение министра внутренних дел на имя Назимова не содержало ничего принципиально нового по сравнению с рескриптом. Оно только поясняло и уточняло чисто бюрократическую сторону дела⁵⁷.

Еще во время ноябрьских заседаний Секретного комитета было решено опубликовать рескрипт Назимову в официальной части «Журнала Министерства внутренних дел». На заседании 23 ноября постановили напечатать там же и отношение министра внутренних дел. Рескрипт Назимову направлялся всем генерал-губернаторам, губернаторам и предводителям дворянства при особом отношении министра внутренних дел, также составленном в Секретном комитете⁵⁸. Последний документ разъяснял цель этой акции: упомянув об «особом удовольствии», с которым император разрешил Назимову начать дело освобождения крестьян в подчиненных ему губерниях, Ланской добавлял, что документы рассылаются на случай, если бы дворянство других губерний изъявило подобное желание⁵⁹. Результатом такого неприкрытого нажима верховной власти явилось открытие на протяжении 1858 г. во всех губерниях России дворянских комитетов.

Так, минуя в сущности Секретный комитет или во всяком случае вопреки желанию большинства его членов, отмена крепостного права в России вступила в область практических действий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы живем в эпоху коренных перемен, необходимость и неизбежность которых очевидны. Отечество снова стоит перед решением кардинальных вопросов, которое определит будущее страны. И поразительно, что так же, как в прошлом, и на этот раз в новых исторических условиях главные из них все те же: крестьянский вопрос и вопрос о политической власти.

Понятно поэтому, почему необходимо, обращаясь к истории, не только искать истоки сегодняшних противоречий в близких к нам годах XX в., но и проследивать те нити, которые тянутся к ним из более далекого прошлого.

В предлагаемой читателю книге мы рассмотрели неудачные попытки самодержавия на протяжении первой половины XIX в. провести коренные реформы основ русской жизни. Отчего же неудачные? Почему сильная, неограниченная, авторитарная власть, опиравшаяся на мощную бюрократическую машину, не смогла осуществить то, в необходимости и жизненной важности чего она была убеждена? Да потому, что для этого она должна была перестать быть самой собой или по крайней мере стать на путь к этому.

На протяжении долгих десятилетий верховной властью владела иллюзия, будто в самодержавном государстве нет ничего легче, чем проведение любых реформ в приказном порядке, «сверху». Еще в Негласном комитете П. А. Строганов убеждал Александра I, что в отличие от конституционных государств, где каждый подобный шаг должен стать предметом парламентского обсуждения, которое неизвестно еще, к чему приведет, самодержец свободен в своих действиях. Лишь долгий печальный опыт привел верховную власть к трудновоспринимаемой ею мысли, что привычный, тайный, бюрократический способ решения назревших проблем не может дать желаемого результата. Лучшим доказательством этого является та удивительная метаморфоза, которую пережил вопрос о крестьянской реформе в конце 1850-х годов, когда из Секретного комитета 1857 г. он был передан на рассмотрение губернских комитетов. В Секретном комитете были собраны лучшие из высших бюрократов,

какими располагала в то время государственная власть, но как бледны и неконструктивны были все их предложения! Однако стоило только разрешить публичное обсуждение крестьянского вопроса, как оказалось, что передовая мысль не погибла в задавленной николаевским временем стране. Несмотря на то что большинство помещиков противилось реформе, возможность высказаться меньшинству дала обнадеживающие плоды. И хотя в зазвучавших голосах было немало консервативного, непродуманного, а реформа далеко не оправдала надежд передовой части общества, но все это были уже проблемы иного плана, трудности нового пути.

Мы видели, как долго, трудно и болезненно приходило к самодержавию понимание, что без привлечения общества, без того, чтобы поделиться с ним хоть малой частью своей власти, преобразовать страну невозможно. Именно этот барьер политических представлений не могли преодолеть ни Александр I, ни его преемник.

Александр I хорошо понимал, что России необходима конституция, необходимо освобождение крестьян, пытался этого достичь, но потерпел неудачу. К тому же стремились и декабристы. Но самодержец, испытывавший острый дефицит в мыслящих людях, и подумать не мог об опоре на этих передовых политических мыслителей. Вместо того чтобы идти к общей цели вместе, верховная власть жестоко расправилась с лучшей частью российского общества.

История неудачных реформаторских попыток самодержавия, рассмотренная нами, убедительно демонстрирует и другую сторону вопроса. Неограниченная верховная власть и служащий ей бюрократический аппарат в силу своей сущности исключали гласность. Тайна, замкнутость любых государственных решений в узком круге доверенных лиц органически присущи такой системе. И именно это не позволило ей осуществить реальные перемены. Протесты против тайны, призывы к гласности, которыми полон сегодняшний день нашей страны, раздавались и 150 лет назад. Уже декабристы видели в гласности действенное средство борьбы против самодержавного произвола. Нет другого лекарства против общественных язв, писал декабрист И. И. Пущин, «кроме мнения и гласности, которые, к сожалению, до сих пор в русском обществе

считаются преступными, как будто дело общее (res publica) не есть дело каждого»*. Слова ссыльного революционера звучат так, будто написаны сегодня.

Думается, что современного читателя не нужно долго убеждать в том, как важно для нас знание об удавшихся и о неудавшихся реформах прошлого века. Изучая прошлое, мы учимся лучше понимать настоящее.

* *Пушкин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 252.*

Введение (с. 3—10)

¹ ЦГАДА, ф. 3 (разряд III), д. 25.

² История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. Т. 4: Назревание кризиса крепостного строя в первой половине XIX века. М., 1967. С. 167.

Глава 1 (с. 11—73)

¹ Le Constitutionnel. 1819. № 326.

² См.: *Вернадский Г. В.* Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года: Историко-юридический очерк. Прага, 1925. С. 67; *Stern A.* Die Ergänzung zu der Mitteilung «Eine Konstitution für Rußland vom Jahre 1819» // *Historische Zeitschrift*. 1894. Bd 73. S. 285.

³ *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 9.

⁴ Из писем и показаний декабристов/Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906. С. 35—36.

⁵ *Бестужев А. А.* Об историческом ходе свободомыслия в России (письмо к Николаю I) // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. I. М., 1951. С. 496.

⁶ *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 121.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 1409 (собственной е. и. в. канцелярии), оп. 1, д. 1750, л. 1.

⁸ *Oginski M.* Memoires sur la Pologne et les polonais depuis 1788 jusqu'à la fin de 1815. Т. 4. Paris, 1827.

⁹ См.: *Аскенази Ш.* Царство Польское. 1815—1830. М., 1915. С. 55, 56.

¹⁰ См.: *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 5. СПб., 1871. С. 369—371. Н. К. Шильдер опубликовал этот отрывок полностью в приложении к четвертому тому своего исследования об Александре I (см.: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1898. С. 495, 496).

¹¹ Ш. Аскенази прямо писал о сопротивлении Константина, но, на каких источниках основано это утверждение, неизвестно (см.: *Аскенази Ш.* Указ. соч. С. 57).

¹² Московские ведомости. 1818. № 29. С. 575—577; Северная почта. 1818. № 26.

¹³ Цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 92.

¹⁴ РИО. Т. 73. СПб., 1890. С. 280, 281.

¹⁵ РИО. Т. 78. СПб., 1891. С. 192.

¹⁶ Там же. С. 2.

¹⁷ Толки и настроения умов в России по донесениям высшей полиции в С.-Петербурге с августа 1818 по 1 мая 1819 г. // Русская старина. 1881. № 11. С. 669.

¹⁸ Русский архив. 1869. Стб. 1697—1703.

¹⁹ Архив князя Воронцова. Т. 8. М., 1876. С. 363.

²⁰ *Ланда С. С.* Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816—1825. М., 1975. С. 84.

- ²¹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 236, 237.
- ²² Волконский С. Г. Записки. СПб., 1902. С. 395, 396.
- ²³ См.: Ланда С. С. Указ. соч. Гл. 1, 2.
- ²⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812—1819. СПб., 1899. С. 105.
- ²⁵ См.: Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982. С. 185.
- ²⁶ Вяземский П. А. Автобиографическое введение // Полн. собр. соч. Т. I. СПб., 1878. С. XXXV. Ср. примечания, сделанные Вяземским к его «Исповеди» в «Старой записной книжке» (Там же. Т. 9. СПб., 1884. С. 106).
- ²⁷ Остафьевский архив... Т. 1. С. 101.
- ²⁸ Богданович М. И. Указ. соч. Т. 5. СПб., 1871. С. 376.
- ²⁹ Аскенаси Ш. Указ. соч. С. 58.
- ³⁰ Гросул Я. С. Автономия Бессарабии в составе России 1812—1828 гг. // Он же. Труды по истории Молдавии. Кишинев, 1982. С. 169—171. См. также: Гросул В. Я. О конституционалистской политике России на Балканах // Вопросы истории. 1969. № 8.
- ³¹ Остафьевский архив... Т. 1. С. 109.
- ³² Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому // Старица и новизна. Кн. I. СПб., 1897. С. 54.
- ³³ Остафьевский архив... Т. 1. С. 142.
- ³⁴ Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому. С. 69.
- ³⁵ Остафьевский архив... Т. 1. С. 178.
- ³⁶ Там же. С. 182, 183.
- ³⁷ Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. Пг., 1921. С. 185, 186.
- ³⁸ Остафьевский архив... Т. 1. С. 198.
- ³⁹ Цит. по: Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 57.
- ⁴⁰ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 2. СПб., 1879. С. 86, 87.
- ⁴¹ Там же. Т. 1. С. XXXV, XXXVI.
- ⁴² Чарторижский А. Мемуары. Т. 1. М., 1912. С. 284.
- ⁴³ Schiemann Th. Eine Konstitution für Rußland vom Jahre 1819 // Historische Zeitschrift. 1894. Bd 72. S. 65.
- ⁴⁴ Остафьевский архив... Т. 1. С. 650.
- ⁴⁵ Там же. С. 340.
- ⁴⁶ Там же. С. 204, 243, 246.
- ⁴⁷ Там же. С. 264, 265.
- ⁴⁸ Там же. С. 323.
- ⁴⁹ Schiemann Th. Op. cit. S. 65.
- ⁵⁰ Ibidem.
- ⁵¹ Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 65.
- ⁵² Stern A. Op. cit. S. 286, 287; Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 68.
- ⁵³ См.: Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 63.
- ⁵⁴ См.: Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 4. С. 471. Примеч. 243. См. также письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 5 ноября 1819 г. (Остафьевский архив... Т. 1. С. 344—346).
- ⁵⁵ ГПБ, ф. 488 (А. И. Михайловского-Данилевского), № 25, л. 204—204 об.
- ⁵⁶ Stern A. Op. cit. S. 286.
- ⁵⁷ РИО. Т. 73. С. 306.
- ⁵⁸ РИО. Т. 90. С. 212, 213; Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 36.
- ⁵⁹ ПСЗ. I собр. Т. XXXVII. № 28106. С. 24.
- ⁶⁰ Архив ЛОИИ, ф. 16 (А. Д. Балашева), оп. 1, д. 9, л. 4, 4 об. Ср.: ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 3284, л. 21.

- ⁶¹ Остафьевский архив... Т. 1. С. 329, 330.
- ⁶² Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому. С. 89, 90, 101.
- ⁶³ ИРЛИ, ф. 309 (Тургеневых), № 25, л. 60 об. Подлинник на фр. яз.
- ⁶⁴ Там же, л. 67, 67 об.
- ⁶⁵ Датировка свидания Вяземского с Александром I 1820-м, а не 1819 г. вытекает из описанного им далее своего участия в этот же приезд в организации общества с целью освобождения крепостных крестьян в России. Ошибка Вяземского еще в 1908 г. была отмечена Н. К. Кульманом. См.: *Кульман Н. К.* Из истории общественного движения в России в царствование императора Александра I // Известия рус. языка и словесности Академии наук. СПб., 1908. Т. 13. Кн. 1. С. 99.
- ⁶⁶ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 87, 88.
- ⁶⁷ Там же. Т. 1. С. XXXV, XXXVI.
- ⁶⁸ Как установил В. И. Саитов, известие о приезде Вяземского появилось в № 42 «С.-Петербургских ведомостей» (Остафьевский архив... Т. 2: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820—1823 (Примечания). СПб., 1901. С. 400).
- ⁶⁹ Первое письмо Вяземского А. И. Тургеневу, написанное после возвращения в Варшаву, датировано 24 июля (Остафьевский архив... Т. 2: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820—1823. СПб., 1899. С. 42).
- ⁷⁰ Подробнее об истории этой публикации см.: *Минаева Н. В.* Указ. соч. С. 189—191.
- ⁷¹ ЦГАДА, ф. 3 (разряд III), д. 25.
- ⁷² ЦГАДА, ф. 3, д. 25, л. 31 об. Все цитаты из «Уставной грамоты» приводятся в дальнейшем по этому экземпляру.
- ⁷³ *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 387.
- ⁷⁴ *Минаева Н. В.* Указ. соч. С. 196.
- ⁷⁵ *Тургенев Н. И.* Россия и русские. Т. 1. М., 1915. С. 69.
- ⁷⁶ См.: *Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 132, 133.
- ⁷⁷ Там же. С. 387.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ РИО. Т. 90. С. 212, 213.
- ⁸⁰ *Семевский В. И.* Общественные и политические идеи декабристов. СПб., 1909. С. 58, 59.
- ⁸¹ ЦГАДА, ф. 12 (разряд XII), оп. 1, д. 269, л. 73—75. Ср.: *Аскенази Ш.* Указ. соч. С. 60—64.
- ⁸² ЦГАДА, ф. 12, оп. 1, д. 269, л. 73.
- ⁸³ Там же, л. 74 об., 75.
- ⁸⁴ Там же, л. 76, 76 об. Ср.: *Аскенази Ш.* Указ. соч. С. 67, 68.
- ⁸⁵ ЦГАДА, ф. 3, оп. 1, д. 25, л. 99—109 об. Текст «Общего свода» был опубликован Т. Шиманом (Государственная уставная грамота Российской империи. Берлин, 1903. С. 116—128).
- ⁸⁶ А. В. Предтеченский без всяких оснований считает «Общий свод» третьей редакцией «Уставной грамоты» и датирует ее 1824 г., что явно противоречит фактам (*Предтеченский А. В.* Указ. соч. С. 384).
- ⁸⁷ Там же. С. 396.
- ⁸⁸ ПСЗ. 1 собр. Т. XXXVIII. № 29 344. С. 811, 812.
- ⁸⁹ См. об этом подробнее: *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы. М., 1989.
- ⁹⁰ ГПБ, ф. 859 (Н. К. Шильдера), к. 31, № 16, л. 3—7 об.; Деятнадцатый век: Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым. Кн. 1. М., 1872. Стб. 145—208.

- ⁹¹ ГПБ, ф. 859, к. 31, № 16, л. 3 об.
⁹² ЦГА ВМФ, ф. 19 (А. С. Меншикова), оп. 4, д. 507, л. 2—169.
⁹³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 23. С. 398.
⁹⁴ ПСЗ. 1 собр. Т. XXXVIII. № 28 954. С. 99—101.
⁹⁵ ГПБ, ф. 731 (М. М. Сперанского), оп. 1, д. 42, л. 3 об.

Глава 2 (с. 74—99)

- ¹ *Пушкин И. И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 84.
² *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857. С. 31.
³ Там же. С. 32—33 (прил.); *Шильдер Н. К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1897. С. 114.
⁴ См.: *Эйдельман Н. Я.* Грань веков // В борьбе за власть: страницы политической истории России XVIII в. М., 1988. С. 324—328.
⁵ *Шильдер Н. К.* Указ. соч. С. 163—164.
⁶ ГПБ, ф. 488 (А. И. Михайловского-Данилевского), № 25, л. 47—48. Ср.: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. СПб., 1898. С. 146.
⁷ Русская старина. 1897. № 6. С. 473 (пер. с франц.).
⁸ Императрица Александра Федоровна в своих воспоминаниях/Пер. с франц. // Там же. 1896. № 10. С. 53.
⁹ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 13—14.
¹⁰ *Корф М. А.* Указ. соч. С. 19—21.
¹¹ Междуцарствие 1825 года... С. 14.
¹² *Корф М. А.* Указ. соч. С. 25—28.
¹³ Цит. по: *Гордин Я. А.* События и люди 14 декабря. Хроника. М., 1985. С. 16.
¹⁴ *Корф М. А.* Указ. соч. С. 53.
¹⁵ Цит. по: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4. С. 402.
¹⁶ *Трубецкой С. П.* Записки // *Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. Иркутск, 1983. С. 232.
¹⁷ Междуцарствие 1825 года... С. 38.
¹⁸ *Гордин Я. А.* Указ. соч. С. 66—68.
¹⁹ Междуцарствие 1825 года... С. 39.
²⁰ *Корф М. А.* Указ. соч. С. 59.
²¹ Там же. С. 101.
²² См., напр.: *Шильдер Н. К.* Указ. соч. Т. 4; *Федоров В. А.* «Своей судьбой гордимся мы...». М., 1988.
²³ ГПБ, ф. 859 (Н. К. Шильдера), к. 25, № 20.
²⁴ Красный архив. 1925. № 2 (9). С. 195—225.
²⁵ ГПБ, ф. 488 (А. И. Михайловского-Данилевского), № 25, л. 160.
²⁶ См.: *Николай Михайлович, вел. кн.* Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича // Исторический вестник. 1907. № 7.
²⁷ Вопросы истории. 1966. № 1.
²⁸ ГПБ, ф. 488, № 25, л. 199—200 об.

Глава 3 (с. 100—195)

- ¹ Наиболее подробно история Секретных комитетов второй четверти XIX в. изложена в кн.: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в XVIII и первой половине XIX века. Т. 2. СПб., 1888.

² *Сергеева Н. И.* Обязанные крестьяне и реформа 19 февраля 1861 г. // Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX—XX веков. Л., 1972. С. 82.

³ Официально это никак не отразилось в делопроизводстве Секретного комитета и поэтому ранее не было замечено исследователями. О назначении Карнеева мы узнаем из записок для памяти одного из членов комитета — А. С. Меншикова (ЦГА ВМФ, ф. 19 (Меншикова), оп. 4, д. 511, л. 140 (второй нумерации)).

⁴ См.: Систематическая опись делам бывшего V-го Отделения собственной его императорского величества канцелярии. 1824—1856. СПб., 1887. С. X.

⁵ *Левшин А. И.* Достопамятные минуты в моей жизни // Русский архив. 1885. № 8. С. 481. Автор воспоминаний говорит, что бумаги были затребованы из I и II отделений с. е. и. в. канцелярии без упоминания V отделения. Видимо, в этом случае мемуаристу просто изменила память.

⁶ ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (Т. 15), д. 145. 489 листов, входящих в него, переплетены в один том и находятся в двух обложках. Первая (нижняя) из плотной темно-синей бумаги является обычной типографской обложкой, в которую переплетались все дела V отделения. Другая (верхняя) — из плотного картона с зеленым кожаным корешком — была изготовлена позднее в Редакционных комиссиях.

⁷ Журнал заседания Секретного комитета (ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (Т. 15), д. 145, л. 15—16 об.).

⁸ См. его резолюцию: ЦГИА СССР, ф. 958 (П. Д. Киселева), оп. 1, д. 647, л. 1. Доклад и резолюция Николая I приведены А. П. Заблоцким-Десятовским в биографии П. Д. Киселева (*Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время. Т. 2. СПб., 1882. С. 243—244).

⁹ ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (Т. 15), д. 145, л. 17—165 об.

¹⁰ Письма П. Д. Киселева И. В. Васильчикову от 24 марта и 15 ноября 1840 г. (ЦГИА СССР, ф. 651 (И. В. Васильчикова), оп. 1, д. 246, л. 1—3).

¹¹ Там же, л. 4—126.

¹² А. П. Заблоцкий-Десятовский также не знал о существовании двух записок Киселева и принимал ноябрьскую за мартовскую.

¹³ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 1—98 (первой нумерации).

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 651, оп. 1, д. 246, л. 2. Меншиков вошел в Секретный комитет только в конце октября 1840 г. (там же, д. 248, л. 1).

¹⁵ Там же, д. 252, л. 5 об.

¹⁶ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 512 (копия «Мнения»); д. 511, л. 58 (письмо Тучкова) (второй нумерации).

¹⁷ Обнаружение записки Тучкова заставлял не отказываться от мысли, что существовали также записки А. Г. Строганова и Д. Н. Блудова, хотя найти их не удалось.

¹⁸ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 59—84 (второй нумерации). Вероятно, Меншиков счел себя обязанным написать ее, только став членом комитета.

¹⁹ *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 47—50.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 651, оп. 1, д. 258.

²¹ Там же, ф. 1180, оп. 1 (Т. 15), д. 145, л. 344.

²² Там же, ф. 651, оп. 1, л. 249.

²³ Там же, ф. 958, оп. 1, д. 647, л. 10. Записка находится в одном деле с всеподданнейшим докладом Киселева от 18 марта 1840 г. и в описи не указана. В том, что это действительно программа

проекта, а не общие соображения автора о способах освобождения крестьян, убеждают заключительные слова: «Сии главные основания приняты будут при составлении нового положения о свободных хлебопашцах» (Там же, л. 12).

²⁴ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 140—149, 152 (второй нумерации).

²⁵ Там же, л. 99 об.

²⁶ Там же, л. 141—141 об.

²⁷ Там же, л. 140 об.

²⁸ Там же, оп. 7, л. 24.

²⁹ Там же, оп. 4, д. 513.

³⁰ ЦГИА СССР, ф. 1021 (Перовского), оп. 2, д. 31, л. 1—1 об.

³¹ Там же, ф. 651, оп. 1, д. 244.

³² ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 156 (второй нумерации).

³³ См.: *Корф М. А.* Детские годы императора Николая Павловича // РИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 30, 64—67.

³⁴ Крестьянское движение. 1827—1869. М., 1931. С. 9, 16, 31.

³⁵ Там же. С. 32.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, д. 1817, ч. 5, л. 40 об.

³⁷ Цит. по: *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 66, 67.

³⁸ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 43 (первой нумерации).

³⁹ ГБЛ, ф. 129 (Киселевых), 5.10, л. 73. Ср.: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 208.

⁴⁰ Цит. по: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 2.

⁴¹ См.: *Смирнова-Россет А. О.* Автобиографические записки // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 363—364.

⁴² См.: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 12—13.

⁴³ См.: *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946. С. 248—256.

⁴⁴ *Корф М. А.* Из записок // *Русская старина.* 1900. № 2. С. 335.

⁴⁵ ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, д. 1817, ч. 1, л. 104 об. Запись от 23 мая 1838 г.

⁴⁶ Из «мнения» А. Ф. Орлова, представленного в Секретный комитет 10 мая 1841 г.— ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 145, л. 380 об.

⁴⁷ Вот некоторые сведения об имущественном положении членов Секретного комитета, извлеченные из их послужных списков (при подсчетах учитывалась и собственность, принадлежавшая женам членов комитета): Д. Н. Блудов владел 7351 душой в Вологодской, Казанской и Смоленской губерниях (ЦГИА СССР, ф. 1162 (Государственной канцелярии), оп. 6, д. 12 (1850 г.); П. Д. Киселев — 4775 душами в Киевской, Пензенской и Ярославской губерниях (там же, д. 231 (1842 г.), л. 68 об.); В. В. Левашев — 4100 душами в Воронежской и Петербургской губерниях (там же, д. 283 (1846 г.), л. 70 об.); А. С. Меншиков — 10 811 душами в Воронежской, Московской, Тульской и Ярославской губерниях (там же, д. 331 (1842 г.), л. 33 об.); А. Ф. Орлов — 40 тыс. десятинами земли в Воронежской губ. (там же, д. 386 (1846 г.), л. 28 об.); В. Н. Панин — 12 102 душами во Владимирской, Воронежской, Костромской, Нижегородской, Московской и Тверской губерниях (там же, д. 339 (1849 г.), л. 41 об.); А. Г. Строганов — 14 468 душами в Нижегородской и Пермской губерниях, а также заводами и соляными варницами в Пермской губ. (там же, д. 514 (1850 г.), б. л.); А. С. Танеев — 448 душами во Владимирской, Нижегородской и Тверской губерниях (там же, д. 527 (1850 г.), л. 9 об.).

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 145, л. 2—8 об. В записке перечислялись следующие документы: указ о вольных хлебопашцах; указ об обязанных поселянях; манифест о состояниях, выработанный Секретным комитетом 6 декабря 1826 г.; объяснительная записка о предполагаемом учреждении класса вольноотпущенных земледельцев и, наконец, записка об улучшении крепостного состояния от 1827 г.

⁴⁹ Там же, л. 2.

⁵⁰ Там же, л. 4.

⁵¹ Там же, л. 5—6.

⁵² Там же, л. 7—8 об.

⁵³ Там же, л. 14 (журнал заседания Секретного комитета 16 ноября 1839 г.).

⁵⁴ Там же, л. 9—13.

⁵⁵ См.: *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 31. Почерк действительно сходен с подписями Ханыкова (более точную идентификацию провести не удалось за отсутствием автографов последнего).

⁵⁶ ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 145, л. 9 об.

⁵⁷ Там же, ф. 651, оп. 1, д. 252, л. 1—4 об.

⁵⁸ Там же, ф. 958, оп. 1, д. 647, л. 10—12.

⁵⁹ Там же, л. 11 об.—12.

⁶⁰ Там же, л. 12. Приложенное к этой записке «Извлечение из полного собрания законов, постановлений, относящихся до крепостного состояния» было возвращено Николаем I Киселеву, судя по помете последнего, 19 февраля 1840 г. (Там же, д. 648, л. 1.).

⁶¹ Всеподданнейший доклад П. Д. Киселева от 18 марта 1840 г. (Там же, д. 647, л. 1.).

⁶² Там же, л. 3 об.—4.

⁶³ См.: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 243—244; *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 33.

⁶⁴ ЦГИА СССР, ф. 958, оп. 1, д. 647, л. 3 об.

⁶⁵ Там же, л. 4—4 об.

⁶⁶ Там же, л. 6—7 об.

⁶⁷ Там же, л. 7 об.—8.

⁶⁸ Там же, л. 8 об.—9.

⁶⁹ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 28 (первой нумерации).

⁷⁰ Там же, л. 43 (первой нумерации).

⁷¹ Там же, л. 46—47, 59 (первой нумерации).

⁷² ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 95 (первой нумерации).

⁷³ *Неупокоев В. И.* Позиция П. Д. Киселева в вопросе создания майоратов в западных губерниях // Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976. С. 64.

⁷⁴ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 81 об. (второй нумерации).

⁷⁵ Приложение к письму П. Д. Киселева вел. кн. Константину Николаевичу от 9(21) сент. 1857 г. // *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 334.

⁷⁶ *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 33; ЦГИА СССР, ф. 958, оп. 1, д. 647, л. 1.

⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 651, оп. 1, д. 246, л. 1—2.

⁷⁸ Там же, л. 2.

⁷⁹ Там же, д. 248, л. 1 (запись высочайшего повеления неизвестной рукой). Судя по записи о чтении записки Киселева, Меншиков ознакомился с ней, еще не будучи назначен членом Секретного комитета, возможно, по личному распоряжению царя.

⁸⁰ ЦГА ВМФ, ф. 19, предисл. к оп. 4.

⁸¹ ЦГИА СССР, ф. 651, оп. 1, д. 247, л. 1. На тексте надпись Киселева: «Словесный доклад» и ниже: «В сей Комитет предполагалось назначить дополнительными членами—граф Левашев, князь Меншиков, граф Панин». Вероятно, в этот день Киселев узнал об этих изменениях в составе комитета.

⁸² Там же, л. 3, д. 246, л. 4—126; ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 145, л. 16—92.

⁸³ Там же, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 145, л. 249—253; ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 59—84 (второй нумерации).

⁸⁴ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 59—81 об. (второй нумерации).

⁸⁵ См.: *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 34—43.

⁸⁶ ЦГИА СССР, ф. 651, оп. 1, д. 240, л. 41.

⁸⁷ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 81 об.

⁸⁸ См.: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 286.

⁸⁹ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 64—78 (второй нумерации).

⁹⁰ Там же, л. 58 (второй нумерации).

⁹¹ Журнал заседания 3 января 1841 г. начинается словами: «Секретный комитет имел второе свое заседание 3-го января 1841-го года» (ЦГИА СССР, ф. 651, оп. 1, д. 249, л. 1).

⁹² В «высочайшем повелении» от 23 октября 1840 г. в качестве правителя дел еще указан Ханыков (ЦГИА СССР, ф. 651, оп. 1, д. 248, л. 1), в памятной записке А. С. Меншикова от 3 января 1841 г.—Карнеев (ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 140).

⁹³ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 140 (второй нумерации) (Памятная записка А. С. Меншикова).

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, д. 1817, ч. IV, л. 171 об.—172 (запись от 17 мая 1841 г.).

⁹⁶ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 141 (второй нумерации).

⁹⁷ Там же, л. 141 об. (второй нумерации).

⁹⁸ Там же, л. 142 (второй нумерации).

⁹⁹ Там же, л. 143 (второй нумерации).

¹⁰⁰ ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 145, л. 194—200 об.

¹⁰¹ Там же, л. 202—210 об.

¹⁰² Там же, л. 262 (сопроводительное письмо Тучкова).

¹⁰³ Там же, л. 216—234 об.

¹⁰⁴ Цит. по: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Указ. соч. Т. 4. С. 204—205.

¹⁰⁵ ЦГИА СССР, ф. 651, оп. 1, д. 246, л. 44.

¹⁰⁶ Там же, д. 258, л. 1—20 об.

¹⁰⁷ Там же, л. 4—4об.

¹⁰⁸ Там же, л. 3 об., 3.

¹⁰⁹ Там же, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 145, л. 211 об.—212.

¹¹⁰ Там же, л. 211—215 об. (ответ на замечания Блудова), л. 201—201 об. (ответ на замечания Панина), л. 243—248 (ответ на замечания Строганова), 254—255 (ответ на замечания Тучкова).

¹¹¹ Там же, л. 185—189. Любопытно, что выход из этих затруднений, открываемый буржуазными реформами, даже не приходил Киселеву в голову как возможный вариант решения вопроса.

¹¹² Там же, л. 190.

¹¹³ См.: *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 42—43.

¹¹⁴ ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 144—144 об. (второй нумерации) (Памятная записка А. С. Меншикова). Мнение Блудова не зачитывалось, и он на заседании не присутствовал.

¹¹⁵ Там же, л. 145 (второй нумерации) (Памятная записка А. С. Меншикова).

- 116 ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 145, л. 267.
- 117 См.: *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 50.
- 118 ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 145 (второй нумерации).
- 119 Там же, л. 145 об. (второй нумерации). Не только Меншиков, но и такие крупные бюрократы, как Сперанский и Канкрин, склонны были признавать за государственными крестьянами право собственности на землю (см.: *Дружинин Н. М.* Указ. соч. С. 33).
- 120 ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 104 (второй нумерации).
- 121 Там же, л. 145 об.—146 (второй нумерации).
- 122 ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 145, л. 270.
- 123 ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 147 (второй нумерации).
- 124 ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 145, л. 268—288 (журнал заседаний Секретного комитета от 28 февраля, 7 и 14 марта 1841 г.).
- 125 Там же.
- 126 ЦГАОР СССР, ф. 672 (Николая I), оп. 1, д. 306, л. 1—5 об.
- 127 Там же, л. 4 об.—5.
- 128 ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 145, л. 288.
- 129 Там же, л. 307.
- 130 Там же, л. 329—333 об. (журнал заседания 12 апреля 1841 г.), л. 334—335 об. (особая журнальная расписка). ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 148—149 (запись Меншикова) (второй нумерации).
- 131 ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 145, л. 335.
- 132 Там же, л. 335 об.; ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 148 (запись Меншикова) (второй нумерации).
- 133 ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 148—148 об. (второй нумерации).
- 134 ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 145, л. 289—301.
- 135 Там же, л. 256—261.
- 136 Там же, л. 333 об.
- 137 См.: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Указ. соч. Т. 4. С. 205.
- 138 Там же. С. 206—207.
- 139 ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 145, л. 325 об.—326.
- 140 Там же, л. 326—327.
- 141 См.: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Указ. соч. Т. 4. С. 207—209.
- 142 ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 511, л. 148 об.—149 (второй нумерации).
- 143 ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 145, л. 330.
- 144 Там же, л. 344—365.
- 145 Там же, л. 344—344 об.
- 146 Там же, л. 359.
- 147 Там же, л. 363 об.
- 148 Там же, л. 364—364 об.
- 149 Там же, л. 376 (журнал заседаний 10 и 16 мая 1841 г.).
- 150 Там же, л. 366—375.
- 151 Там же, л. 379—381.
- 152 Там же, л. 387—387 об.; ф. 1250 (дела, производившиеся при председателях Государственного совета), оп. 1 (т. 16), д. 9, л. 1 («представление» Васильчикова от 13 июня).
- 153 Там же, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 145, л. 445—447 об.
- 154 Там же, л. 451 об.—452.
- 155 Там же, ф. 651, оп. 1, д. 245, л. 5—9 об.
- 156 ЦГА ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 513, л. 128—129 (второй нумерации).
- 157 На тексте «представления» рукой Киселева написано: «Доклад сей получен от Е. И. В. в Петергофе 23 июня 1841 года» (ЦГИА).

СССР, ф. 1250 (дела, производившиеся при председателе Государственного совета), оп. 1 (т. 16), д. 9, л. 1).

¹⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 145, л. 388—389.

¹⁵⁹ Там же, л. 435.

¹⁶⁰ ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, д. 1817, ч. V, л. 64 об.

¹⁶¹ Там же, л. 40—40 об.

¹⁶² Там же, л. 40 об.

¹⁶³ Там же, л. 69 (запись от 26 марта 1842 г.).

¹⁶⁴ Там же, л. 78—78 об.

¹⁶⁵ РИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 113.

¹⁶⁶ Там же. С. 114, 122.

¹⁶⁷ Там же. С. 114.

¹⁶⁸ Там же. С. 115.

¹⁶⁹ Там же. С. 115.

¹⁷⁰ Там же. С. 117.

¹⁷¹ Там же. С. 107.

Глава 4 (с. 196—218)

¹ Из писем А. О. Смирновой (Россет) 1855 г. // Русский архив. 1897. № 8. С. 622.

² Наиболее важные свидетельства об этой беседе: *Попельницкий А. З.* Речь Александра II, сказанная 30 марта 1856 г. московским предводителям дворянства // *Голос минувшего*. 1916. № 5—6. С. 393; *Всеподданнейший доклад С. С. Ланского от 23 декабря 1856 г.: Левшин А. И.* Достопамятные минуты в моей жизни // *Русский архив*. 1885. № 8. С. 494. Подлинник доклада Ланского: ЦГИА СССР, ф. 1187, л. 48 (Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу, оп. 1 (т. 15), д. 70; письмо К. Д. Кавелина М. П. Погодину от 30 января 1856 г.—ГБЛ, ф. 231 (М. П. Погодина), разд. II, 14. 31, л. 19 об.

³ См.: *Попельницкий А. З.* Указ. соч. С. 393 (запись, исправленная Александром II).

⁴ См.: *Левшин А. И.* Указ. соч. С. 480—481.

⁵ Там же. С. 476.

⁶ См. там же. С. 489, 491—492. Подлинник доклада и исторической записки: ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 77.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 516 (коллекции камер-фурьерских журналов), оп. 125/2382, д. 29, л. 27 (камер-фурьерский журнал за декабрь 1856 г.).

⁸ Подробную характеристику членов Секретного комитета 1857 г., их позиций и имущественного положения см. в кн.: *Захарова Л. Г.* Подготовка отмены крепостного права в России. М., 1984. С. 55—58.

⁹ Деятельность последнего Секретного комитета не раз привлекала внимание исследователей: *Лященко П. И.* Последний Секретный комитет по крестьянскому делу. СПб., 1911; *Попельницкий А. З.* Секретный комитет в деле освобождения крестьян от крепостной зависимости // *Вестник Европы*. 1911. № 2. С. 48—49; *Зайончковский П. А.* К вопросу о деятельности Секретного комитета по крестьянскому делу в 1857 г. // *Исторические записки*. М., 1956. Т. 58. Деятельность Секретного комитета 1857 г. служила предметом анализа и в более общих работах по истории подготовки освобождения крепостных крестьян в России. См.: *Захарова Л. Г.* Указ. соч. (Гл. II. Секретный комитет 1857 г. и отказ от традиционной политики в крестьянском вопросе).

¹⁰ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1. Пг., 1915. С. 1—3.

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 728 (библиотеки Зимнего дворца), оп. 1, д. 2197, ч. 5. Дневник, за исключением отдельных строк, написан по-французски.

¹² Там же, л. 10 об. (запись 1 февраля 1857 г.), 11. Слова Буткова в дневнике написаны по-русски.

¹³ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1. С. 3; *Позен М. П.* Бумаги по крестьянскому делу. Дрезден, 1864. С. 23.

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 678 (Александра II), оп. 1, д. 311, л. 1.

¹⁵ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1. С. 5—7.

¹⁶ См. там же. С. 5, 10—18.

¹⁷ ГПБ, ф. 287 (С. М. Жуковского), оп. 1, л. 88, л. 6 (черновой проект всеподданнейшего доклада А. Ф. Орлова, без даты).

¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 9, л. 3—3 об. (всеподданнейшая докладная записка А. Ф. Орлова от 2 марта 1857 г.).

¹⁹ Цит. по: *Левшин А. И.* Указ. соч. С. 494—496. Левшин датирует доклады 29 и 30 декабря. В подлиннике на обоих — 23 декабря.

²⁰ Там же. С. 497.

²¹ См. там же. С. 497—498.

²² ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, д. 2197, ч. 5, л. 18.

²³ ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 9, л. 368—369 об. Документ не датирован.

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, д. 2197, ч. 5, л. 20.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 9, л. 274 об.—275 об.

²⁶ Там же, л. 276—344 об. Записка. Гагарина озаглавлена «О средствах к добровольному изменению отношений помещиков к крестьянам».

²⁷ Там же, л. 345—360.

²⁸ Там же, л. 370—371 об. (Всеподданнейший доклад А. Ф. Орлова от 21 июня 1857 г.).

²⁹ См.: *Левшин А. И.* Указ. соч. С. 503.

³⁰ Там же. С. 503—509.

³¹ Там же. С. 521.

³² ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 9, л. 370—376 (Всеподданнейший доклад А. Ф. Орлова от 21 июня 1857 г.).

³³ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1. С. 18—19.

³⁴ Там же. С. 19—26.

³⁵ *Левшин А. И.* Указ. соч. С. 523.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, д. 2197, ч. 5, л. 42.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, ф. 722 (вел. кн. Константина Николаевича), оп. 1, д. 134, л. 51.

³⁹ *Левшин А. И.* Указ. соч. С. 509.

⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 568, л. 43.

⁴¹ *Левшин А. И.* Указ. соч. С. 524.

⁴² ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 10, л. 90 об. (секретное отношение виленского генерал-губернатора к министру внутренних дел (копия)).

⁴³ Подробнее о деятельности и решениях губернских комитетов см.: *Улащик Н. Н.* Из истории рескрипта 20 ноября 1857 г. // Исторические записки. Т. 28. М., 1949. С. 169—173.

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 10, л. 73, 73 об. (Конфиденциальное письмо С. С. Ланского А. Ф. Орлову от 22 октября 1857 г.).

⁴⁵ Левшин А. И. Указ. соч. С. 527.

⁴⁶ Письмо от 2 ноября 1857 г., подлинник по-французски // The politics of autocracy. Letters of Alexander II to prince A. I. Bariatski. 1857—1864/Ed. A. Rieber. Paris, 1966. P. 109.

⁴⁷ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1. С. 27—29.

⁴⁸ Левшин А. И. Указ. соч. С. 527.

⁴⁹ См. там же. С. 527—532. Подлинник записки: ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 10, л. 96—98 об.

⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, д. 2197, ч. 5, л. 54 об.

⁵¹ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1. С. 29—32.

⁵² Там же. С. 27.

⁵³ ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 311, л. 109.

⁵⁴ Письмо от 22 ноября 1857 г., подлинник по-французски // The politics of autocracy. P. 111.

⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 2197, ч. 5, л. 56 об. (запись от 19 ноября 1857).

⁵⁶ Там же, ф. 728, оп. 1, д. 2456, л. 83 об., 87.

⁵⁷ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1. С. 33—44.

⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. 1 (т. 15), д. 10, л. 151—156 (Всеподданнейший доклад А. Ф. Орлова от 23 ноября 1857 г.).

⁵⁹ Левшин А. И. Указ. соч. С. 534.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адлерберг В. Ф. 199
Александр I 3, 4, 6—8, 12, 14—
32, 34, 35, 40—47, 52, 57, 63—
65, 67—73, 75—91, 93—98,
113, 188, 219, 220
Александр II 5, 9, 83, 102, 105,
115, 117, 196—205, 209, 210,
213—218
Александр III 97
Александра Федоровна, имп.
82—84, 90
Алексей Михайлович, царь 197
Анна Федоровна, вел. кн. 84
Аракчеев А. А. 3, 42, 68—72,
85, 95
Балашев А. Д. 40—42, 57, 58,
66, 73
Барятинский А. И. 215, 216
Бахтин Н. И. 169
Бенкендорф А. Х. 113, 115, 119
Бернсторф Х.-Г. 30
Бестужев А. А. 13
Бестужев Н. А. 95
Блудов Д. Н. 107, 108, 115, 116,
122, 145, 149—151, 155, 158,
171, 174, 199, 202
Богданович М. И. 17
Бошняк А. К. 8, 94, 95
Брок Ф. П. 199
Бутков В. П. 200, 212, 216
Вадковский Ф. Ф. 94
Васильчиков И. В. 104, 107—
112, 115, 116, 118, 119, 135—
137, 145—147, 155, 162, 164,
171, 180—187
Вернадский Г. В. 35, 41
Вилламов Г. И. 88
Витгенштейн П. Х. 97
Витт И. О. 94, 95
Воинов А. Л. 88—90
Волконский П. М. 40, 88, 98,
99, 189
Волконский С. Г. 24
Воронцов М. С. 136
Воронцов С. Р. 23
Вяземский П. А. 24—30, 32—35,
42—46, 60, 65
Гагарин П. П. 199, 200, 202, 203,
206, 207, 212, 216, 217
Гакстгаузен А. 209
Голенищев-Кутузов П. В. 78
Голицын А. Н. 4, 85, 90, 95, 98
Горчаков М. Д. 217
Гримм Ф. Б. 90
Грудзинская И., гр. см. Лович
кн. Ж. А.
Гурьев Д. А. 3, 71, 81, 95, 102,
187
Давыдов В. Л. 95
Дешан П. И. см. Пешар-Де-
шан П. И.
Дибич И. И. 40, 41, 88, 94—99
Дмитриев И. И. 24, 26
Долгоруков В. А. 199, 202, 213
Долгорукова Е. М. 5
Дружинин Н. М. 134
Екатерина II 42, 72, 77, 78
Елизавета Алексеевна, имп. 77,
98, 99
Ермолов А. П. 21, 41, 95
Заблюцкий-Десятовский А. П.
126
Зайончек Ю. 17
Закревский А. А. 21, 41
Канкрин Е. Ф. 102
Каподистрия И. А. 17, 18
Карамзин Н. М. 14, 24, 26, 28,
29, 43, 45, 85
Карамзина Е. А. 85
Карнеев В. И. 106, 107, 145, 149,
152, 165, 174, 177, 179
Каховский П. Г. 74
Киселев П. Д. 9, 21, 22, 79, 80,
83, 95, 96, 102—104, 106—
110, 112, 115—118, 122—140,
142—174, 176—179, 182, 183,
185, 186, 189, 190, 192—195,
209
Киселева С. С. 147
Констан Б. 11
Константин Николаевич, вел.
кн. 196, 212, 213, 216
Константин Павлович, цесаре-
вич 3, 6, 8, 19, 34, 75, 76, 79,
80, 82—87, 89—93, 95, 98, 99

- Корф М. А. 76, 100, 115, 116, 118, 119, 147, 184—187, 189, 191, 199, 202, 207, 209
 Кочубей В. П. 77, 102, 116
 Крюков Н. А. 95
 Куракин А. Б. 14
 Лагарп де Ф. С. 12, 77, 78, 81
 Лакруа П. 117
 Ланда С. С. 23, 24
 Ланской С. С. 198, 199, 204—210, 212—216, 218
 Лебцельтерн А. 11, 39—41
 Левашев В. В. 109, 136, 145
 Левшин А. И. 107, 197, 198, 204, 205, 208, 209, 211—216
 Ленин В. И. 71
 Тихарев В. Н. 95
 Тобанов-Ростовский Д. И. 91
 Тович Ж. А., кн. 84
 Топухин П. В. 88
 Лотман Ю. М. 28, 29
 Майборода А. И. 8, 96
 Мария Николаевна, вел. кн. 114
 Мария Федоровна, имп. 80, 84, 85, 88, 90, 91
 Меншиков А. С. 107—112, 136—140, 142—150, 153, 154, 156, 158—162, 164—166, 170—179, 182, 190, 193
 Меттерних К. 11
 Милорадович М. А. 74, 88—92
 Минаева Н. В. 25, 47
 Михаил Павлович, вел. кн. 84
 Михайловский-Данилевский А. И. 20, 40, 79—82, 96, 98
 Мордвинов Н. С. 102
 Муравьев М. Н. 215
 Муравьев Н. М. 95
 Назимов В. И. 210, 213—218
 Наполеон I Бонапарт 13, 14, 31, 79
 Нарышкин Д. Л. 5
 Нарышкина М. А. 4, 5
 Нарышкина С. Д. 4, 5
 Нейдгарт А. И. 88, 90
 Нессельроде М. Д. 90
 Николаев С. С. 94
 Николай I 8, 9, 72, 75, 76, 80, 82—95, 97, 98, 100, 102—105, 108, 110, 112—120, 122, 123, 125, 126, 128, 132, 134—136, 145, 148, 156, 160, 162—164, 168—170, 176, 179—196
 Николай Михайлович, вел. кн. 97, 98
 Новосильцов Н. Н. 3, 6, 7, 18, 19, 25—35, 42, 43, 45, 46, 60, 62—64, 81, 83, 102, 116
 Огинский М. 14—16
 Оленин А. Н. 92
 Опочинин Ф. П. 89
 Орлов А. Ф. 109, 116, 119, 145, 178—180, 199, 200, 207, 209, 212
 Орлов М. Ф. 95
 Павел I 3, 72, 77, 78
 Панин В. Н. 109, 136, 145, 146, 150, 151, 155, 158, 171
 Панин Н. П. 52
 Парусов А. И. 25
 Перовский Л. А. 105, 112
 Пестель П. И. 8, 95—97
 Петр I 3, 21, 74, 129
 Пешар-Дешан П. И. 30—32, 35, 42, 43, 60
 Позен М. П. 200, 201, 204, 206
 Потапов А. Н. 88
 Прадт де Д. Д. 31
 Предтеченский А. В. 25, 47, 55, 56
 Пущин И. И. 75, 220
 Раевский Н. Н. (старший) 95, 96
 Романовы, династия 76
 Ростовцев Я. И. 199, 202, 203, 206, 207, 212, 213
 Ростопчин Ф. В. 23
 Рылеев К. Ф. 95
 Семевский В. И. 62, 108, 110, 123, 126, 140, 160, 163
 Смирнова-Россет А. О. 117, 196
 Сперанский М. М. 3, 22, 23, 28, 36, 37, 54, 55, 58, 63, 66, 72, 73, 102, 116
 Столыпин А. А. 22
 Столыпин Д. А. 95
 Строганов А. Г. 107, 109, 116, 122, 150, 152, 153, 155, 158, 172
 Строганов П. А. 32, 219
 Строгановы, гр. 32
 Сыроечковский Б. Е. 95
 Танеев А. С. 108, 116, 122, 145
 Тараканова Е. 3
 Трошинский Д. П. 96

Трубецкой С. П. 89, 92
Тургенев А. И. 24, 26—30, 32—
34, 42—44
Тургенев Н. И. 43, 52
Тургенев С. И. 43, 44, 65
Тучков П. А. 107—109, 116,
122—124, 137—139, 147, 150,
152, 158, 172

Уваров С. С. 24

Федор Кузьмич, старец 97, 98
Филарет (Дроздов В. М.), митрополит Московский и Коломенский 85, 98
Фотий (Спасский П. Н.), архимандрит 96

Ханыков В. Я. 116, 121, 123, 145

Хромов С. Ф., томский купец 97, 98

Чарторыйский (Чарторижский) А. 32

Чевкин К. Д. 199

Чернышев А. И. 97

Шеллер, прусский посланник в России 11, 39, 40, 46

Шервуд И. В. 8, 93, 94

Шишков А. С. 91

Шмидт, прусский консул в Варшаве 30, 32, 34, 35, 40

Шторх А. К. 113

Юрьевская Е. М. см. Долгорукова Е. М.

Якушкин И. Д. 12

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1	
ТАЙНАЯ КОНСТИТУЦИЯ.....	11
Глава 2	
ВОССТАНИЯ МОГЛО НЕ БЫТЬ.....	74
Глава 3	
ОДИННАДЦАТЬ СЕКРЕТНЫХ КОМИТЕТОВ.....	100
Глава 4	
ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО.....	196
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	219
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	222
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	234

Мироненко С. В.

М64 Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия.— М.: Мысль, 1990.— 235,[2] с.

ISBN 5-244-00406-9

В данной работе освещается сложная картина политической борьбы в первой половине XIX в.: история проекта первой русской конституции 1820 г., погребенной в тайных архивах самодержавия, попыток решения самодержавным правительством крестьянского вопроса. Широко используя мемуары и биографии деятелей эпохи, автор показывает острую борьбу в среде правящей верхушки, неизменное бесплодие всех мер, что свидетельствовало о кризисе и разложении самой системы.

Для всех интересующихся отечественной историей.

М 0503020200-032 19-90
004(01)-90

ББК 63.3(2)47

Научная

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИРОНЕНКО

СТРАНИЦЫ ТАЙНОЙ ИСТОРИИ САМОДЕРЖАВИЯ

**Политическая история России
первой половины XIX столетия**

Редактор **Т. В. Мальчикова**

Младший редактор **О. В. Карначева**

Оформление художника **А. Я. Толмачева**

Художественный редактор **И. А. Дутов**

Технический редактор **О. А. Барабанова**

Корректор **Ф. Н. Морозова**

ИБ № 3410

Сдано в набор 02.11.89. Подписано в печать 28.03.90. А08069. Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура типа «Таймс». Высокая печать. Усл. печатных листов 14,28 с вкл. Усл. кр.-отт. 16,38. Учетно-издательских листов 15,44 с вкл. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3110. Цена 1 р.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати. 113054. Москва, Валуевская, 28.

